ВОЙНА И МЫ

Артем ДРАБКИН

Я ДРАЛСЯ НА Т-34

ТРЕТЬЯ КНИГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

НОВАЯ КНИГА ведущего военного историка. Продолжение супербестселлеров, разошедшихся суммарным тиражом более 100 тысяч экземпляров. Воспоминания советских танкистов, воевавших на легендарном Т-34.

«Только я успел крикнуть: «Пушка справа!», как болванка пробила броню. Старшего лейтенанта разорвало на части, и вся кровь с него, оторванные куски тела… все это на меня! Мне достался в ногу мелкий осколок от брони, который я потом сам смог вытащить, а механику-водителю осколок попал в плечо. Но танк еще оставался на ходу, и тот, одной рукой переключая рычаг скоростей, вывел «тридцатьчетверку» из-под огня…»

«Я принял решение контратаковать с фланга прорвавшиеся немецкие танки. Сам сел на место наводчика. Расстояние до них было метров четыреста, да к тому же они шли бортами ко мне, и я быстро поджег два танка и два самоходных орудия. Брешь в нашей обороне была ликвидирована, положение стабилизировалось…»

«В бою за село Теплое прямым попаданием снаряда заклинило ведущее колесо одного из атакующих «Тигров». Экипаж бросил фактически исправный новейший танк. Командир корпуса поставил нам задачу вытащить «Тигр» в расположение наших войск. Быстро создали группу из двух танков, отделения разведчиков, саперов и автоматчиков. Ночью двинулись к «Тигру». Артиллерия вела беспокоящий огонь по немцам, чтобы скрыть лязг гусениц «тридцатьчетверок». Подошли к танку. Коробка стояла на низкой передаче. Попытки переключить ее не удались. Подцепили «Тигр» тросами, но они лопнули. Рев танковых двигателей на полных оборотах разбудил немцев, и они открыли огонь. Но мы уже накинули на крюки четыре троса и потихоньку двумя танками потащили «Тигр» к нашим позициям…»

- Артем Драбкин
  -
  - Кошечкин Борис Кузьмич
  - Крят Виктор Михайлович
  - Куревин Петр Васильевич
  - Алексеев Владимир Андреевич
  - Букин Антон Дмитриевич
  - Егоров Иван Викторович
  - Тверской Аркадий Борисович

- ○ Захаров Андрей Васильевич
- ○ Климов Николай Васильевич
- ○ Падуков Леонид Степанович
- ○ Бараш Анатолий Михайлович
- ○ Стычинский Сергей Александрович
- ○ Матусов Григорий Исаакович

Артем Драбкин
Я дрался на Т-34

© Драбкин А., 2015
© ООО «Издательство «Яуза-пресс», 2015

Кошечкин Борис Кузьмич

(Интервью Артема Драбкина)

Я родился в селе Бекетовка под Ульяновском в 1921 году. Мать колхозница, отец преподавал физкультуру в школе. Он был прапорщиком в царской армии, оканчивал Казанскую школу прапорщиков. Нас было семеро детей. Я второй. Старший брат был инженер-атомщик. Три года на станции в Мелекесе

(Димитровград) поработал и отправился на тот свет. Я в своем селе окончил семь классов, а потом пошел в Ульяновский индустриально-педагогический техникум, который окончил с отличием. Поступил в педагогический институт, по окончании которого меня загнали преподавателем в школу, в глухомань – в село Новое Погорелово. Туда ворон костей не носил. И вот я приехал в эту школу. Учителя молодые, завуч школы тоже еще не старый. Учительский состав культурный, дружный. Детишек много. Я вел начальные классы. Зарплата маленькая – 193 рубля 50 копеек, а мне 10 рублей надо платить за угол и пустые щи хозяйке. Я покрутился, покрутился и наконец завербовался и уехал в Хабаровск слесарем. Тут я уже смог не только себя кормить, но и матери высылал по 200–300 рублей в месяц. Там еще так получилось: директор завода Федор Михайлович Карякин или Куракин, забыл его фамилию, – солидный дядька лет 55 – оказался моим земляком. Видимо, он заинтересовался, что это за слесарь с высшим образованием у него работает. Смотрю, идет начальник, а рядом с ним помощник, молодой парень, все записывает что-то. Он ко мне подходит, а я отверстия в кронштейне сверлю на станке.

– Здравствуйте.

Я говорю:

– Здравствуйте.

– Так как же вы попали сюда с высшим-то образованием?

– Как попал?! В семье семь человек, я второй. Живем плохо, в колхозах на трудодень дают по 100 грамм зерна. Нищенствуем. Вот я вынужден был завербоваться и уехать. Вот мой друг из села – Витя Похомов, хороший парень, он потом погиб под Москвой – работает кочегаром в 6-м паросиловом цехе. Он зарабатывает по 3000, а я еле 500 зарабатываю. Наряды лучшие отдают опытным, а я неопытный. Образование есть, а опыта нет. Я к Вите хочу перейти.

– Хорошо, мы рассмотрим ваше пожелание.

На второй день ко мне подходят, говорят: «Идите к Леванову, начальнику 6-го цеха. Вас туда перевели кочегаром». Уже это, денежки будут, понимаете?! Там я поработал. Можно сказать, в парной. В котельной стояли два шуховских котла размером девять на пять метров. Нам по телефону командовали: «Дать больше горячей воды! Дать газу!» У нас помимо котлов еще газогенератор стоял. Туда карбид кальция засыпали и водой заливали. Выделялся ацетилен.

В общем, попал я в рабочий класс. А знаете, что это такое – рабочий класс? Как получка, они все собираются в общежитии за длинными столами на дощатых скамейках. Руками потирают –

сейчас мы ого-го! По стакану врезали, уже языки развязались, и начинают что-то по службе говорить:

– Вот я резьбу делаю… правая… а у тебя левая. Что-то не то… Ты врешь… Ты сам ничего не знаешь… Ты сваривать не можешь! – Все! Начинается драка. Морды побили. На следующий день на работу все перевязанные идут. И так два раза в месяц.

Я смотрю: «Нет, я тут не мастер».

Стал по утрам я бегать в аэроклуб имени героев-летчиков-челюскинцев учиться на летчика, а после обеда у меня вечерняя смена, я после нее иногда в ночную останусь.

Утром встаю, кое-что покушал… Рыбы было много. Я очень любил сома. Дадут тебе здоровенный кусок с картошкой. Стоил он 45 копеек, а зарплата здоровая – от 2700 до 3500 рублей, в зависимости от того, сколько выдам пару и газа в систему. Все учитывалось! Даже расход угля.

Окончил аэроклуб с отличием. Тут вызывают меня в горком комсомола в Хабаровске:

– Мы решили вас направить в Ульяновское летное училище.

– Отлично! Это как раз моя родина.

Выписывают мне бумагу, билет дают, как генералу, поезд, сел и поехал. Ту-ту – Чита, ту-ту – Ухта, ту-ту – Иркутск, потом – Новосибирск. Пятнадцать суток ехал. Приехал – опоздал на занятия. Захожу к горвоенкому. Говорю: так и так, аэроклуб окончил, приехал, думал, что поступлю. Заходит дежурный.

– Ну-ка, вызовите мне начальника строевого отдела.

Приходит.

– Скажите, где набор идет. У нас тут, видите, будущий воин хороший, аэроклуб окончил, а его не берут.

– В Казанском пехотном училище имени Верховного Совета Татарской АССР идет набор на первый курс.

– Вот, парень, туда пойдешь.

– Есть!

Выписывают мне направление. Сдал экзамены на «отлично». Попал в батальон майора Баранова. Курсантская норма хорошая, но все равно не хватает. Каждый где-то что-то доставал. Как-то я купил в магазине батон хлеба и иду в казарму. Навстречу командир соседнего батальона подполковник Устимов. Увидал меня, глаза свинцовые. Пальцем поманил:

– Идите сюда, товарищ курсант!

– Слушаю вас.

– Что у вас там?

– Батон, товарищ подполковник.

– Батон? Кладите его в лужу. Топчите!

Тут я взорвался. Все же голодовку 33-го года я пережил, а тут

приказывают топтать хлеб!

– Какое вы имеете право давать такую команду – топтать хлеб?! Его, этот хлеб, собирают, кормят нас, а вы топтать?!

– Вы с какой роты?

– Я с восьмой.

– Доложите командиру роты Попову, что я приказал вас арестовать на пять суток.

Я пришел в роту. Доложил командиру взвода Шленкову, что подполковник с первого батальона мне пять суток дал вот за это, за то, за то. Он говорит:

– Ну что, отменить приказ не могу, давай ремень снимай, хлястик снимай, иди чисти туалет во дворе, посыпай хлоркой, мусор убирай.

Пять суток я отработал честно. Пишу жалобу начальнику политотдела училища полковнику Васильеву. А разозлился я очень сильно и в жалобе написал, что если он не примет меры, то я напишу командующему Приволжским военным округом. Ну, дело политическое, закрутилось. Вызывает меня и подполковника член Военного совета округа. Начал меня спрашивать. Я повторил всю историю. Он подполковника спрашивает:

– Вы давали это распоряжение?

– Так точно, товарищ генерал.

На меня:

– Выйдите!

Вышел. Как ему ЧВС дал там… Разжаловали и уволили из армии Устимова.

Учился я отлично. Был запевалой в роте, хорошо рисовал, играл на балалайке. Потом научился играть на аккордеоне, на пианино, хотел научиться на гитаре, но под рукой не было. Вот так жизнь пошла.

– Армия для вас была родной средой?

Я такой служака был, что вы! Дисциплинированный. Мне служба нравилась: все чистенькое, все тебе регулярно дают.

В конце 1940-го училище перепрофилировали в танковое. О! Мы эти проклятые ранцы, в которые командир взвода на марш-броски нам камней накладывал – выносливость вырабатывал, покидали. Старшина кричит:

– Не бросайте, это государственное имущество!

А мы рады, кидаемся ими. Начали изучать танк Т-26, бензиновый двигатель, хлоп-хлоп – пушка «сорокапятка». Знакомились с Т-28. Пригнали один Т-34. Он стоял, укрытый брезентом, в гараже. Около него всегда находился часовой. Поднял как-то командир взвода чехол:

– Вот видите, какой танк?! Таких танков товарищ Сталин приказал сделать тысячи!

И закрыл. Мы глаза вылупили! Тысячи сделать?! Значит, война скоро будет… Надо сказать, что ощущение, что война будет, было. У меня отец был хоть царский прапорщик, он всегда говорил: «Война с немцем будет обязательно».

Заканчиваем программу и в мае поехали в лагеря под Казань. Там были Каргопольские казармы, там учились когда-то немцы.

И вот, значит, началась война. Как раз послеобеденный сон был. Забежал дежурный по училищу: «Тревога! Сбор за горой». И вот всегда так – как послеобеденный сон, так тревога. За горой там плац такой, скамеечки сделаны… Ну все, война.

19-й и 20-й годы служили в армии, а среди нас были 21, 22, 23 и 24-й. Вот из этих шести возрастов погибло 97 процентов хлопцев. Хлопцам бошки поотрывало, побили их, а девушки впустую гуляют. Понимаете, это трагедия была…

В 1942 году сдали экзамены. Выпустили кого младшими лейтенантами, кого – старшинами. Я и еще двенадцать человек сдали на лейтенанта. И нас подо Ржев. А там ад был. В Волге вода кроваво-красная была от погибших людей.

Наш Т-26 сгорел, но все живы остались. Болванка в двигатель попала. Потом нас перебросили в 13-ю гвардейскую орденов Ленина Краснознаменную танковую бригаду 4-го гвардейского Кантемировского ордена Ленина Краснознаменного танкового корпуса. Командиром корпуса был генерал-лейтенант Полубояров Федор Павлович. Он потом до маршала дослужился. А командиром бригады был полковник Бауков Леонид Иванович. Хороший командир. Очень девчат любил. Молодой, 34 года, а девчат вокруг навалом – телефонистки, радистки. И им тоже хочется. Штаб постоянно нес «потери», отправлял рожениц в тыл.

На Курской дуге нам пришли танки канадские – «Валентайны». Хорошая приземистая машина, но чертовски похожа на немецкий танк Т-3. Я уже взводом командовал.

На наших танках как? Вылезешь из люка и машешь флажками. Чепуха! А когда радиостанции появились, тут стали воевать по-настоящему: «Федя, куда ты вылез, вперед давай!.. Петрович, догоняй его… За мной все». Вот тут уже нормально все пошло.

Так вот. Я надел немецкий комбинезон. Я обычно носил немецкий. Он более удобный. Когда надо в туалет сходить, сзади отстегнул, и все, а наш надо с плеч снимать. Все продумано было. Немцы, они вообще продуманные. Языком неплохо немецким владел – все же вырос среди немцев Поволжья. У нас учительница была настоящая немка. И на немца смахивал – русый. На своем

танке нарисовал немецкие кресты и поехал. Пересек линию фронта, зашел в тыл к немцам. Там пушки с расчетами. Я две пушки придавил, вроде нечаянно. Мне немец орет:

– Куда ты прешься?!

Я ему:

– Шпрехен зе битте нихт зо шнель. – Мол, разговаривай не так быстро.

Потом подъехали к немецкой большой штабной машине. Механику Терентьеву говорю:

– Паша, сейчас прицепим эту машину.

Миша Митягин залазит в эту машину, ищет пистолет или что-нибудь пожрать. Я сижу на башне, пушку вот так ногами обнял, бутерброд уплетаю. Машину подцепили и поехали. Видимо, немцы заподозрили, что что-то тут не так. Как врезали из 88-миллиметровой пушки! Башню насквозь пробили! Если бы я сидел в танке, то капец мне. А так меня только оглушило и из ушей кровь пошла, а Пашу Терентьева чуть только в плечо осколком задело. Притащили эту машину. Все глаза вылупили – башня пробита насквозь, а все живые. Наградили меня за это дело орденом Красной Звезды. В общем, на фронте я немного хулиганом был…

Я вам скажу так. Немцы тоже люди. Они жили лучше нас и жить хотели больше нас. Мы так: «Вперед!!! А-а!!! Давай, туда его, сюда!» Понимаете?! А немец, он осторожный, он думает, что у него там кляйне киндер остался, там все свое, родное, а тут его на советскую территорию завезли. На черта ему нужна война?! А нам-то чем под немцами жить, лучше погибнуть.

– За что были представлены к званию Героя Советского Союза?

Мне Черняховский лично поставил задачу выйти в тыл противника и перерезать дорогу от Тернополя на Збараж. Он еще говорил:

– Отсюда мы нажмем. А ты там встречай. Они будут отступать, ты их бей.

А я так еще смотрю на него и думаю: «Нажмем… Немец нас самих зажимает, а он их сам хочет зажать».

А он:

– Что так смотришь на меня? – спрашивает.

Я промолчал, конечно. Рота 18 танков уничтожила, 46 пушек и машин и до двух рот пехоты.

Член Военного совета фронта Крайнюков так написал в своей книжке: «Начиная с 9 марта наши войска вели напряженные бои с окруженной в Тернополе 12-тысячной группировкой врага.

Гитлеровцы упорно сопротивлялись, хотя ничто уже не могло их спасти.

Еще на первом этапе операции передовые подразделения 4-го гвардейского Кантемировского танкового корпуса (командир – генерал П.П. Полубояров, начальник политотдела – полковник В.В. Жебраков), действовавшего в составе 60-й армии, искусным маневром захлестнули вокруг засевшего в Тернополе немецкого гарнизона стальную петлю. Танковая рота гвардии лейтенанта Бориса Кошечкина, находившаяся в разведке, первой достигла шоссе Збараж – Тернополь и атаковала вражескую колонну. Танкисты Б.К. Кошечкина уничтожили 50 автомашин, два бронетранспортера с прицепленными орудиями и много солдат противника. В огневом поединке гвардейцы подбили 6 фашистских танков и один сожгли.

Когда стемнело, командир роты поставил танки в укрытие, а сам, переодевшись в штатский костюм, пробрался к Тернополю и разведал подступы к городу. Отыскав слабо защищенное место в обороне противника, коммунист Б.К. Кошечкин возглавил ночную атаку танков и одним из первых ворвался в город.

Доложив мне о ходе боев, об отважных и самоотверженных солдатах и офицерах, член Военного совета 60-й армии генерал-майор В.М. Оленин сказал:

– Сегодня мы направляем Военному совету фронта документы об отличившихся в Тернополе бойцах и командирах, достойных присвоения звания Героя Советского Союза. Просим безотлагательно рассмотреть эти документы и препроводить их в Президиум Верховного Совета СССР.

В самом Тернополе я два танка сжег. А потом по мне как дали, я еле выскочил из танка. В танке, даже если снаряд противника лизнет, сделает рикошет, то в башне все эти гаечки отлетают. Окалина в лицо, а гайкой и башку пробить может. Ну а если загорелся, открывай люк, быстрей выскакивай. Танк горит. Я такой – отряхнулся, бежать надо. Куда? В тыл к себе, куда…

– Что помогло выполнить задачу?

Во-первых, у меня хорошие хлопцы были. Во-вторых, я сам отлично стрелял из пушки. Первый, в крайнем случае второй снаряд всегда клал в цель. Ну и в карте я отлично разбирался. В основном у меня карты были немецкие. Потому что наши карты были с большими ошибками. Так что я только немецкой картой пользовался, которая всегда была за пазухой. Планшетку я не носил – мешает в танке.

– Как узнали, что присвоили звание?

В газетах приказы печатали. Такой был сабантуй… Меня заставили выпить. Первый раз пьяный был.

– В тот рейд под Тернополем вы пошли на Т-34. Как вам Т-34 по сравнению с «Валентайном»?

Никакого сравнения. «Валентайн» – это средний танк легкого пошива. Пушка стояла 40-миллиметровая. Снарядики к ней были только бронебойные, осколочных не было. Т-34 – это уже внушительный танк, и пушка там сначала 76-миллиметровая стояла, а потом нам поставили пушку Петрова, зенитную 85-миллиметровую, и дали ей подкалиберный снаряд. Мы тогда уже гарцевали – подкалиберный снаряд прошивал и «Тигра». Но у «Валентайна» броня более вязкая – при попадании снаряда осколков меньше дает, чем у Т-34.

– А по комфорту?

По комфорту? У них – как ресторан… Но нам же воевать надо…

– Вместе с танками приходили подарки, одежда?

Ничего не было. Только иногда, знаете, когда танки придут, пушку от смазки чистили, то там внутри находили бутылочки коньяка или виски. Так нам давали американские ботинки, консервы.

– Как с кормежкой на фронте было?

Мы не голодали. В роте был старшина Сарайкин, у которого была хозяйственная машина, кухня. Вообще-то она на батальон положена, но у меня усиленная рота была: 11 танков, четыре самоходных установки и рота автоматчиков. Ну что, война есть война… Смотришь, поросенок бегает. Шпок его! На трансмиссию затащишь, а потом где-то там костер разведут. Отрезал от него кусок, на костре подпек – хорошо. Когда человек полуголодный, он злее становится. Он так и ищет кого-нибудь прибить.

– Водку давали?

Давали. Но я старшине Сарайкину приказывал, чтобы он командирам взводов Новосельцеву Павлу Леонтьевичу и Буженову Алексею Васильевичу, любителям выпить, водку не давал. Сказал им:

– Хлопцы, если, не дай бог, вам башку пьяным отобьют, что я должен вашим матерям писать? Геройски погиб пьяный? Поэтому пить будете только вечером.

Зимой 100 грамм, оно не влияет, но надо же и закуску. А где

ее возьмешь? Она еще бегает, летает, ее надо прибить, потом пожарить. А где?

Такой еще случай помню – под Воронежем, в Старой Ягоде стояли. Танки закопали. Повар поставил закваску для щей между печкой и стеной, накрыл тряпкой. А мышей до черта было. Они полезли по этой тряпке и все – в закваску! Повар не посмотрел и сварил. Нам втемную дали, мы сожрали все и ушли, а Михалцов Василий Гаврилович, зампотех наш, интеллигентный такой, даже капризный, и его друг Сыпков Саша, помощник начальника политотдела по комсомолу, пришли попозже. Сели завтракать. Им как навалили этих мышей. Сыпков шутит: «Смотри, какое мясо!» А Михалцова тошнить начало – очень брезгливый.

– Где ночевали?

Смотря какая погода – и в танке, и под танком. Если оборону держишь, так мы танк закопаем, а под ним такую траншею – с одной стороны гусеница и с другой. Десантный люк открываешь и туда спускаешься. Вшей покормили – ужас! Руку за пазуху засовываешь и вытаскиваешь гору. Вот соревновались, кто больше достанет. По 60, по 70 за раз доставали! Старались, конечно, их изводить. Прожаривали в бочках одежду.

Сейчас расскажу, как в академию поступал. Присвоили мне звание Героя весной 1944-го. Звезду Калинин мне вручал. Дали мне коробки, орденские книжки. Выхожу из Кремля – летаю! Молодой! 20 лет! Вышел из Спасских ворот, навстречу мне идет капитан Муравьев, маленький такой, глазки черненькие, – командир 7-й курсантской роты в училище. Моя была 8-я, ею Попов командовал, чтобы к нам попасть, через эту роту все время ходили. И вот я иду с этими наградами, а Муравьев такой:

– О! Борис! Поздравляю!

Я все же лейтенант – субординацию соблюдаю:

– Спасибо, товарищ капитан.

– Молодец! Куда сейчас?

– Куда?! На фронт.

– Слушай, война заканчивается, давай в академию! У тебя знания хорошие. Там как раз набор идет.

– Это ж надо направление из части.

– Ничего, я сейчас адъютантом у генерал-полковника Бирюкова, члена Военного совета бронетанковых войск, служу. Жди меня. Сейчас выпишу.

А я уже навоевался… вот так навоевался! Я устал. Да и война к концу… Мы пошли к нему. Он все написал, пошел к своему шефу, печать поставил:

– Езжай, сдавай экзамены.

Я все сдал на «отлично». Литературу принимал профессор Покровский. Мне достался «Дядя Ваня» Чехова. А я его не читал и в театре не смотрел. Я говорю:

– Знаете, профессор, я билет не знаю, что хотите ставьте.

Он смотрит – в ведомости одни пятерки.

– Вы чем увлекаетесь?

– Поэзию больше люблю.

– Расскажите мне что-нибудь. Поэму Пушкина «Братья-разбойники» можете?

– Разумеется! – Я ее как отчеканил!

– Сынок, ты меня удивил больше, чем Качалов! – Ставит мне пятерку с плюсом. – Иди.

Вот так меня приняли.

– За подбитые танки деньги давали вам? Должны были давать.

Ну, должны были… За сдачу гильз тоже было. А мы их выкидывали, гильзы. Когда идет обстрел, а тут тебя прижало, по-большому или по-малому в нее сделал и выкидываешь.

– С особистами не приходилось сталкиваться?

А как же! Под Воронежем стоим в селе Гнилуши – это колхоз Буденного. Танки закопали во дворах, замаскировали. Я уже говорил, что у меня заряжающим был Миша Митягин – хороший простой парнишка. Этот Миша пригласил девушку из того дома, у которого наш танк стоял, Любу Скрынникову. Она залезла в танк, и Миша ей показывает: «Вот тут я сижу, тут сидит командир, вот там механик».

Особистом у нас был Анохин – сволочь редкостная. То ли он сам увидел, то ли кто стуканул ему, только пристал он к Мише, что тот, мол, тайну военную выдает. Довел его до слез. Я спрашиваю:

– Миша, что такое?

– Да вот, Анохин пришел, сейчас судить будет.

Пришел Анохин, а я его матом:

– Если ты, такой-сякой, пойдешь ко мне, я тебя, гадина, раздавлю танком!

Он ретировался. Этот особист остался живой – ну им что за война? Ни черта не делали, только кляузы писали. После войны я окончил академию, работал в училище. Меня загнали туда. Понимаете, если б я пошел по строевой, я давно бы уже был генерал-полковником, а то и генералом армии. А так: «Ты умный, у тебя академическое образование, у тебя высшее образование. Иди, учи других». Я уже был начальником училища, и тут звонок

в дверь. Я открываю и вижу: стоят Кривошеин, начальник особого отдела бригады, и Анохин. Я как их матом покрыл и прогнал. Их никто не любил.

Комбатом у нас был майор Мороз Александр Николаевич. Хороший командир, из евреев. Настоящее имя и отчество у него было Абрам Наумович. Я скажу так. Евреи – они дружные. У нас, если не поделят власть или девчат, – уже драка и морды в крови. А они культурные. Я был потом директором завода в Киеве. У меня ювелирный цех был – одни евреи. Цех ремонта и изготовления счетно-вычислительной техники – тоже евреи. Работать с ними было легко. Культурные люди, грамотные. Никогда не подведут – ни руководство, ни сами себя.

Я взял одного по фамилии Дудкин в ювелирный цех, кольца делать. Забыл звать как. Он делал массивные обручальные кольца. Одна хозяйка, которой он кольцо сделал, ко мне пришла, ей нужно сделать из этого кольца два тонких. Даю там, кто на дежурстве был. Кольцо разрезали, а внутри медная проволока закатана. Оказалось – это Дудкин делал. Я его за воротник и в прокуратуру. Десять лет дали, все.

Они, конечно, хитрые. Начальник штаба батальона тоже был еврей, Чемес Борис Ильич. Они друг друга понимали. Сбивают самолет. Все стреляли. Ну, кому там Красную Звезду? А этот Мороз, поскольку Борис Ильич Чемес свой начальник штаба бригады, орден Ленина получил.

– Они берегли личный состав?

Ну как же! В бригаде потери были относительно небольшие.

– ППЖ были у кого? Начиная с какого уровня?

От командира батальона. У ротного не было ППЖ. У нас в роте были не медицинские сестры, а медбрат. Из танка раненого танкиста девочка не вытащит.

– Награждали хорошо, как вы считаете?

Плоховато. Все зависит от того, какой у тебя командир. Вот я, по ветеранским делам, знаю одного полкового писаря. Ему командир по результатам операции приказывал на ротных и взводных заполнить наградные на ордена. Он под это дело себе пишет представление на медаль «За отвагу». Набрал этих медалей четыре штуки.

– Безлошадные танкисты что делали в тылу?

Мотались в резерве, пока не получат танк или не угрохают кого. Тогда на замену могут послать.

– Экипаж у вас один был или менялись?

Экипаж? Ну, пока я был командиром взвода-роты, один был экипаж. Когда стал командиром батальона, уже подобрал другой себе экипаж. Лучшего механика, грамотного радиста.

– Вы работы по танку вместе с экипажем выполняли?

А как же. Окопы вместе копали. Даже когда командиром батальона стал. А если буду стоять курить, правда, я не курил никогда… буду стоять, молчать, что ж я за командир? И пушку со всеми чистил.

– Самое трудное время – это какое?

Весна, распутица. Тяжелое время. Зимой легче воевать. С Шепетовки шли, надо было реку форсировать. Она замерзла. Вышел на лед, банником лед начал простукивать – пробил. Не пройдет танк, надо выше по течению. А там такой тонкий лед, что подо мной проломился. Еле спасся. Хорошо, что шест в руках был. Летом хорошо воевать, красота.

– Вы были ранены?

Да, в 1943-м в обе руки. Завезли меня в госпиталь в Тамбов. Он размещался на улице Карла Маркса в магазине-гастрономе. Поскольку у меня обе руки были ранены, кормили с ложечки. Руки стали заживать, я газету выпустил – рисовал неплохо. Там была сестра медицинская – Лидия Акимовна Милованова. Она Сахновой, главному хирургу, говорит:

– Его надо задержать, пусть он нам газеты рисует.

А я это услыхал, говорю:

– Нет, Лидочка, я должен идти на фронт.

Ну, сходил с ней в театр оперный через улицу. А там главным дирижером был капитан Шатров, автор музыки «На сопках Маньчжурии». Поцеловал ее, но не тронул. Ответственность! Она проводила меня на вокзал. Тепло было, а на ней такое синенькое платье в горошек… Вагоны все забиты – на фронт едут. На ступенях люди как виноград висят. Попрощались. Потом, когда в газетах про меня написали, она меня разыскала. А я ей написал: «Дорогая Лида, не могу ничего сделать. Живу в общежитии, пока не окончу академию, не может быть вопросов любви».

Крят Виктор Михайлович

(Интервью Артема Драбкина)

В 1939 году я окончил десятилетку и поступил в Одесский институт инженеров морского флота на судомеханический факультет, чему был страшно рад: во-первых, конкурс был 15 человек на место, во-вторых, я мечтал быть моряком, а судомеханический факультет готовил плавсостав. В сентябре 1939 года, когда Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая война, прошла 4-я сессия Верховного Совета СССР, на которой был принят закон о всеобщей воинской обязанности. По нему лица со средним образованием призывались с 18-летнего

возраста, а те, которые не имели среднего образования, призывались с 20-летнего возраста. Так вот, после принятия этого закона из 300 человек, принятых на первый курс, осталось человек 20, все ребята 1920–1921 годов рождения были призваны в армию.

Меня тоже призвали. Записали в команду моряков, но не отправляли, а ждали особого распоряжения. Из института меня отчислили, на работу не принимали – я же уже призван, только и жду команды: «В эшелон!» А распоряжения нет. Собралась нас команда одноклассников из пяти человек, они предложили: «Вить, поехали с нами!» Пошли в военкомат, а там без возражений меня в другую команду переписали. Я побежал на завод к отцу. Он тогда на заводе «Коммунар» работал. Сказал ему, что уезжаю, а вечером я уже был в эшелоне. А куда нас везли, мы, конечно, не знали. И только когда мы приехали в Москву, то поняли, куда мы едем. Уже началась Финская война, и везут нас под Ленинград. Доехали до Бологого, а потом повернули налево в Порхов, это такой маленький городок за Старой Русой. В нем стояла 13-я танковая бригада, которой командовал Баранов Виктор Ильич, получивший за войну в Испании звание Героя Советского Союза. Мы его так и называли – «Испанец». Вскоре после нашего прибытия бригада ушла на фронт, а на ее месте стали формировать 22-й запасной автобронетанковый полк, в котором ребят со средним образованием готовили на командиров танков, механиков-водителей и командиров орудий на трехбашенный Т-28.

Я мечтал стать механиком-водителем, а не командиром танка, так что попросил, чтобы меня направили во 2-й батальон, который как раз механиков-водителей готовил.

В процессе обучения несколько человек из нашего полка отобрали и направили на фронт, в 13-ю бригаду, чтобы вроде как нас обстрелять, чтобы мы почувствовали боевую обстановку. И вот мы прибыли в бригаду, тут ко мне один подходит и говорит:

– Ты можешь перегнать по льду машину?

– Могу.

– Давай.

Тут подходит мой командир танка младший сержант Прокопчук:

– Вить, ты куда?

– Вот попросили перегнать машину.

– Я тоже с тобой.

– Не надо, достаточно одного человека, мало ли что случится. Он пройдет, тогда вслед за ним будем перегонять оставшиеся танки.

В бригаде один батальон был на Т-26, а другой на БТ и несколько танков Т-37. Мы называли их «здравствуй и прощай». Он идет и кланяется.

Я сел за рычаги и поехал, разумеется, на первой передаче. Лед был присыпан снегом, но мороз стоял 40 градусов, ничего не должно было произойти, а тут – буль! Танк носом провалился под лед. Я ничего не соображаю, давлю на газ… До сих пор помню, как танк наклонился и кромка льда пронеслась мимо меня. Хлынула вода, и я потерял сознание. А мой командир танка… Нам всегда говорили на политзанятиях суворовский девиз: «Сам погибай, а товарища выручай!» А для танкистов это вообще обязательно, потому что экипаж – это семья. Но только после этого эпизода я понял, насколько это важно! Командир танка Прокопчук разделся, его быстро обмазали солидолом, чтобы в ледяной воде не замерз, и он полез за мной – глубина-то была небольшая. Нырнул, освободил мое сиденье и за воротник вытащил меня наверх. Но об этом я, естественно, узнал, только придя в себя.

Я очнулся, когда меня шесть медсестер растирали в санитарной палатке. Я, 18-летний парень, лежу голый под руками девушек. Я невольно прикрыл свой срам. А одна говорит:

– Смотри, он ожил! Нашел что закрывать!

Оба мы живы остались, но схватили двустороннее крупозное воспаление легких. Дело было в марте, дня за три-четыре до перемирия, а пролежали мы с ним примерно полтора месяца, до

самого мая. Потом нам, как пострадавшим на фронте, дали по 30 суток отпуска.

Я приехал домой, а меня никто не ждет! Я не сообщил, что в отпуск еду, и тут приезжает солдатик, не в защитной форме, а в красивой серо-стальной. Мы ею очень гордились.

Отгулял, вернулся обратно в часть, и нас всех направили в лагерь, недалеко от Пулковских высот. Пробыли в лагере месяца два-три, а потом нас стали разбрасывать по частям. Так я попал механиком-водителем танкетки Т-37 в 177-й отдельный разведывательный батальон 163-й моторизованной дивизии 1-го механизированного корпуса, находившийся под Псковом. Во время войны такие батальоны стали мотоциклетными называть. В нем была танковая рота – 17 танков БТ и Т-37.

Т-37 – это маленький такой танк. Экипаж из двух человек. Трансмиссия и двигатель от ГАЗ-АА, а толщина брони максимально 16 мм. Но для разведки он вполне подходил. В батальоне была еще бронерота, в которой были бронеавтомобили БА-10 с 45-мм пушкой и более-менее солидной броней и БА-20 – вроде «эмки», только с пулеметом. Мы его так и называли: «бронированная эмка». Кроме того, была мотоциклетная рота – 120–150 мотоциклов АМ-600.

В мае 1941-го мы выехали в лагеря, а утром 22 июня: «Тревога!» Сначала нас по тревоге бросили под Ленинград. Мы все удивлялись, куда идем? Оказывается, наш 1-й мехкорпус перебрасывался на Карельский перешеек. Мы сосредоточились в Гатчине, а 3-я танковая дивизия была переведена севернее Ленинграда. А потом пришел приказ, и нашу 163-ю дивизию вернули обратно к Пскову. Прошли его, вышли на Остров. У Острова перешли бывшую государственную границу с Латвией, прошли Резекне и числа 30 июня, под Шауляем, столкнулись с немцами.

Пока шли к фронту, повсюду орудийные выстрелы слышали. Наш разведбатальон впереди дивизии. Тут нас останавливают, говорят: «Впереди немцы!» Комбат пригласил командиров взводов на совещание, а мы у танка сидим, разговариваем. И вдруг стрельба, снаряды рвутся. Немцы! Мы по танкам, а нас заперли – местность болотистая, да еще дождь прошел, мы ни туда ни сюда. Мне командир кричит:

– Влево, сходи с дороги в лес!

А я вижу, как снаряд – дзинь! – ударился об землю, подскочил и всем своим телом ударился о броню. Такой удар! Но ничего не пробил.

У меня мандраж! Я разворачиваю танк, и вдруг удар.

Командир кричит:

– Прыгай!

А у меня реакция замедленная, ничего не понимаю. Но, наконец, вылез из танка – и в кювет.

Ползу. Посмотрел назад – мой танк горит. Снаряд в моторное отделение попал. У танкистов только револьверы были, но мы на всякий случай получили винтовки и положили их на гусеничную полку.

Командир кричит:

– Давай за винтовкой!

Я вернулся обратно к танку, а винтовки уже обгорели. Кругом стрельба, по шоссе немецкие мотоциклисты идут. Нас, танкистов, человек шесть собралось, и мы пошли по лесу. Выбрались.

Идем на восток, уже смеркается, видим – машина грузовая идет. Мы сначала начали кричать, думали, что наши, а это немецкая была, мы уже позже сообразили – она же в камуфляже, а у нас таких не было. Вдруг из машины в нашу сторону полетела граната! Мы автоматически упали. Я помню, как она летела и от запала искорки отлетали, как маленький фейерверк.

Я увидел, как она упала и взорвалась. Никого не задело. Колька Карчев – запевала наш, у него изумительный тенор был – кричит:

– По кузову!

Окрыли стрельбу, а в ответ тишина. Мы начали кричать – молчание. Подошли, никого нет, мотор работает, машина завязла, а в ней всякие мешки с продуктами, обмундированием и другое интендантское барахло. Мы бросили мешки под колеса, вытолкнули машину, сели в нее и поехали. Так и приехали к нам в батальон. Как мы на него вышли, не зная обстановки, до сих пор не понимаю. Но приехали точно в расположение.

После этого мотоциклисты и мы, танкисты, что без танков остались, начали воевать по-пешему. Мы ездили на машинах или на броневике (там спереди такие крылья, и мы ложились – один на одно крыло, другой на второе с винтовкой) в разведку.

Был еще один бой, пехотный. Дивизия ударила по немцам, они вроде как отошли, но на самом деле просто обошли наши позиции, да еще сзади десант выбросили – перекрыли дорогу на Остров. Дивизия хотела вернуться на свои зимние квартиры, но ничего не вышло. Так вот я удивился пехотинцам: они плюх – и отползают, а поднимаются уже в другом месте, а нас-то этому не учили! Мы плюх – и с этого же места поднимаемся, а немцы по этому месту лупят. Я так и не понял, почему нам не давали такую общую подготовку? Она нужна всем, надо знать, как воевать по-пехотному!

Вышли из окружения в районе Опочки. Командовал нами

начальник бронетанковой службы дивизии. Он организовал вокруг себя человек 20 танкистов, так мы и шли… Мы по болотам, а немцы по дорогам.

Вышли на переправу через какую-то речку, там Т-26 нашего 25-го танкового полка обороняли подходы. Отбивались от самолетов счетверенными «максимами», ну еще из винтовок стреляли, больше никаких зенитных средств не было. Немцы летали на высоте максимум 200–600 метров, а пикирующие Ю-87, Ю-88 ходили по головам. Как только начинается утро, если солнце – мы будем под авиацией. И вот летит орда, самолетов 30–50, и все бросают бомбы. Они сыплются… Страшно! Не дай бог попасть под бомбежки немецкой авиации… Только в конце июля – начале августа появились МиГ-3. Они хорошо дрались. Наши «ишачки» И-15, И-16, они маневренные, но «мессера» их били беспощадно.

Вышли к своим. Мы к тому времени повыбрасывали противогазы, понабивали противогазные сумки сухарями, гранатами, патронами – всем вперемешку. Но главное – мы остались все равно танкистами. Темно-синие комбинезоны пришлось снять, а танкошлемы мы оставили. Для маскировки ломали ветки и прикрывали их. Потом отходили, отходили. Были и панические настроения. Помню, Колька, когда попали в окружение, говорит:

– Ребята, давайте сдадимся в плен, а потом удерем.

– Тебе так и дадут удрать. И вообще, как это сдаться в плен?! Ты что, Коля, очумел?!

– Жизнь сохраним. А потом будем их долбать.

– Они тебя уничтожат, и все.

У многих появилось психологическое безразличие. Помню, мы вошли в тыл к немцам. Ну и напали на колонну наших пленных километрах в двадцати от линии фронта. Длинная колонна, примерно из 1000 человек, а охраняли их человек десять – мотоцикл впереди, мотоцикл сзади. Мы напали, перебили охрану. Ребятам показали направление, по которому мы шли, по болотам, немцы же в 1941 году не сходили с дорог, они боялись лесов, болот, а мы только по лесам и болотам ходили. Указали дорогу, а пленные уселись и не тронулись с места! Человек сто только пошло… И все же большинство верило – научимся воевать. И еще мы понимали: для того, чтобы остановить отступление, нужно сломить ту психологию, которая появилась.

Вот пример – мы, разведчики, занимали оборону на флангах, чтобы прикрыть штаб дивизии. Мы роем окопы, занимаем оборону, а смотрим не вперед, а назад – куда мы будем бежать, когда подойдут немцы. Так было…

Мы понимали, что не остановим отступление до тех пор, пока не подойдут новые соединения, те, которые не привыкли отступать. Под Ржевом я видел, как два наших КВ дрались против 30 немецких танков. По ним лупят – ничего, а они их долбали тараном. Когда мы поближе подошли, сколько же на них вмятин было… Тогда их никакая противотанковая артиллерия не могла взять, не было у немцев таких снарядов. Да и мы по-настоящему бились. Штаб гренадерской дивизии разгромили. Нас 25 человек напало на них ночью. Это для меня была наука – ни в коем случае не снимать обмундирование во время сна: немцы выскакивали в белом белье, и мы их щелкали. Вообще, из нас тогда группу глубинной дивизионной разведки сформировали. В этой группе человек тридцать было. Иногда всю группу посылали, иногда человек 5–6 для наблюдения, сколько прошло машин, танков. Переносных раций у нас тогда не было. Вообще, рации были только в батальоне, а в танке – у командира роты, а так связь осуществлялась посыльными, а связь между танками – флажками. Я тогда говорил: «Ребята, будь у нас радиостанции…» А в 1943-м понял, что, будь у нас радиостанции, мы бы все равно радиомолчание хранили, чтобы нас не запеленговали…

Наша дивизия тогда на Северо-Западном направлении воевала, им маршал Кулик командовал. С ним тогда такой случай был – он в окружение попал и пропал. Из разведчиков отобрали добровольцев, сколотили группы по пять человек – должны найти маршала. Мы десять дней ходили, искали. Нашли! Но не наша группа, другая, а с нашего батальона не вернулось три группы – попали к немцам.

А потом немцы ударили со стороны озера Ильмень и со стороны Демянска и окружили 8, 11, 27 и 34-ю армии. Начали выходить из окружения… но на востоке они организовали заслон, стянув туда танки и артиллерию. Ночью со всех сторон по кольцу окружения – ракеты, такое ощущение, что мы со всех сторон окружены и нам не выбраться. Но мы, разведчики, тыкались, тыкались и обнаружили, что на западе почти никого нет, только мелкие подразделения, сигнальщики. Тогда сгруппировали всю артиллерию на востоке, открыли огонь, а сами пошли на запад, потом повернули южнее Демянска на юг, а потом уже на восток. Так почти без потерь вышли.

Ожесточенные бои на Северо-Западном фронте продолжались, но меня это уже не касалось. Оказывается, Сталин отдал приказ, что всех специалистов различных родов войск, которые воюют в составе стрелковых частей и подразделений, вернуть в тыл для изучения новой техники и укомплектования своих частей.

Нас, кто остался в живых – артиллеристов, танкистов, летчиков, собрали, посадили в два пульмановских вагона, прицепили к товарняку, назначили старшего, дали нам на пять дней сухой паек и повезли в тыл. Приехали в Вологду. И тут был один случай. Я был дежурным по тормозной площадке. Пролетели самолеты, впереди разрывы. Наш паровоз остановился. Потом подъехала дрезина, и начальнику эшелона объясняют, что разбомбили поезд, который шел на фронт. Нужно растащить вагоны. Они горят, а в них боеприпасы: «Вы фронтовики, вы обстрелянные, а стрелочники боятся работать». Мы подъехали к поезду – действительно горят вагоны. Нам показали, как отцеплять. Отцепили, растащили вагоны. А там, кроме боеприпасов, еще и вагон с водкой был. Мы набрали горелой водки, выпили – не понравилось. И тут ребята нашли антифриз. Танкисты знали три вида антифриза: водоспиртовая смесь, водоспиртовая глицериновая смесь и этиленгликоль. Водоспиртовой антифриз мы всегда пили. Ребята попробовали – сладкий, как ром. В результате набрали антифриза, сами выпили и в вагон притащили. А я не знал. Тут ко мне ребята подбегают:

– Витька, ребята, Колька Рачков, Колька Корчев, умирают!

– Как умирают?!

Подбежали. Их рвет, катаются, кричат. Я знал, что отравления лечат молоком. Это как протвоядие… Нас срочно подцепили и привезли в Ярославль. В Ярославле их сгрузили, 17 человек. Какова их судьба, я так и не знаю. А потом выпустили приказ о том, что, не разобравшись, пьют технические жидкости, которые приводят к отравлениям и гибели. Этот приказ зачитали нам, танкистам.

Наконец мы прибыли в Горький, где находился 15-й учебный танковый полк, готовивший механиков-водителей на Т-34, а я попал в соседний, в котором готовили механиков-водителей и экипажи на КВ. Я был комсомольским вожаком, да еще вдобавок рисовал, и меня решили оставить в штате. Я говорю, не хочу – хочу на фронт. Тем не менее меня назначили младшим механиком-водителем, потому что механик-водитель КВ – офицер, техник-лейтенант. И вот со мной такой случай был. Вывели наши танки на полигон для стрельбы. А танк новый, я его облазил, изучая, заглянул во все дырки. Заглянул в дырку, где прицел. Мне: «Не мешай». Я обошел танк и заглядываю в дырку, где пулемет. Заглянул, и, только я поднял голову, в это время очередь из пулемета! Они же меня не видели. И тут до меня дошло: «Меня же чуть не убили!» Я потерял сознание и свалился с танка. Командир танка это увидел и приказал: «К танку не допускать!» Меня назначили поваром. Я им борщи, кулеши

готовил, а потом и говорю:

– Я же механик-водитель.

– К танку не допускать, пока не придешь в себя после этой тупости.

Но потом все-таки начали меня готовить на механика-водителя. Натаскали хорошо, сдал на механика-водителя третьего класса танка КВ, но на должность не назначили – как был младшим механиком, так и остался. И потом вдруг пришел приказ набрать курсантов в Казанскую танко-техническую школу, которая готовила танкистов на иностранные марки, мы там «Валентайн», «Матильду» изучали… В основном готовили на «Валентайн». Выучился и попал с ним под Прохоровку в 170-ю танковую бригаду 18-го танкового корпуса, зампотехом роты. Там на базе МТС организовали починку танков, ремонтниками были пацаны с МТС, а мы руководили ими – вроде инженеров по ремонту. В бригаде были и «Валентайны», и Т-34. Я сперва на «Валентайне» был, а потом перешел на Т-34.

– Как вам «Валентайн»?

По-разному. Были бензиновые, английские – их мы не любили. На нем стояла слабая 45-мм пушка. А вот на танках канадского производства и «Дженерал моторс» 57-мм пушка стояла. Она хорошо пробивала броню и могла бороться с немецкими танками. Опять же, у английских бензин – они горели, а канадские – дизельные и очень хитро устроены были. У них топливные баки были в полу, так что попасть в них было почти невозможно. В то же время запчастей для них практически не было. Приходилось брать запчасти с подбитых танков. Помню, после форсирования Днепра сделал пять «Валентайнов» из десяти. Остальные пошли на запчасти. Составили дефектную ведомость: какие сняты детали, какие танки ушли на разборку. Я ее предоставил в штаб батальона, а оттуда в штаб бригады. В бригаде их списывают. За восстановление танков на Днепре мне дали орден Красной Звезды.

Еще одна особенность – они были очень ремонтопригодные. А какой у них дизель замечательный! Очень тихий, очень экономичный и удобный в эксплуатации. Единственный недостаток – он тихоходный. Максимальная скорость – 28 километров в час. Ну и очень были капризные бортовые фрикционы – все время их нужно было регулировать.

Кроме «Валентайнов» у нас были еще «Матильды». Их не любили. Помимо всего прочего, в боекомплекте были только болванки, осколочно-фугасных не было, а для борьбы с пехотой был только пулемет.

– Вам удалось поездить на «Пантере»?

Да, она очень легкая в управлении, но ремонтировать невозможно. У них стояли 8-вальные коробки передач по 16 скоростей. Планетарная механика поворота – тоже сложная в ремонте. Немцам приходилось танки для ремонта в Германию отправлять, а мы текущий ремонт силами экипажей организовывали. У нас в батальоне была летучка типа А. Так мы с ее помощью слезки делали для коробки передач или для бортовых фрикционов! А что говорить о бригаде РТО?! Там были и машины с фрезерным станком, летучка типа Б, токарный станок, походное зарядное устройство для аккумуляторов, все необходимое для ремонта электрооборудования машин, кузнечная летучка – у нас было все для ремонта! Подвижная танкоремонтная база в корпусе была. Они уже могли капремонт делать, а уж про фронтовой подвижный танкоагрегатный ремонтный завод я и не говорю. Так что мы если отправляли танк на завод, то только на переплавку.

Под Яссами был ранен, попал в госпиталь. После госпиталя начал догонять свой корпус. По дороге я заболел малярией, и меня отправили в медсанбат. Там жена заместителя начальника разведотдела корпуса служила, говорит: «Витя, ты полежи». Когда немного поправился, приехал замначальника разведотдела корпуса, говорит: «Должностей нет, давай в разведку зампотехом». В разведбате была танковая, мотоциклетная и бронетранспортная роты, и я сперва попал зампотехом в мотоциклетную роту.

18-й танковый корпус в то время входил в состав 6-й танковой армии, которая практически вся на иностранных танках была. Там ребята были, с которыми я в Казани учился, они меня знали – я вратарем футбольной команды был, чемпионом училища по фехтованию. На танках 6-й армии вошел в Бухарест, дошел до Болгарии, а потом нашу армию развернули в Трансильванию. Форсировали Тису.

Потом наш корпус вывели из состава 2-го Украинского фронта и перевели в состав 3-го Украинского. Из мотоциклетной роты меня перевели в бронетранспортерную роту, но я же танкист! Там я был мало, но успел получить из 4-го мехкорпуса бронетранспортеры М-17 и бронеавтомобили (4-й мехкорпус в другое место переводился, и там они должны были получить другую технику, так что он технику оставлял, а людей перекидывал). Потом меня наконец-то перевели в танковую роту на Т-34 того же разведбата. В ней я провоевал почти до конца войны. Вдруг мне говорят: «Витька, давай на батальон трофейных

«Пантер». Хорошо. Надо сказать, что «Пантеры» в атаку не бросали – их свои бы побили. А вот заткнуть дыры, в засаду поставить, прикрыть фланг – это их задача. Фактически этот батальон выполнял функции охраны штаба корпуса. «Пантеры» были перекрашены в обычный наш зеленый цвет, на башне была большая красная звезда с окантовкой и еще красный флажок.

Ранений у меня больше не было, но было ДТП. Я ехал на своем мотоцикле «БМВ» с коляской, в которой сидел ординарец. По дороге вели колонну пленных мадьяр. Они расступились, а тут мне навстречу «ЗИС-5» с боеприпасами. Он меня крылом как рубанет по левому борту, мотоцикл вдребезги, а у меня выбита коленка. Мне вставили чашечку на место, перевязали, но мотоцикл пришлось бросить.

Вскоре меня с трофейных танков вернули на должность замотеха танковой роты разведбатальона. От Вены наш разведбат пошел в наступление в полном составе, обычно-то мы группками действовали. Разведгруппа – один-три танка, пара бронетранспортеров или броневик и пять мотоциклов – так тыкались. Корпус своими разведгруппами как бы распускал щупальца. А тут впервые батальон в полном составе наступает! Встретились с американцами на реке Энс, выпили. 8 мая поймали по танковым радиостанциям сообщение Би-би-си о том, что немцы капитулировали. Такое было состояние! Ликование! Я остался жив! Начало войны, тяжелый 1941 год, отступление – все это промелькнуло перед глазами. Мы победили, я остался жив! Все ошалевшие! Мы сначала стреляли из ракетницы. Потом вытащили пулеметы. Стреляли с рук трассирующими пулями вверх, салютовали. Развернули пушки в сторону Альп и начали лупить из танковых пушек по лесу.

Мы с американцами пьянствуем, и вдруг из леса выходят немецкие танки. А наш батальон стоит машина к машине, никакой маскировки. Авиации нет. Хорошо, что еще не все патроны расстреляли. Тут подходит немецкий генерал о сдаче в плен договариваться. На сердце отлегло! Мы-то сначала думали, чем стрелять, а немцы сдаются. Немцы построились, мы выделили два броневика и одного офицера, чтобы он сопровождал эту дивизию в плен, а сами вперед! У нас приказ: «На запад!» Мы смотрим – подразделения американской армии стоят по обочинам. Оказывается, их предупредили, чтобы они нам освободили шоссе. Мы так летели – мотоциклы, бронетранспортеры, автомобили и танки с одной и той же скоростью – 60–65 километров в час. А потом, когда закончилось горючее, мы встали и думаем: «Чего дальше-то делать?»

А американцы, когда нас пропускали, они смотрели на нас с изумлением: куда прутся эти русские? Там же все остановились, а мы перли. Два дня стояли без горючего, потом нам подвезли горючее, мы заправились, и нам приказали возвращаться. Мы вернулись.

– Ваши родные так и оставались на оккупированной территории?

Мама и брат. Отец нет. Он был инженером, начальником производства на заводе «Коммунар», военнообязанный, капитан. Был призван в армию в 1941 году. Воевал на Каховке. Вскоре

вышел приказ о том, что всех инженеров-производственников, которые были мобилизованы, вернуть на производство, на заводы. И его демобилизовали в районе Сталинграда – отправили в Горький на завод. Он был главным механиком завода. Позже я его встретил в Австрии. Он руководил разборкой технологических линий заводов «Штейр». Все станки они нумеровали. Грузили и отправляли эшелон за эшелонами.

Мама осталась с бабушкой в оккупации, поскольку та не могла ходить. Мама ходила с тачкой, в которой была швейная машинка, по селам, шила, зарабатывала деньги. Кормила бабушку и маленького брата, ему было всего 3 года. Мой средний брат, политрук роты автоматчиков, погиб на Донбассе летом 1942 года.

– Вы говорили про ненависть к немцам. С какого времени она появилась?

Она появилась практически сразу. Мы же разведчики, мы видели, что делали немцы. В Латвии они не жгли ни деревень, ни хуторов, ни городов. Они старались привлечь население на свою сторону. А на нашей территории они жгли деревни – повсюду был пламень пожаров. Одни пепелища от деревень. А где жители? Никого нет. Вот откуда ненависть. Когда видишь мертвого солдата – это тяжело, но понятно – он воевал, защищался. Но когда лежат мирные жители, то вопрос «За что?» перерастает в ненависть. Это было внутреннее чувство – если я не убью немца, то он убьет меня. И была вроде как жажда еще убить, убить немца в бою, когда он мишень. Мы стреляли по немцам, как по мишеням. Были случаи, когда мы их захватывали в плен. Один раз мне даже жалко стало – раненый, окровавленный, причем француз. По-человечески было его жалко, но все равно мы знали, что это враг.

Но нужно стрелять в вооруженного врага, а вот в пленного – такого никогда не было. Кроме тех случаев, когда захватывали власовцев. После войны сказали, что 10 тысяч пленных власовцев находились в лагерях в Сибири. Я удивился – кто же их оставил в живых, когда в плен брал?! Мы их не оставляли. Но они и дрались не так, как немцы. Они дрались насмерть – на танки шли с автоматами.

Но нужно сказать, что немцы – неплохие солдаты. В 1941 году редко одного-двух удавалось захватить, да и то они с усмешкой воспринимали плен – тогда они не сдавались. Только после Курской битвы стали в плен попадать, а уже в 1944 году они просто шли и поднимали лапки кверху, сдавались подразделениями.

– Приходилось расстреливать пленных?

У меня был только один случай, когда я был уже заместителем командира роты по технической части. Дело происходило в Венгрии, в районе Субботицы. Наши ушли, а я остался с танком, на котором заклинило двигатель. Начали готовиться к капитальному ремонту, вытащили аккумулятор – все сделали для того, чтобы можно было заменить двигатель. Когда наши уходили, они мне оставили пленного обер-лейтенанта: «Когда подойдет пехота, отдай ей». Разговаривали с ним. Он показывал фотографии жены, детей. В это время просочилась группа немцев из Будапешта. Они вышли из леса и идут. Он вскочил и начал что-то кричать. Я его останавливаю, он отскочил от меня и опять что-то кричит. Мне командир танка и говорит:

– Виктор, шлепни его к чертовой матери. Что ты с ним возишься?!

– Я же не знаю, может, он кричит, чтобы они сдавались? Чего его шлепать?

– А чего он орет?

Немцы услышали и пошли на наш танк. Мы зарядили орудие осколочным. А как пушку повернуть? Аккумулятор-то вытащили! Вручную… Повернули башню, дали осколочными пару выстрелов. Немцы залегли, а потом начали отходить. Он опять начал кричать. У меня не поднималась рука его застрелить – ведь только что с ним разговаривали. Командир танка выхватил пистолет и выстрелил.

Был еще случай с власовцем с Западной Украины, у него не было нашивки РОА, он был в немецкой форме. Я его привез к пехоте. Говорю: «Ребята, заберите его». Они не стали церемониться.

Ну, а разведчик в принципе не имел права пленного убивать. Был у нас случай под Будапештом. Мы где-то 30 декабря сдали наш участок пехоте и отошли немного в тыл, привести в порядок технику, принять пополнение, все такое. И вдруг меня вызывают: «Виктор, бери группу. Вот тебе два мотоцикла, и дуй на передовую. На фронте непонятно, что творится». А это же 31-е число! Утро, я хотел поехать в медсанбат к девчатам, отмечать Новый год! Думаю: «Ладно, скоро вернусь». Едем. Смотрим – наши отступают. От Комарно на Будапешт. Меня это насторожило. В чем дело? Немцы прорвались! Поток отступающих все меньше, меньше, и вдруг все – наших нет. Ехать вперед опасно. Сворачиваю с дороги в распадок. Вижу, едут мотоциклисты, а потом поток машин, танков. У меня была английская радиостанция с танка «Валентайн». Я передал:

«Немцы прошли, я нахожусь там-то». Теперь думаю, как мне выходить? Только на юг, в обход Балатона, – другого выхода нет. Я дунул на юг. Свободно вышел, немцы еще не добрались до этого места. И пошел к своим. Заняли оборону. Погода нелетная, никаких данных нет. Пехота тыкалась, «языка» взять не может. Разведбату приказ: «Добыть данные».

Батальон нанес удар, прорвал линию фронта, и два бронетранспортера М-17 вышли в немецкий тыл. Замаскировались в кукурузе у дороги, ждут. Им бог послал подарок – колонну легковых машин. Впереди бронетранспортер, сзади – тоже и два десятка машин. Едет начальство! Они как ударили с крупнокалиберных пулеметов – машины горят. Ребята бросились к колонне, набили бронетранспортер портфелями, взяли живыми несколько офицеров: генерала, подполковника и капитана. Подполковник оказался власовцем. Начал им мораль читать: «Я весь мир объездил. Отец у меня профессор. Что вы видели в этой жизни? Вы как жили серыми, так ими и останетесь». Ребята обозлились, исколошматили его, но перестарались – привезли труп. Генерал оказался интендантом – что он мог знать? И капитан тоже не особенно много знал. В разведбате говорили, что ребята из этой группы получат как минимум орден Боевого Красного Знамени, а Катушев, командир группы, – Героя. А им дали по ордену Отечественной войны, и больше ничего! Да еще выговор с разбором поведения. Разведчик не имеет права трогать захваченного пленного!

– Наших солдат, сдававшихся в плен, видели?

Видел. В окружении. Мы лежим, и вдруг смотрю: поднимается один, потом другой и идут сдаваться в плен. Вот тут хочется их шлепнуть. Кто же драться будет? Но стрелять не стал. Черт с ними! Мы знали, видели, как немцы с пленными обращаются.

– В вашем подразделении были люди молодого возраста в основном? Или были люди постарше?

Мне было 19 лет, но были и постарше. К войне все одинаково относились – надо Родину защищать. Вот когда мы из окружения у озера Селигер вышли, меня, младшего сержанта, назначили командиром взвода. Я должен был готовить пополнение из людей, годившихся по возрасту мне в отцы, 40–45 лет. Я учил их стрелять, но что я, танкист, мог им показать в плане тактики? Управлять солдатами я не мог.

– Как была поставлена эвакуация танков?

Практически всю войну штатных тягачей не было. Мы их делали сами из танков, снимая с них башни. Надо сказать, что тягач из Т-34 плохой, поскольку на танке не устанавливался редуктор пониженных передач. Часто для вытаскивания нужны были бы такие шасси, как ИС или КВ, где есть пониженная передача. Из «Валентайна» тягач не сделаешь – слабоват движок, чтобы что-то таскать.

– Как вам Т-34?

Я считаю, что это была нормальная скоростная машина. Если мы прошли на Т-34 от Ясс и до конца войны, это значит, что Т-34 надежнейшая машина, ремонтопригодная, эксплуатационно-технологичная, простая в обслуживании. Если у Т-34 главный фрикцион неисправен, то можно и на бортовых завестись и поехать. Включил 3-ю передачу, выжал бортовые фрикционы, включил стартер. Да, нагрузка на аккумуляторы будет большая, но ничего, заведется. После этого рычаги на себя – оп! Рычаги вперед – и пошел! В мирное время я был старшим офицером по вождению и технической подготовке. Когда был зампредседателя комиссии по присвоению классности, мы принимали экзамены на мастера вождения. Если механик-водитель не умеет трогаться с неисправным главным фрикционом, значит, он мастера не достоин.

– Воздушные фильтры нормально работали?

В пыли – не особенно. А вот в Европе, когда мы шли по асфальтовым дорогам и только для боя разворачивались, пыли как таковой нет, тут проблем не было.

– Со временем Т-34 становились надежнее или, наоборот, качество сборки падало?

Мы добивались повышения качества. Когда принимали танки на заводе, то их проверяли и составляли дефектные ведомости. На каждый танк бывало 100–150 недостатков: нет шайбы под болтом, коронная гайка не закреплена штифтом, недовернут болт, торсион неправильно отрегулирован – вот такие мелочи. Все записываем и даем тому, у кого мы принимаем танк, на исправление. После этого мы по списку проверяем, чтобы все было сделано.

– Были ли случаи преднамеренного выведения танка из строя?

У меня в роте был такой случай. Это было под Кривым Рогом на Днепре. На катках «Валентайнов» стоял колпак, в центре

которого была пробка, завернутая гайкой. Для смазки катков в это отверстие набивали солидол. Один механик-водитель взял, повыворачивал эти заглушки и выбросил, а мне докладывает:

– Я не могу идти в атаку. У меня нет заглушек.

– Где они?

– Не знаю.

Тут разбираться некогда было. Я просто взял ветошь, забил дырки:

– Иди в бой!

После боя спросил командира танка, почему он не следил. Разумеется, доложил командиру роты, но не знаю, что было с экипажем.

Был еще такой случай. На подъеме механик-водитель на большой скорости не плавно выжал педаль главного фрикциона, а рывком – все диски коробятся, фрикцион ведет. Я такому умнику сразу сказал:

– Меня это не касается. Трогай на бортовых и иди в атаку.

О подобных случаях я докладывал командиру роты, командиру батальона и зампотеху батальона. Когда танки актируются на списание, то тут нужна еще и подпись смершевца. Он все время двигался со штабом батальона. Нужно мне списать, я подхожу: «Танк сгорел». Он подойдет, посмотрит, подпишет акт. Только сгоревшие танки считались безвозвратной потерей, остальные танки ремонтируются.

Был еще случай – механик-водитель во время бомбежки выскочил из танка, смандражировал. Я его понимаю, сам несколько раз был под такими бомбежками, что думал, уже все. После бомбежки чувствуешь полное опустошение, безразличие и хочется спать. Но надо уметь себя держать в руках. Страх – это такое чувство, которое можно контролировать. Я всегда говорил: «Ребята, не выскакивайте из танка во время бомбежек. За всю войну на моих глазах было только три прямых попадания в танк авиабомб. Только три! А сколько было бомбежек!»

– Были ли повреждения авиационных пушек?

Практически не было.

– Механики-водители могли только водить танки или все же были способны их обслуживать?

Четко было установлено, что каждый механик-водитель должен получить не менее 13 моточасов вождения, прежде чем сдать на права. Кроме этого, он должен сдать экзамен по технической подготовке и обслуживанию танка. Он обязан знать танк, регулировки.

Если механик-водитель не умеет обслуживать машину, как он будет на ней воевать? Он должен заправить машину, смазать, подтянуть, например, ленивец. Если на Т-34 ленивец опущен, то гусеница на ведущем колесе будет проскакивать, не цепляясь гребнями.

Помню, когда мы атаковали под Кривым Рогом село Красная Константиновка, много танков потеряли, но так ее и не взяли. В ней три «Тигра» стояло. Село наверху, а внизу – речушка с заболоченной поймой. Наши танки спускались вниз, а потом медленно ползли по раскисшей земле, а их в это время лупили. Позже, ночью штрафной батальон без единого выстрела захватил это село и вырезал всех немцев, которые там оборонялись.

Пошли мы ночью танки эвакуировать. Вот стоит один танк, порвана гусеница. Завели – нормально работает. Но натянуть гусеницу нормально не можем – оторван кронштейн ленивца, натяжения нет, гусеница проскакивает по ведущему колесу. Пошли обратно, взяли пехоту. Поставили пехотинца на каждый трак, натянули гусеницу на первый каток и стянули специальным пауком для стягивания траков. И так мы вывели этот танк с поля боя. Потом с сожженного танка, безвозвратной потери, мы срезали автогеном кронштейн ленивца, приварили. Этот танк потом превратили в тягач.

Или вот еще случай. Рядом стояли два стога сена, к каждому стогу сена поставили по танку. Наутро экипаж просыпается, а немцы с другой стороны стога сена поставили свои танки. Наши первые увидели, открыли стрельбу. Один танк сожгли, а второй сжег один наш танк и удрал. Причем экипаж этого сгоревшего танка смандражировал – увидел немецкий танк и убежал, бросив свой танк. Экипаж приходит – танк сожжен. Мы со смершевцем пошли проверять и составлять акт на списание. Смотрим – танк пробит в нескольких местах, а экипаж цел. Такого быть не может! Начали спрашивать:

– Командир приказал выпрыгнуть из танка.

– Где командир?

– Не знаем.

Что с них возьмешь – им приказал офицер. Дали им по пять суток ареста и вычет из зарплаты. Механик-водитель получал 325 рублей и фронтовые. Я, зампотех, получал 700 рублей. Это были деньги! У них вычли 50 % ежесуточно. А офицер пропал, и все. Через несколько месяцев мы его встретили. Оказалось – он удрал в пехоту! Причем за это время успел пройти от командира взвода до командира батальона и заработать два ордена! Мы Ломову, контрразведчику, сказали. А он говорит:

– Чего его судить, если он все равно пошел воевать? Человек воевал, заработал ордена. Он же не удрал с поля боя и не дезертировал. Он только поменял род войск.

Контрразведчик у нас был нормальный мужик.

– Были такие случаи, когда танк идет в атаку, экипаж выпрыгивает и танк сжигают?

С такими случаями не встречался. Даже не слышал о таком. Как можно подставить танк? Это смерть самому.

Когда шли в атаку, то вне танков в танковой роте оставались я, зампотех, мои танковые техники, регулировщик, санитар и санинструктор. Санинструктором у нас была небольшого роста восемнадцатилетняя девочка Аза. Ей было очень тяжело

вытаскивать раненых членов экипажа, и она придумала такую узду, которую продевала в подмышки раненому и потом поднимала его всем телом.

Она была влюблена в командира роты. Я тоже подбивал к ней клинья, но получил от ворот поворот: «Витя, я его люблю». Однажды его танк был подбит, а сам он был ранен. Она пошла вытаскивать его, и я с ней. Мое дело эвакуировать танк, но надо сначала вытащить экипаж, оказать первую помощь. Так что я ей всегда помогал. Она залезла на корму танка, надела на командира эти вожжи и подняла его с сиденья на башню. Он еще стонал. И в это время в них попадает 88-мм снаряд. Его тело падает, и в руках у нее осталась голова и часть груди. Ее фактически тоже разорвало на две части. Это было страшно… Нужно было побороть страх, жажду жизни, на войне надо работать, воевать.

– Как относились к женщинам на фронте?

Отношения были нормальные, товарищеские. Их уважали. Если она с кем-то живет, все, это его. И любили, и влюблялись. Женщины в большинстве старались поскорее забеременеть и вернуться домой. А сколько браков было?! Они регистрировались приказом командира бригады.

– Вши были?

Это ужас! Идешь на перевязку. С тебя снимают гимнастерку, бинты белоснежные, а под ними ползают эти «броненосцы». Стыдобища! Как только фронт, боевые действия – так сразу появляются вши. Что только не делали: и вошебойки, и полную замену обмундирования – все равно через день опять они появляются. Мы так решили, что у человека в состоянии напряжения, страха появляется особый запах пота, который притягивает вшей.

– Как кормили на фронте?

Когда как, но вообще нормально: каша, суп, борщ, колбасу, 100 грамм давали не только зимой, но и летом, а в госпитале давали вино.

– Как вас ранило под Яссами?

Открывал люк, и осколки попали в руки. Вообще, я везучий до невозможности, должен был десятки раз умереть.

Как-то бригада стояла в районе красивого села Михайловка. Я тогда как раз пять танков в бригаду привел, их на боевые позиции расставили, командир бригады меня увидел, говорит:

– Виктор, сынок, – он меня всегда так называл, хотя всего на 10 лет меня старше, – сынок, бери мотоцикл, дуй в тылы, немедленно нужны горючее и бронеприпасы, все кончается.

Я только к мотоциклу, а зампотех батальона, мой непосредственный начальник, говорит:

– Виктора нельзя посылать. У него в роте шесть танков, пусть он их ремонтирует, а поедет Бобров – у них всего два танка. Виктор принимает два танка Боброва, а тот пусть едет.

Он отъехал километр от деревни, как налетели «мессера», его ранило в спину и в затылок, когда он отбегал от мотоцикла, и он ослеп. Мне говорят:

– Бери санитарную машину, отвези Боброва в медсанбат, а потом привезешь горючее и боеприпасы.

Я его везу, он очнулся, говорит:

– Где я? Что со мной? Почему я ничего не вижу?

Я ему соврал:

– Сева, ты перевязан, ранен в голову.

Довез его, сдал, организовал горючее и боеприпасы. Я же должен был быть на его месте! Он потом застрелился, не выдержал… Когда мне об этом сообщили, я закрыл глаза и подумал: «Что бы я сделал в такой ситуации?» Наверное, то же самое… Быть в вечной темноте, не видеть солнца, людей – это страшно.

Куревин Петр Васильевич

(Интервью Артема Драбкина)

В апреле 1941 года я был призван военкоматом и направлен учиться в Казанское танковое училище, которое только-только стало танковым. В июне выехали в лагерь, который находился в деревне Бориска, недалеко от Казани. 22 июня я был в наряде. Неожиданно нам дали команду – собраться в столовой.

Собрались. Нам объявили, что началась война. Тут же провели митинг, на котором выступили начальник училища и комиссар. Надо сказать, что у нас была твердая уверенность в том, что мы быстро разобьем немцев. Но прошло десять дней, и Сталин выступил со своим обращением. У нас был курсант Шульман, из поволжских немцев, примерно через неделю после начала войны его отозвали из училища. По радио стали передавать тревожные сводки. Тут мы поняли, что все не так просто.

Обучение поначалу шло на танкетках Т-27. Там экипаж состоял из двух человек, а вооружена она была пулеметом. Помню, что очень тяжело поднималась крыша. Команды все отдавались флажками – радио не было. С конца 1941 года мы приступили к изучению иностранных танков, которые с ноября начали поступать по ленд-лизу. Сперва это были английские «Валентайн» и «Матильда», потом американские М3Л, «Генерал Ли», М3С. Учеба больше проходила в классе, на тренажерах. Разбирали и собирали пушку и пулемет, изучали, как обслуживать двигатель, ходовую часть, отрабатывали натяжение гусеницы. После Т-27 пересели на Т-26. Их заводить было тяжело. На рукоятку надевали длинную трубу, которую называли «взводный стартер». Командир становился у конца трубы, а остальные брались двумя руками и по команде начинали крутить. Учили нас на старых танках – ленд-лизовские берегли. Даже в Горьком, когда сформировали наш полк, нас вывезли на полигон и дали три штатных снаряда. Все! Вся подготовка!

Тем не менее преподаватели были просто замечательные. Они к нам в училище пришли из инженерных вузов – были высококлассными специалистами, которые очень хорошо готовились к занятиям. Такую дисциплину, как военная топография, в училище преподавал полковник Привалов, который был преподавателем еще в школе прапорщиков в царской армии. Очень строгий! Учить начал с того, как правильно точить карандаш. Командиры взводов были с опытом войны в Испании. Так что о своих преподавателях, командирах взводов, командирах рот могу сказать только хорошее. Добросовестные люди были.

– На фронт их не отправляли?

Шла ротация. Многие из них писали рапорта на фронт. У нас командир взвода был семейный – жена, двое детей. Он прибыл к нам из Саратовского танкового училища. Все пытался попасть на фронт, хотя жена плакала, умоляла, чтобы он остался. Да и мы ему говорили: «Куда ты? Детей на кого оставишь?» Когда я уехал, он еще оставался в училище. Я его встретил после войны, уже будучи подполковником, а он так и остался старшим

лейтенантом, потом получил звание капитана. Бывает и так…

– Горючее было все время?

Наверное, проблем не было. Если бы даже были – нам бы не сказали. Абсолютно. В этом отношении строго было.

– Какое настроение было у курсантов в 41-м году?

Настроение было всяким, но открыто высказывать сомнения или опасения люди боялись. Панического настроения не было и быть среди курсантов не могло – возраст. Когда наступать начали, то тут стало получше. Помню, у моего близкого товарища Саморукова Вадима освободили родной город Ростов. Мы так радовались!

– На фронт рвались?

Рвались. Во-первых, снимались многие проблемы: тебе давали хорошее обмундирование, кормили здорово, одевали, обували. Так что рвались. Зима 41/42-го выдалась тяжелая, холодная, морозная. Есть всегда хотелось, хотя курсантская норма была привилегированная. Конечно, не такая, как в действующей армии, но и не тыловая. Надо сказать, что страна была не подготовлена к таким испытаниям. Помню, весной 42-го года пошла рыба. Мы ходили на Казанку, ловили оставшуюся после разлива рыбу, бросали ее прямо в противогазные сумки.

– То, что Красная Армия несет большие потери, знали?

Среди своих – знали. А так никакой информации не было.

Выпуск из училища проводился по мере прибытия караванов, которые шли в Архангельск, Мурманск или Иран. Проходил он следующим образом – пришел караван, танки выгрузили, скомплектовали полк. Командующий бронетанковыми и механизированными войсками, генерал Федоренко, звонит начальнику училища: «Нужно столько-то командиров танков, младших лейтенантов, столько-то командиров взводов». Начальник училища вместе с начальником строевого отдела и командирами батальонов отбирают лучших и направляют в полк.

Таким образом, в сентябре 1942 года я, в числе первых из своего набора, был направлен в 252-й танковый полк 2-й механизированной бригады, который формировался в Горьком. Полк был ротного состава: 4 роты по семь танков и два танка командования – всего 30 танков. После формирования мы попали на Брянский фронт, где до ноября 1942 года находились в резерве. В ноябре получили команду на погрузку и отправились в район Сталинграда. К нашему прибытию там уже началось

контрнаступление. Выгрузились на правом берегу Волги, севернее Сталинграда. Оказалось, что наши «Валентайны» и «Матильды» не приспособлены к передвижению по замерзшей земле – пробуксовывают. Механики быстро придумали, как с этим бороться, – к танкам подъезжали летучки и электросваркой приваривали к гусеницам костыли.

Надо сказать, что командование не ждало, когда сосредоточится весь наш полк. В это время Манштейн пошел на деблокаду окруженных в Сталинграде. Так что скомпоновали сборную роту – и в бой.

– Свой первый бой помните?

Да. Под Суровейкино. Что можно рассказать? Во-первых, прячешься, сломя голову не идешь. Ты можешь идти сломя голову при прорыве, когда тебя развернули, когда пошла линия. А тут были элементы встречного боя. Разрозненная наша группировка встретилась с разрозненной группировкой противника. И каждая группировка пытается перехитрить другую, где-то спрятаться. Но нам-то как: прячься-прячься, но имей в виду, что за тобой следят. Если ты долго прячешься, тебя заставят идти. Смотри и выбирай место, с которого можно вести огонь. Люки, когда идешь в бой, особенно при прорыве, закрыты. А при таких маневрах тут уже открываешь, смотришь, чтобы не провалиться в яму. Провалишься, а потом тебя будут вытаскивать через СМЕРШ. Скажут: «Ах ты, сволочь, ты сам полез в эту самую яму!»

Командиром роты был у нас лейтенант Савченко – хороший, толковый парень. Он уже повоевал, и мы ему доверяли. Вскоре его ранило, и больше мы его не видели. Помню первого замполита Иннокентия Воробьева с монголоидными чертами лица, откуда-то из-под Иркутска, которого мы все называли Кеша. Мы-то были пацанами, а он с 18-го года, лет на пять старше. Нам он уже казался дедом. Он в танк не садился, у него танка не было. А Савченко в танке воевал.

Я скажу свое мнение. Я не верю тем, кто начинает рассказывать все до мельчайших подробностей, хотя, может быть, и есть такие люди, кто все помнит, но через 60 лет все события помнятся как в тумане, и ты уже начинаешь воспроизводить то, что в тебя вошло после, начинаешь приукрашивать. Не хочется рассказывать, что ты струсил, что ты боялся, что тебя поставят к стенке. А ведь было разное… В танках были спиртовые компасы. В них – два литра спирта. Ну и пропадать начал, конечно… Контрразведчики сразу подняли шум, и многие дельцы за это поплатились.

Дошли до железной дороги, которая шла через Обливскую,

Морозовскую и далее на Тацинскую и к Ростову. Провоевали мы, значит, до февраля. В этих боях мой танк был подбит. Снаряд попал в борт, сбил гусеницу. Мы встали, и немцы постарались нас добить. В танк попало еще два или три снаряда. Один пробил броню, но в этот раз все спаслись.

В марте сосредоточились на станции Гусинка, откуда нас направили на переформирование. Тогда делали как? В бригаде остается танков на роту – их в одну роту и сводят. Эта рота остается на фронте, а бригада отправляется на переформирование.

Переформирование нашей бригады происходило в Тамбовской области, недалеко от Мичуринска, станция Хоботово. Там был центр формирования соединений на иностранной технике. Формировались до июня, после чего нас направили на Западный фронт.

– Вы были в резерве командующего Западным фронтом. Что делает танковая часть в резерве? Чем занимались?

Роют окопы для танка, для себя. Землянки, если есть лес, строят. Занимались боевой подготовкой, стрелять учились. Осваивали новое вооружение. Мины изучали.

Зампотех роты Люлька, такой хороший парень был, подорвался на немецкой мине – не знал, как ее разрядить, а взялся, чтобы храбрость показать. Так что спать там не дают. У нас был заместитель командира полка Селиванов. Он нам казался стариком – ему было лет сорок. Он тогда говорил: «Имейте в виду, главная задача в обороне – чтобы люди были сыты и чтобы не спали. Ни минуты лишнего сна! Встал – и начинай что-то делать. Солдат стройте почаще, чтобы они знали, что за ними смотрят, следят!»

Западный фронт перешел в наступление с задачей выйти к Днепру. Ничего не получилось.

В сентябре нас опять отправили на переформирование, на этот раз в Московскую область, в район Наро-Фоминска. Штаб корпуса был в Наро-Фоминске, а мы – в лесу между Кубинкой и Наро-Фоминском.

В декабре мы вошли в состав 6-й танковой армии и с ней попали в самое пекло под Корсунь-Шевченковским.

Наш корпус участвовал в Уманско-Баташанской операции, и в районе Могилев-Подольска мы вышли к Днестру, форсировали его и вышли на старую государственную границу. Это считается одним из первых выходов на государственную границу во время Великой Отечественной войны.

Сперва продвигались неплохо, но, когда подошли к реке

Прут, остановились и стояли там практически всю весну и все лето. Мы готовились к наступлению, пополнялись как людьми, так и техникой. Надо сказать, что в 1944 году к нам стали поступать американские танки «Шерман». Это, я считаю, лучший американский танк, который принимал участие в войне. У него и двигатель хороший, и броня хорошая, и оружие хорошее.

После Ясско-Кишиневской операции много молодых ребят типа меня отправили на учебу. Часть попала в академию, в 1944 году туда был набор обстрелянных офицеров. Они выпустились в 1947 году. А я попал в Нефтяной институт имени Губкина – требовались специалисты по горюче-смазочным материалам, и, поскольку я кое-что соображал в математике, меня направили туда, хотя я не хотел – там кормили плохо, по тыловой норме. Мы с еще некоторыми ребятами хотели оттуда поскорей уехать, и это нам удалось – где-то в начале сентября я смог вырваться из института и попал в 9-й гвардейский танковый корпус 2-й танковой армии, в которой уже и заканчивал войну.

В январе 1945 года началось наступление. Наша армия обошла с северо-запада Варшаву. В конце января я был тяжело ранен. Мы остановились ночью сориентироваться, и в этот момент фаустник засадил нам под башню в район боеукладки. Хорошо, что она не взорвалась. Это было мое второе ранение. Первый раз меня ранило под Сталинградом. Тогда мы находились рядом с танком в состоянии ожидания перед атакой. Самолеты тогда нас здорово душили. При налете попал осколок. Я тогда не так-то долго, примерно 6 недель, был на излечении. А тут почти два месяца лечился. Только в апреле выписали, и я снова вернулся в свой 9-й корпус. Войну закончил на окраине Берлина. Вот так, если вкратце. Ничего я вам, никаких боевых эпизодов рассказывать не буду. Уже много есть сказок, которые вы слышали.

– Экипаж в «Валентайне» четыре человека?

Четыре человека. А в «Шермане» пять: впереди механик-водитель и его помощник, он же пулеметчик, и три человека в башне. «Валентайн» – очень подвижная машина, с хорошим дизельным двигателем.

– В экипаже какая низшая должность?

Заряжающий. Человек, который у всех на подхвате.

– «Валентайны» требовали большого ухода?

Думаю, что нет. Они особого ухода не требовали, лишь бы были заправлены горючим и маслом. Двигатель GMC –

двухтактный, хороший, даже прекрасный двигатель. Нет, они не требовали большого ухода.

– Вам приходилось сталкиваться с немецкими танками?

Приходилось. Мы очень боялись немецких танков – пушка и прицел у них были хорошие. На моих глазах немцы сожгли два танка с расстояния в полтора километра. Если мы сталкивались с немецкими танками, то старались в бой не ввязываться, отходить задом. Но все это зависело от командира, от командира роты, от командира полка.

– Если говорить о «Валентайнах», у них хорошие переговорные устройства, рация?

Радиостанция у них хорошая была, ничего не скажешь. Она работала на фиксированных частотах неплохо. Радиостанция называлась у нас – 9РС, а у них, я уже забыл сейчас, цифра была 19. Мы горя с ней не знали. Переговорные устройства в танке тоже были неплохие, но управляли больше руками и ногами: нажал на плечо механику – поворачивай, на спину – стой.

– Какие-то лимиты по расходу снарядов были?

Нет. Пользовались тем, что входило в боекомплект. Порядка 30–40 снарядов. Бронебойных брали меньше, осколочных – побольше.

– Вас использовали как танки непосредственной поддержки пехоты или все-таки как танки прорыва?

Как непосредственная поддержка пехоты. Бригада была механизированная. Пехоты много. Всегда было тесное взаимодействие – они нас вперед гонят, мы их вперед.

– Десантники на броне были?

Были. Тяжелая судьба у этих людей.

– В первом бою против кого вы действовали?

У немцев пехота впереди не шла. Впереди шли танки, бронетранспортеры, отдельные артиллерийские установки. Пехота была, но редко.

– Удалось кого-то подбить?

Не знаю. Стрелять стреляли, но подбили ли кого – не знаю.

– Было такое, что запрещали покидать танк, пока он не сгорел?

Нет. Вы понимаете – это все разговоры. Мол, спрашивают: «Почему ты не сгорел?!» У нас таких командиров не было. Может быть, мне везло на командиров… Когда загорается танк, то мгновенно начинают рваться снаряды. Успеешь выпрыгнуть – хорошо. Нет…

– Танк подбили, надо сразу выпрыгивать? Или, если он не горит, можно остаться?

Не только можно, но и нужно остаться. Если башня крутится – стреляй.

– У вас в полку были тягачи или танками оттягивали?

Были тягачи на базе трактора С-80, но, во-первых, их редко поставляли, во-вторых – они против танка слабы. Так что чаще использовали танки, хотя это было запрещено. Позднее появились тягачи на базе танка Т-34.

– Первого увиденного немца помните?

Первого немца мы увидели под Сталинградом. Мы даже не поняли, немцы это или румынью Они шли пешком. Многие были обуты в тряпки, портянки.

– Вы в чем воевали? Были полушубки или ленд-лизовские костюмы?

Ленд-лизовские костюмы – меховые куртки и штаны – давали только старшим офицерам. Нам давали комбинезоны. Если повезет, то меховой трофейный или американский. А так – в телогрейках. Были меховые жилетки. Надеваешь ее, сверху комбинезон – вроде тепло. Ну, а если на жалюзи лечь да брезентом накрыться – совсем хорошо! Мы получали своеобразные шинели, которые мы называли «из английского сукна». Сапоги старались заполучить у немцев – очень хорошие, с металлическими шипами на подошве. Они воду держали отлично.

– Мылись, стирались?

Иногда. В основном на формировке приводили себя в порядок. Я тогда даже не брился – что было брить? Пушок! Хотя, когда я уходил в армию, отец дал мне бритву «Золинген», оставшуюся у него еще с Первой мировой войны. Умываться-то умывались – самому неприятно, когда ты не умыт. Бани в бригаде появились позднее, начиная с 43-го года, а в 42-м году – только когда отводили в пределах армейской фронтовой полосы.

– Вши были?

Были. Особенно зимой 43/44-го года, когда мы наступали не останавливаясь, шли вперед. Подзавшивели. Когда дошли до Могилева-Подольского – там уже привели себя в порядок, там баня была. В Могилеве-Подольском в квартирах даже ванны работали. И уже с весны 44-го года мы были чистыми.

– Боевые 100 грамм давали?

Когда воюешь, то давали, но я не пил до 45-го года. Когда в тылу находишься, то не давали.

– Как спали в боевых действиях, в танке или рядом?

В зависимости от времени года. В большинстве своем на жалюзях, под брезентом. Но один член экипажа все время должен дежурить. В 42-м году спали под танком. Вырывали под танком норку, ставили печку… особо не уснешь, но спать спали. Может быть, потому что молодые были, энергия была, сила.

– Была взаимозаменяемость в экипаже?

Жизнь заставляла. Командир танка должен был всегда уметь сесть за рычаги управления, вести машину, когда ранен или погиб механик. Я за рычаги садился только один раз на короткое время. Механик сказал: «Командир, не могу больше рычагами работать». Тяжелая все же работа за рычагами сидеть – и ноги работают, и руки. Тут я его просто подменил.

– Другие члены экипажа умели что-то делать смежное?

Да. В башне находятся три человека. Командир танка, командир башни или наводчик и заряжающий.

– Как вам «Шерман»?

Нормально. Для равнинной местности хорошие машины. Они уступали по огневой мощи нашим Т-34. И по ремонтопригодности тоже уступали. Наши могли, как говорят, экипажем с помощью батальонной летучки в полевых условиях «выбросить движок», «выбросить коробку». Импортная техника не была к этому приспособлена. Ремонт – так уж ремонт.

– Какие взаимоотношения были между воюющими на иностранных танках и на наших?

Они хвастались, и мы хвастались. У нас был хороший брезент, приспособление для разогрева хлеба – такая печечка спиртовая, на которой можно было разрубленную попалам булку разогреть. Это очень важно зимой, когда привозят мороженый хлеб. Его и не разгрызешь! Или кашу привезли холодную, можно

было ее разогреть. Отдельный движок был для работы радиостанции – не надо было гонять основной двигатель. Начиная с танка командира роты, стояла мощная хорошая радиостанция. В «Шермане» было просторно. Три человека, которые были в башне, они находились в привилегированном положении. Самое тяжелое место было у радиста – там такой закуток неудобный.

– Зенитный пулемет стоял на «Шермане»?

Стояли зенитные пулеметы «Брен». Их вообще во время войны очень мало использовали. Почему? Мы были убеждены, что нас и так надежно прикрывают. Мы их чаще по наземным целям использовали.

– Вас вооружали импортным оружием?

Да, конечно. Экипаж вооружался никуда не годными автоматами Томпсона. Сначала у командира был револьвер «наган», потом всех вооружили пистолетами ТТ. Сами пытались заменить его на «парабеллум», но нас за это гоняли. Тыловым товарищам, им подавай «парабеллум». Поэтому прицеплялись: «Ты покажи, где находится твой ТТ? Что ты ходишь с этой немецкой игрушкой? А ну давай ее сюда!» Старались отнять.

– Кормили хорошо?

На фронте – хорошо. Но всякое бывало, особенно в 44-м году, когда пошли наступать после Корсунь-Шевченковской операции. Грязища была страшная! Пехота несла на себе снаряды для орудий. Пехотинцу дают снаряд, который он должен сдать. Если выкинет по дороге – накажут. Вот там кухни отстали. Потом приспособились – стали кухню цеплять за танк. Так что перебои были только из-за нераспорядительности старшины или помощника по хозяйственной части.

– Основная ваша цель? Огневые точки противника или бронированные объекты?

Огневые точки противника, противотанковая артиллерия. Но и борьба с бронетехникой противника тоже. Я сам танки не подбивал, не буду хвастать, только бронетранспортеры.

– Вы были сначала командиром танка, а потом командиром взвода, как вы оцениваете связь между танками?

Хреновая связь между танками была. Флажками. Иностранные танки были радиофицированы, но, честно говоря, мы плохо владели средствами связи.

– В атаке люки открыты или закрыты?

На марше люки все время открыты, закрывали на защелку только непосредственно перед атакой. Открывается она легко.

– На танках рисовали?

Только тактические знаки. У нас был квадрат и в верхней части стрелка, направленная вверх. Надписей и картинок не делали. Зимой танки красили в белый цвет известкой.

– В городе приходилось воевать?

Да, приходилось. Особенность боев в городе в том, что тебя могут подбить с любого места. Особенно сложно стало, когда немцы стали широко применять фаустпатроны. Мы уже в 43-м году познакомились с фаустниками, а в 45-м они стали их использовать массово. Часто фаустниками были ребятишки.

– Как относились к немцам? Как к противнику?

Как к врагу. На поле боя никто не думает, что там люди, что их можно убить. Стреляют, чтобы уничтожить врага, победить, иначе сам будешь убит.

Немцы хорошо воевали. Они нас научили воевать. Когда нос в крови, учеба хорошо идет.

Я должен сказать, издевательств над пленными или гражданскими среди нас не было. Вот кого не любили – это власовцев. Их били и сдавали в СМЕРШ.

– Женщины были в бригаде?

Были связистки, ремонтницы средств связи. Также они были в батальонном медицинском пункте, в полковом медицинском пункте, в медсанбате дивизии и корпуса. В экипажах очень редко. Отношение было нормальное. Большинство из них вели себя достойно. Но, конечно, люди разные бывают. Много ходило слухов про ППЖ, что, мол, они такие-сякие. Но если женщина ведет себя достойно, то к ней никто не будет и лезть. Ну разве что на формировке – когда делать нечего, а на фронте – там уже некогда.

– Как проводили свободное время, если оно возникало? Были танцы?

В армии не должно быть свободного времени. Танцы были на переформировке, в тылу. У немцев брали губные гармошки, и находились ребята, которые хорошо на них играли. Были и такие, которые могли хорошо сплясать. Приезжали фронтовые

самодеятельные бригады. А вот кино редко смотрели.

– Вместе с танками приходили посылки из Америки?

Если только случайно. Мне как-то попались хорошие английские ботинки. Хороший с танками брезент приходил. Мы из него шили себе сапоги. Кремом начистишь – во! Вы же понимаете, что мы получали танки уже после того, как их выгрузят в Архангельске. Разумеется, портовики там все обшарят и ничего не оставят.

– В Польше как народ встречал?

Кто там встречал? Никто. Мы стояли на формировке в местечке Сточек. Местные здорово торговали самогоном. Кроме того, топили нам баню, мы туда ходили поротно мыться.

– Говорят, на территории Польши процветала проституция?

Нам было не до этого. И потом, куда уйдешь от танка?

– Что вы можете сказать о госпитале?

В 45-м году в госпиталях работали люди, которые прошли большую школу. Все было очень хорошо организовано. О чем шли разговоры между ранеными? Всякие разговоры: кто где воевал, в каком госпитале лежал. Со мной в госпитале в Лодзе лежал Тильман, еврей. Он ударился в религию. Ему принесли Ветхий Завет. Меня спрашивает:

– Ты читал?

– Я даже не знал, что такая книга есть!

– Хочешь – почитай.

Я когда стал читать, думаю: «Боже мой – скукотища!»

О девках говорили. Те, кто постарше, кто учился в институтах, говорили, как вернутся домой, продолжат учебу. Мы думали: «Закончится война, пойдем учиться». Об этом мечтали.

Алексеев Владимир Андреевич

(Интервью Артема Чунихина)

Родился я в Астрахани в 1923 году. Семья моя жила на берегу Каспийского моря в селе Вахромеево. Но когда мои братья и сестры четыре класса окончили в селе, а дальше негде учиться, то родители приняли решение переехать в город, чтобы дети могли

продолжить обучение. Тут и я родился.

В 41-м году, перед войной, я успел окончить 9 классов астраханской средней школы. Когда война началась, мы в военкомат побежали сами, нас никто не звал. 22 июня я хорошо запомнил.

Летом молодежь ехала помогать колхозам и совхозам убирать урожай. Мы уже были в одном из колхозов, когда объявили, что началась война, что бомбили наши города. Нас немедленно возвратили домой, и мы начали осаждать военкомат: берите нас! А в то время много возрастов призывалось, и военкоматы, конечно, были загружены страшно. Где-то дня два-три нам говорили: «Обождите, ребята, не путайтесь под ногами, не до вас».

Старший брат у меня служил во флоте на Дальнем Востоке. Я тоже хотел во флот и решил проситься в училище корабельных инженеров. Говорю в военкомате: «Отправьте меня в Кораблестроительный институт в Николаеве. Я хочу туда, где брат мой». Но мне ответили: «С кораблями у нас все нормально, нам нужны танкисты». Вот так я попал в Сызранское танковое училище. В мирное время обучение продолжалось два года, а нас, после так называемого ускоренного курса, выпустили через год и два месяца. Конечно, очень плотная программа и давала нам, как говорится, по мозгам крепко – учили матчасть, было и вождение, и стрельбы.

В основном изучали Т-70. Это легкий танк с 45-мм пушкой и пулеметом. Экипаж два человека: водитель и командир танка. Два газовских, стоящих последовательно, двигателя.

– В училище с ребятами обсуждали поражения 1941–1942 годов?

Видишь, в чем дело. Если говорить не лично о себе, а о том окружении, в котором я был еще до училища, то тут так. Мы же пацанами ушли и в училище пацанами попали. Конечно, всего обмозговать мы еще не могли в силу того, что маленькие были, глупенькие. Конечно, были всякие… продажные… и другие… но вот в той среде, где я жил и учился, верили, что все-таки как бы там ни было, а победа будет за нами. Просто тогда в Сталина мы очень здорово верили, а он сказал, что будет и на нашей улице праздник. Мужик-то крутой был и не считался ни с чем. Дисциплина была крепкая. Она, конечно, насаждалась сверху жестко. Ну и агитация, пропаганда была мощная. Так что верили…

В августе 1942-го нас выпустили и отправили на завод в Горький, где танки делали. Мы вместе с рабочими собирали

танки. Пробыли мы на заводе, наверное, недели три. Потом сформировали маршевый батальон. Тогда командиров выпускали училища, а механиков-водителей и радистов готовили так называемые учебные полки, заряжающих, как правило, не учили. Ну чему там учить? Ему показали снаряды, какой бронебойный, какой осколочный. Это любой сообразить-то может. Когда подают команду «Заряжай!», там операции простые – тут открой, тут закрой. Поэтому строят пехоту. Физически крепких.

– Вот ты – выйти из строя, ты – выйти из строя! Как ты смотришь, если мы тебя возьмем в танковую часть?

– А че я там буду делать?

– Заряжать. Заряжающим.

– Ну, пойду. Расскажите только, куда чего совать.

Прямо на заводе формировался маршевый батальон, в нем распределялись по экипажам, получали танки, пристреливали оружие на полигоне, водили немножечко – и на фронт.

Нас где-то числа 25 августа, я уж точно не помню, погрузили на эшелон. Куда, чего? Нам же не говорят… Начальство там, может, что-то и знает, а мы-то ничего не знаем. Какие мы тогда еще начальники были? Пацаны совсем! Слух ходил, что якобы наш эшелон в Иран направляют. Ну, в общем, никакого Ирана не получилось. До Качалино доехали и разгрузились. Сталинградский фронт!

Попали мы в 7-й танковый корпус, 87-я танковая бригада. Командовал этой бригадой Василий Иванович Егоров. В то время – подполковник. Корпус наш состоял из трех танковых бригад. Была 3-я гвардейская танковая бригада тяжелых танков. 62-я бригада средних танков – Т-34 там были и легких немного. А наша 87-я – она из легких танков состояла. Ну а я принял танковый взвод на Т-70.

Ты же, конечно, помнишь, что Паулюс прорвался к Сталинграду в августе. Они форсировали Дон в районе Вертячьего и Песковатки и рванули на Волгу, на Рынок. Начались бои за город.

Нам была поставлена задача атаковать с рубежа Степной – Самофаловка – Котлубань. 1-я гвардейская армия и наш корпус должны были через Котлубань, Конный разъезд – выйти к Гумраку, где соединиться с 62-й армией.

Выполнить эту задачу нам, прямо сказать надо, не удалось. Почему? Главная наша беда заключалась в том, что у нас почти не было авиации. Вот в этот период я на фронте своих самолетов почти не видел, а немцы висели над нашими головами постоянно. Хозяйничали как хотели. Как только рассвет, так начинают – вот они прут, самолеты! Партиями и по двадцать, и по тридцать

штук. Из люка смотришь, как только первый на крыло свалился, я на глаз уже мог определить, что это наши или не наши. Если наши, тут же говорю:

– О… ребята… газу!

Мы-то еще броней хоть как-то от пулеметов и осколков защищены. А вот пехота бедная! В корпусе была мотострелковая бригада, бойцы которой придавалась нашим бригадам как десант. На танк обычно садилось отделение, человек десять. Командир отделения подчинялся командиру танка.

Трижды мы пытались атаковать, и безрезультатно. За 3–4 дня продвинулись на 2,5–3 километра. Бои были исключительно тяжелые. Пехота гибнет. С каждым днем все меньше и меньше становится людей, да и танков тоже. Причем немцы, они же не дураки: и воевать их учили, и летчики их знают, что лобовая броня и башня у любого танка мощнее, чем задняя или бортовая. Поэтому Ю-87 главным образом стремились заходить сзади. Норовили в люк трансмиссионный попасть. А попасть из двух пушек не так уж и трудно по танку. Тем более зениток у нас нет, ему никто не мешает. Так они чуть ли не башню колесами доставали! А что? Пробил броню и – фух! – факел. Таким образом, танки горели, и очень много. Потери от противотанковой артиллерии были, но не такие большие.

Ну, немцы, конечно, никакими бутылками не бросали в нас – у них их совсем не было. Противотанковые гранаты – как у нас солдаты чуть ли не под танк лезли, чтобы их бросить, но это средство очень неэффективное. Это не только психологически, это и физически невозможно. Ведь что такое наша противотанковая граната? Это два килограмма. Ее мужик крепкий самое далекое мог бросить метров на 18–20. А взрыв у нее какой? Большинство гибло от взрыва своей же гранаты. Вот если танк через окоп проехал, тогда ему на трансмиссию ее бросить можно. Ну так в танке тоже не дураки сидят. Танк норовит крутануть, чтобы тебя в окопе задавить.

К октябрю продвинулись еще километра на два. Дальше не пускают. Противотанковая артиллерия стоит на обратных скатах высот, и только танк покажется на гребне, как его расстреливают. Очень много потерь было.

2 октября мне исполнилось 19 лет. Я, кстати сказать, и забыл, что это день рождения. Потом только опомнился. Ну, опомнился, а что дальше-то?! Ничего.

До Конного разъезда мы дошли, и все – у нас уже и танков почти не осталось, а мотострелковая бригада почти вся полегла. Из моего взвода сгорел только один танк вместе с экипажем. Командиром на нем был Витька Рипринцев. Мы в училище вместе

с ним были. Погиб. Механик тоже погиб. Если говорить об этом, то, конечно, много людей погибло. Боев не бывает без жертв, но, конечно, при умелом руководстве их могло бы быть и меньше. А что сделаешь – к тому времени мы еще и воевать-то как следует не научились.

Ну что… задачу прорваться к Чуйкову мы не осилили, но помочь мы здорово помогли (это теперь, в зрелом возрасте, я так рассуждаю). Я так думаю, что задача была поставлена так: «Прорвитесь к Чуйкову. Войдите в город, и корпус будет воевать в самом Сталинграде в подчинении Чуйкова. Ну, а коль скоро этого у вас не получится, то вы хотя бы оттянете на себя часть сил Паулюса и тем самым дадите возможность переправиться с левого берега дивизиям». Вот с этой задачей мы справились. Помогли Чуйкову отстоять город, потому что немцам пришлось большое количество сил отрывать на отражение наших атак.

– Как с радио в танках было в 1942-м?

В 1942-м никакого радио на линейных танках не было. Хорошо, если у командира батальона рация была для связи с комбригом. Радиостанции стали у нас ставить на танки после Сталинградских боев, перед Курской битвой. Тогда у командира роты, у взводных уже стояли рации. На командирские танки ставили рации 10РТ. Хорошие кварцевые радиостанции. Кварц ставился в гнездо на определенную частоту и на двух винтах закреплялся. То есть в бою настройка не соскочит.

– Мат в эфире был в бою?

Ну куда ты денешь нашего мужика русского? И начальники матюкались почище нашего брата. Взять командира бригады или командира батальона. Ведь на нем ответственность, он за всех отвечает, и он видит: какой-то танк что-то мудрит – не туда повернул, ну и…

Нас вывели из боя где-то 18 октября. Остатки корпуса отвели на железнодорожную станцию Качалино. Погрузили и повезли под Саратов, в Татищево. До начала декабря месяца пополнялись людьми, техникой. Получил во взвод еще один Т-70, а потом поехали обратно – погрузились в Татищево в эшелон – и на знакомую станцию Качалино. Тут мы поступили в 5-ю ударную армию, под командование генерал-лейтенанта Попова. К этому времени уже наши окружили Паулюса. Наступили морозы – сопли потекли у немцев. Не зря же эти соломенные лапти они носили и на себя любую тряпку тащили. Конечно, им было очень кисло!

Переправились мы через Дон южнее Калача. Нашему корпусу была поставлена задача ликвидировать плацдарм у Нижнего

Чира. 12-го числа мы в ночь переправились и вышли на исходные позиции. Утром 13 декабря рванули вперед. Для немцев это было совершенно неожиданно. У них оборона там была хорошая, капитальная. Прямо надо сказать, они устраивались не так, как мы, – у них обязательно в блиндажах чугунные печки. Ночью, несмотря на морозы, хорошо отдыхать. В траншеях оставались только дежурные, которые периодически пускали ракеты – освещали, чтобы не подползли.

Ротмистров, командир корпуса нашего, этому Попову, командующему 5-й армией, предложил: «Мы что делаем? Мы, по сути, немцев будим. Они выбегают, занимают свои места у пулеметов и противотанковых орудий, и ничего не получается. Несколько раз пробовали, а ведь ничего ж у вас не получилось? Давайте так. Вот эрэсы плюнут, за ними откроет огонь артиллерия, и в это же время двинутся танки». Немцы еще, по сути дела, не успели штаны надеть, а мы уже рядом.

Я помню туманный рассвет. Зима. Декабрь месяц. Вывел нас ротный, а в тумане ни черта не видно, только шапка высотки впереди видна поверх тумана: «Вот, видите эту высотку? На нее и пойдем». Между прочим, у Чира, так же как и всех наших рек, правый берег высокий, а левый низкий, луговой. И весь он изрезан оврагами. Мы двинулись. Ну и на ходу лупим, хотя еще никого не видим.

Командир роты левее меня идет. Люк закрыт. Я в перископ поглядываю, чтобы не сбиться, – не видно ни черта. В прицел я и не смотрю.

Вдруг… Шарах-тарах-бабах – в танке все загремело. Ну, думаю, все – поймали болванку. Навоевались! Потом какое-то время проходит… Это рассказывать долго, а там секунды. Двигатель работает! Механик молчит. Что случилось? И вроде танк не загорелся ни хрена… Я открываю люк, смотрю, а уже никого и не видно. И где я, чего я? Непонятно. Вылез. Елки зеленые! Мы попали в промоину. Причем она как раз по длине танка. Уперлись лбом в одну стенку, а сзади в другую. Танк, по сути дела, спрятался там, и ни туда и ни сюда. Механик тоже опешил, не поймет, что произошло. У меня был механик, мариец по национальности. Вот знаешь бывают белые кролики, альбиносы? У них вечером глаза красные делаются. Так и у него было. Пацан – это его первый бой был. Он в Татищево пришел к нам с пополнением.

Гусеницы скребут мерзлую землю, а танк-то не движется. Я кричу ему: «Заглуши мотор!» Он заглушил, но команду вылезать я ему не дал. Вдруг смотрю – по этой промоине к моему танку бежит ротный со своим механиком. Подбегает запыхавшись:

«Немцы по оврагу идут». Они сразу раз, за мой танк забежали, и я к ним. И мы трое с этой стороны танка.

Оказалось, что они тоже в эту промоину попали. Но там она была и не такая глубокая, и пошире. И у них возможность была наискосок из нее выползти. Только они поднялись, а им шарах снаряд, и танк фыкнул.

Они выскочили оба, а немцы недалеко от них. Они ко мне рванули. Танк ротного немножечко горит. Немцы, двенадцать человек, заскочили в промоину. Увидели второй танк – немного опешили: у них-то только автоматы. Больше у них ничего нету. Стушевались, а потом смотрят – люк-то открытый! Они поняли, что в башне никого нет, а мы за танком, и осмелели. Давай из автоматов по танку лупить. А у нас что? У ротного пистолет, и у меня пистолет. А у механиков вообще ничего нет.

Обстановка такая, что тут что-то надо предпринимать, иначе оставишь здесь башку свою. Я так подумал: «Что остается немцам? Ну, бьют они из автоматов по танку. А что ему? Пули отскакивают, да и все. Но они же долго этого делать не будут. У них прямой путь – вылезти наверх, обойти нас и – тра-та-та – как цыплят нас перестрелять».

Тогда принимаю решение – вылезаю на гусеницу, на борт танка. Хорошо, что, когда танк попал в промоину, пушка была немного провернута как раз в ту сторону, где сейчас были немцы. И открытый люк прикрыл меня. Рывком обеими ногами прыгаю в башню! Видимо, иголка, которая в заднице, была мощная! Ну, когда я попал в башню, думаю: «Ребят, теперь мы попыряемся – кто кого». Начал выворачивать пушку на них. В прицел-то мне все видно хорошо, как на ладони.

Кинулись они наверх вылезать из промоины. А тут сугроб и татарник растет, как все равно рощица. Они тоже дурака сваляли – ринулись в этот сугроб, как по команде, кучей. Я смотрю в прицел – вот они. Ну, я осколочный снаряд загнал и в самую серединку этой кучи шарахнул, а потом уже из пулемета прошелся. Ну, все, говорю, ребята, извините, у меня другого выхода не было.

Вроде затихло все. Плацдарм мы уничтожили. Пришла пехота, помогла срыть склон. Двумя танками мой вытащили. У нас передышечка небольшая, а жрать охота ужасно. Молодые. Кухня не всегда нас найдет. Другой раз по двое суток не жрамши приходилось быть. На морозе там этот их хлеб немецкий, который они еще с 37-го года готовили, замерзнет – его двухручной пилой пилим. Кусок в рот положишь, как все равно мороженое. Это сейчас смешно, а тогда не смешно было.

Подошли к этим немцам, начали у них документы собирать.

Как потом уже разобрались – это оказался штаб того полка, который занимал этот плацдарм. Один был с сумкой с красным крестом, видимо, медицины какой-то работник. Черт его знает! Залез я в эту сумку, а там немецкая сайка хлеба и небольшая баночка паштета. С других танков ребята подошли. Человек восемь в куче сидим. Этот хлеб кое-как разломали и понемножечку этого паштета каждому намазали. Туман уже весь сел. День разгулялся. Солнышко светит. Мороз, конечно, но все равно хорошо, когда солнышко светит.

И вот он, гад один… Откуда он взялся? Не было же ни самолетов, ничего не было! Вдруг завопил оттуда! А у них же сирены включались. Ууу-аааа! Елки, вот он уже прет прямо на нас! Мы, конечно, врассыпную – кто куда успел. А я только из-под руки гляжу – а у него две штуки с крыльев сошли. Черненькие точечки, и растут, растут, растут на глазах! Прямо на меня прет одна! Ну, думаю: «Все!» Лежу. Бомба, которая ближе ко мне, наверное, метрах в пятидесяти или, может быть, ста – не мерил я – разорвалась. Осколки надо мной все прошли. Видимо, за счет того, что я оказался вроде как пониже этой воронки. Земля промерзшая. Огромные ее шматки в воздух поднялись. Я из-под руки глянул, а здоровые куски мерзлой земли с неба летят. Думаю, в конце концов, есть Бог на свете или нет? Что вы надо мной издеваетесь? Бомбой не попали, теперь землей прибьет! Такая штука по башке врежет – в лепешку сразу. Ну, как говорится, меня опять Бог сберег. Мне кусок земли упал на левую ногу. Потом она сильно раздулась, но вскоре прошла.

Уже во второй половине дня мы вели бой за Верхнечирский. Орешек оказался крепкий. Там они каждый дом превратили в ДОТ. Мы приняли бой где-то под вечер, вели его всю ночь и следующий день.

Примерно 16-го числа поступила команда переправиться через Дон обратно, под Пятиизбянский. Переправлялись и пошли в район Ляпичево. Приказано было в том районе сосредоточиться. 2-я гвардейская сумела подойти. В Верхнекумском шли бои. Геройски держали танковую армию Гота остатки 51-й армии Труфанова, 13-й танковый корпус Танасчишина и 4-й мехкорпус Вольского. Как они устояли в эти дни?

19 декабря подчинили нас Малиновскому, а 24 декабря мы, 2-я гвардейская армия и все, что оставалось от тех, кто до этого там воевал, – все пошли на юг, на Котельниково.

Немцы отходили с боями, и бои сильные были. 29-го мы освободили Котельниково. Там нашему корпусу было присвоено гвардейское звание и вручено знамя. Мы стали 3-м гвардейским Котельниковским корпусом. Так закончилась эпопея здесь, на

Мышкаве, и в районе Котельниково.

3 января мы рванули на Сал. Когда шли на Ростов, было уже немножечко побольше наших самолетов. Нам была поставлена задача прорваться на Батайск, потому что от Ворошиловграда железнодорожная ветка через Тихорецкую идет на Майкоп, на Грозный, на Минводы – на Северный Кавказ. Так вот, если перехватить линию железнодорожную, то все немцы там оказались бы в западне.

Хороший, может быть, командующий фронтом Еременко, но или уже он был староват, или устал, но не сумел обеспечить действие вот этой группы, которая туда рванула. Дело в том, что танки оторвались. Командование торопило: «Давайте, скорей». Что значит скорей?! Мы оторвались, а склады остались там, в районе Цаца-Барманцак. А мы-то ведем бои, идем по Салу через все станицы. Везде упорно сопротивляется немец. Он же не бежал просто так, без штанов! Отходил довольно разумно, с боями. Несем потери. Когда к Батайску подошли, то у нас уже боеприпасов нет почти и баки все пустые. Из оставшихся на поле боя танков приказано было сливать горючее, забирать остатки боеприпасов. Из нашей бригады под командованием Егорова создали передовой отряд. Нас пополнили горючим, подкормили немного, а то жрать нечего. Кухни-то были, но беда заключается в том, что если она нас за ночь не нашла, то залазила куда-нибудь в балку, засыпалась снегом и сидела. Мы прорвались в Батайск. Там немцы нас встретили большими силами, и завязались сильнейшие бои.

Передовой отряд отрезали, и двое суток мы были в окружении. Все боеприпасы израсходовали. По сути дела – хана! Но Ротмистров распорядился, и 3-я гвардейская танковая бригада, которая состояла из тяжелых танков, рванула к нам навстречу, а нам дали команду по радио, в каком направлении прорываться. Они нас выручили! К этому времени на моей «семидесятке» два опорных катка выбили к чертовой матери, мы гусеницу натянули на те, которые остались, но своим ходом двигаться не могли. Нас зацепил какой-то КВ с 3-й бригады.

Остатки нашего корпуса вывели сначала в Лихую, потом на Миллерово перетащили. Следующий рубеж наш был под Острогожском. А в районе Острогожска стала формироваться 5-я танковая армия, и мы формировались там вплоть до июля. Я попал в 181-ю танковую бригаду 18-го танкового корпуса. Уже совсем другие люди и все такое. Я получил «тридцатьчетверку» – легких танков были единицы. Нас подняли 6 июля по тревоге, и мы своим ходом пошли под Прохоровку.

Пришли туда. Исходные позиции для нового наступления

определило время. Под Прохоровкой есть населенный пункт Андреевка. Под этой Андреевкой у меня танк сгорел. Снаряд попал под ленивец в борт. Радист погиб, а механику оторвало ногу. Я выскочил в свой люк, заряжающий – в свой. Побежали вперед, а механик на лобовой броне лежит без сознания – половина в танке, половина снаружи. Выхватили его и скатились в ближайшую воронку. Дотемна в этой воронке просидели, а там бой страшущий – танк на танк лезет, вплотную стреляют, это невозможно вообще описать, что там творилось! Сумели подползти к нам санитары с лодочкой. Утащили механика.

Безлошадных в этом бою много осталось – танки погорели. Механиков, радистов, заряжающих на другие танки перевели, а нас, офицеров, человек сорок набралось. В основном командиров взводов. Многих отправили под Орел, где в это время воевала 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко – у него не хватало офицеров. Городишко там Васильевск, что ли… Попал я в 6-й гвардейский танковый корпус, командовал которым генерал Панфилов. Однофамилец героя Московской битвы.

Надо сказать, что до того, как я попал в армию Рыбалко, я воевал на линейных танках. И вот какая основная наша болячка во время войны? Большое начальство получит задачу. Они посидят, решат, что да как делать, но ведь нужно же решение довести до солдата, чтобы солдат тоже понял, куда он идет, что он делает и кто перед ним. А на это времени не хватало. Скажут, бывало: «Вот, видишь сухое дерево? Держись этого ориентира, туда пойдем». А какой противник перед тобой – не знаем.

А у Рыбалко я попал в разведбат. Я частенько командовал отдельным разведывательным дозором. Это три танка, два бронетранспортера, взвод автоматчиков и два-три мотоцикла для связи. Дозор уходил километров на 30–35 (а бывало и на все 50) от передового отряда бригады, который шел впереди главных сил корпуса. Мне давалась кодированная карта. Я имел представление об общей задаче не только бригады, но и корпуса. В таких условиях выполнять задачу было намного проще.

– Из каждой бригады выделялся разведдозор?

Да, а как же? Корпус идет двумя-тремя параллельными маршрутами. Но по главному направлению идет передовая бригада, вот с ней я держу связь и докладываю. У меня в руках карта, я вижу местность, у меня уже глаза открыты, а в линейном батальоне, по сути дела, мы «слепые» были.

Требовалось при обнаружении противника развернуться и принять бой. По рации немедленно сообщить начальнику штаба бригады, что достиг такого-то рубежа, встретил сопротивление

противника. Ну что такое 20–30 километров для танка? Буквально через 20–30 минут уже здесь! Передовой отряд подошел, вступил в бой, а там уже и главные силы корпуса подтянутся. Если наткнулись на какие-то сильные части, то тут уже начинается настоящая война, а нас посылают в обход – контролировать, не перебрасывает ли противник резервы. Так действовали во время наступления. Если наткнулись и дальше противник не пускает, встали в оборону, а командование зачастую не знает, что за противник, какие силы, на кого наткнулись. И наша задача: «Слезай, ребята, с танка, и вперед по-пластунски, «языка» давайте».

С этим корпусом я, по сути дела, дошел до Днепра, форсировал его, прошел через всю Украину. Подо Львовом меня тяжело ранило. И я попал в госпиталь в Башкирию, в Уфу. Ранило меня 4 марта 1944 года, а из госпиталя я вышел в 20-х числах июля, и то не полностью выздоровевший, но целый, а мог бы без руки остаться – раздробило восемь сантиметров костей. Долго пришлось лежать.

Как ранило? Шло наступление. Я командир отдельного разведывательного дозора. Мы идем по полевым дорогам наперерез противнику. Старались зайти к нему в тыл. Короче говоря, движемся мы к населенному пункту Ку́пель или Купе́ль – кто его знает, как правильно? На окраине населенного пункта сухой овраг, и через него деревянный мост перекинут. Останавливаемся – тихо все кругом, противника нет. Вылезли. Я пошел смотреть, в каком состоянии мост. Бронетранспортер-то прошел наш, выдержал, а я вижу, что мост танк не выдержит, а у меня их три штуки.

А буквально перейдешь на ту сторону оврага – уже начинаются хаты. Улица, будем говорить, уже начинается. Причем хаты почему-то по одной стороне, а по другой пусто – не было хат. В окно первой хаты постучался – женщина смотрит. Спрашиваю:

– Немцы у вас здесь есть?

– Видимо-невидимо, они по основной дороге идут.

Перед этим я уже дал сигнал, что «мы дошли до такого рубежа… положение такое, что пока что немцев не видим, но пойдем смотреть».

В центре села кирха польская. Рядом – захоронения, какие-то могилы. Кладбище, в общем. Вышли когда за могилки, смотрим, а по основной дороге действительно идут машины, повозки. Боевой техники не видим. Ну и решили наделать шороху. Вскочили: «Ура-а-а!!!» – и из автоматов стрельбу открыли. Колонна остановилась, немцы побросали все: и лошадей, и повозки, и

машины. За хаты на той стороне дороги забежали. Через некоторое время оттуда начали постреливать. И я прям видел, как немец высунулся из-за угла одной хаты и из карабина мне сюда, в руку, в плечевую кость. Ну я брыкнулся, конечно.

Ну и покамест меня перевязывали, уже и передовой отряд подошел. Они не стали тут задерживаться, правее взяли, по лощине вышли на основную дорогу. Оказалось, что впереди проходила гряда высот, а немецкая дивизия шла строить на ней оборону. А мы оказались, по сути дела, в тылу этой дивизии. Там начался бой, а меня погрузили на трансмиссию «тридцатьчетверки», и в госпиталь в Большегородке, потом своим ходом в Славуту, в Житомир. Сделали операцию одну, потом повезли в Уфу.

После выписки я попал обратно в 18-й танковый корпус, но уже в тяжелый танковый полк прорыва номер 53. 21 машина в полку, разбитые на четыре роты, – это, конечно, пробивная сила. Так что войну я заканчивал уже на тяжелых танках, командиром роты. Дошел с ними через Румынию, Венгрию, Австрию почти до границы с Италией. Шестьдесят километров оставалось, когда нас остановили. Говорят: «Ребята, вы здорово раскатились. Хватит».

Освободили мы Киев и пошли на Житомир. А немец под Житомиром сосредоточил большие силы и нас начал пятить. Ну, и командование немедленно вызвало меня в штаб корпуса и говорит: «Вот так – надо «языка». Мы не знаем, с кем мы встретились». А встречались мы, как правило, с эсэсовскими танковыми дивизиями. Попадали мы против них часто.

Ну и пошли днем посмотреть, куда нам идти. Сплошного там фронта и не было. Вышли на нейтральную полосу, потом перешли на ихнюю территорию. Слева проходила лощинка с понижением, наверху на водоразделе – хаты, деревня, а за ней лесок. От каждого двора в лощину огороды спускаются. Уже время осеннее, это было в ноябре, ботва картофельная кучками в шахматном порядке лежит. По бугру, перпендикулярно нашему движению, идет дорога, по которой видно, как проходят немецкие войска. Решил дождаться ночи и пойти туда, на дорогу. А там посмотрим, может, посчастливится какого-нибудь мотоциклиста схватить или какую легковую машину.

В ночь мы пошли. Подобрались к этой дороге. На наше «счастье», идут танки, бронированные машины. Мы сидим у обочины в кустах. А попробуй из танка возьми – они сами не хотят идти! Так что мы несолоно хлебавши вернулись в эту ночь. Но «языка-то» надо. Начальство-то торопит. Панфилов – командир корпуса – уже на матерок: «Ну, вашу мать, ну какого-нибудь сопливого фрица приведите».

Решили мы на следующую ночь идти опять на дорогу. Идем тем же путем. Остается справа деревня эта, а в крайней хате, смотрим, свет горит! Стоп, бригада! Тут живые люди есть. Если наши – может, сориентируют. Приближаемся по огороду между кучами ботвы. Слышим: «Угумгум». Разговор немецкий! Видим, часовой стоит у хаты.

Хата была как устроена? Выход из сеней был на обе стороны, а вход в комнату – по центру. Как входишь – слева русская печка.

Мы расползлись, чтобы с двух сторон зайти. Я, помкомвзвода разведчиков из мотострелков и молодой парень Володька Морозов, как сейчас помню, он в разведку никогда не ходил, первый раз его взяли, такой деловой, толковый, с этой стороны, а трое человек (специально ребята были подобраны, которые могли снять втихаря любой пост) – с другой. Все потихоньку начали занимать позиции.

Этот Володька лежал, значит, вместе со всеми в одной цепи. Нервишки, что ли, у него не выдержали? Я еще сигнала не получил, что все расползлись по своим местам, а он вдруг вскакивает: «А, мать вашу перемать!» и шурух в окно гранату! Ну, тут уже делать нечего – некогда сигналов ждать. Мы кинулись к двери. Ребята заткнули часового. Я ворвался в сенцы с одной стороны, а сержант с другой, и мы у двери, ведущей в комнату, одновременно оказались. В это время из-за печки выстрелы, сержанта в руку ранило. Я за угол печки по инерции рванулся. Только завернул, а мне пистолет в лоб. Это доли секунды какие-то! Я успел подумать: «Ну все – отвоевался!» А в следующее мгновение мысль: «А что же он не стреляет?!» Я из руки пистолет вырвал и в карман себе сунул в куртку. На мне была немецкая куртка с капюшоном. Они у них двусторонние были: одна сторона – камуфляжная, другая – белая, на случай снега, с большими карманами.

Немцы как раз ужинать собирались, когда гранату к ним закинули. За столом их там 12 человек всего было. Раненые, кто сопит, кто храпит… добили… Человека три на печку взлезли, прижались там. Ну их и… Схватили этого здорового, под два метра, обер-ефрейтора, который оказался из дивизии «Адольф Гитлер», и давай, как говорится, руки в ноги – и к своим.

Привел в разведотдел корпуса. Сдал. А у немцев такая замашка – руки за спину, ноги шире плеч и стоит. Когда вошли в комнату, где начальник разведотдела сидел, как его начали спрашивать – он пошел говорить все. Так что, когда смерть заглянет в глаза, язык сам развязывается.

Вспомнил про пистолет, думаю, что ж он не стрелял?! Посмотрел, а у него «вальтер» бельгийский. И на оси

поворачивается флажковый предохранитель. Он первые три выстрела сделал, затвор не полностью отскочил назад. Предохранитель с легким ходом, видимо, он пальцем его задел, и он заскочил и перекосил затвор. Он жмет на крючок, а выстрела-то нет. На этом крючке повисла жизнь моя… Если бы не это, он бы мне башку снес. Потом я как реликвию носил этот пистолет с собой до конца войны.

– Ведя огонь по танку, нужно ли обязательно поджечь его?

Задача вывести танк из строя. Еще постараться и экипаж ликвидировать. В этом заключается вся тактика боя. Надо уничтожить противника! Надо сказать, что руководствовались мы простыми истинами: «Зачем вы к нам пришли? Мы вас сюда не звали, ребята. И если вам приходится туго, то мы тут ни при чем».

Конечно, все направлено на то, чтобы убить немца. И плакаты нас призывали, и Родина-мать тоже – «убей немца». Но в бою очень трудно разобраться, кто убил. Потому что стреляют-то многие: кто попал, от чьего снаряда танк загорелся немецкий?

Когда я раздавлю пушку танком, это понятно, что мой танк раздавил. Или немцы под гусеницами хрустят, покамест не пройдешь, – это же видно. Другой раз местность не позволяет определить – убил я кого или нет. В лесу ничего не видно. Бывает, спрашивают: «А сколько ты танков уничтожил? Сколько человек?»

Я сам про себя думаю: «Ну, наверное, человек 100 я отправил на тот свет». Но танков сколько – я сказать не могу.

Вот, например, такой эпизод был под Шепетовкой. Корпус еще стоит на месте на исходных позициях, а мы уже движемся вперед как разведывательный дозор. Подходим под прямым углом к дороге, мощенной булыжником. По-моему, Шепетовка – Тернополь. И только мы вышли к этой дороге, как замечаем, что слева стоят три брошенных БТР, забыл, как называются, у них сзади на гусеницах колеса, а спереди на резине… А по грунтовой дороге «Пантера» уматывает от нас – увидели, наверное. Конечно, сразу же команда: «Огонь!» Шарах ему по заднице! Он и фыкнул. Немцы повыскакивали. Их перестреляли. Все очень просто. Все очень быстро. Все разом стрельнули. Кто подбил? Так что не задавался я целью считать.

Если бы немцы победили, то, я уверен на 100 %, сейчас здесь ни единого русского слова бы не услышали.

– ДШК стоял у вас на танке?

Да, на «исах» стоял зенитный пулемет, но не припомню, чтоб

пользовались.

– Вам с особистами приходилось сталкиваться?

Каждый из нас знал, что в полку обязательно есть человек из особого отдела, у которого есть сеть осведомителей. Он с каждым из них работает, задачи ставит: «Вот ты там прислушивайся, а нет ли таких, которые болтают, чего не следует?» Но, откровенно говоря, каждый старался как можно подальше держаться от таких товарищей, которые нам совершенно не товарищи.

Нет, я, конечно, слышал, что существовали заградотряды, особенно когда отступала армия. Бежали ведь люди… Бежали почему? Потому что руководство, командование упускало из рук управление. И бежали, не зная, кто рядом с тобою бежит – может, командир полка или батальона, роты. Многие срывали с себя знаки отличия. Кому хочется умирать? И конечно, заградотряды задерживали таких, останавливали – а ну-ка давай в сторонку. И потом эти особисты их проверяли: кто, чего, откуда, из какой части. Связывались немедленно, у них своя, как говорится, картотека имелась. Но главным образом, такое было в начале войны – 41-й, 42-й, да еще и прихвачен 43-й год.

Ты, например, в полку представитель особого отдела. Твоя задача какая? Тебе выявлять нужно, что за человек, которому дают в руки оружие, а тем более – танк. Черт его знает, что от него можно ждать? Он перебьет экипаж ночью, порежет, пока спят, потом заведет и пошел на штаб. Как его остановить? За такое этого товарища к стенке поставят. А кому охота?

– Лично вы 227-й приказ «Ни шагу назад!» как восприняли?

Я лично никак не воспринял. Я ж на танке.

– На ваш взгляд, у «тридцатьчетверки» какие были сильные и слабые стороны?

Сильной стороной было то, что он не был перегружен электрикой. У него все было механизировано, рассчитано на человека. Если это наводчик, то у него под левой рукой механизм поворота башни, под правой рукой – механизм вертикальной наводки. Чем это хорошо? Это хорошо тем, что даже если в танк попал снаряд, то еще не значит, что выведена из строя вся система. «Тридцатьчетверка» была исключительно хороша. Тем более когда на нее поставили 85-миллиметровую пушку. Двигатель мощный, как спичечную коробку таскал танк. Коробка передач – ее «выбросить» – отвернуть несколько болтов. «Выбросил», на ее место поставил живую, и пожалуйста – танк

опять пошел.

– Опытный механик-водитель продлевал жизнь танку?

Очень даже правильно говоришь. Заряжающий, он ничего не видит. Командир взвода – роты смотрит, как его танки выдерживают направление, ведут бой, то есть он на другом сосредоточен. Наводчик, он в поле зрения прицела ищет, нет ли какой цели, которая не выявила себя до боя. А механик видит, куда танк идет, он должен выбирать местность такую, чтобы способствовать эффективной стрельбе наводчика и чтобы не подставиться под огонь противника. Если механик дурной, он вылезет на пупок или по гребню, по водоразделу пойдет: ясно, что он – мишень. Он своей жизнью и жизнью экипажа расплачивается.

– На «семидесятке» прицел вас устраивал?

На Т-70 можно было пройти с этим. А уже начиная с «тридцатьчетверки» можно было бы и получше. У немцев были цейсовские оптические прицелы. Мощные, с большой кратностью – не в пример нашим. У нас прицелы сначала были ни к черту.

– У вас в экипаже была взаимозаменяемость?

Я, командир танка, должен уметь и стрелять, и заряжать, и водить танк. То же самое должны делать и остальные члены экипажа, но беда была в том, что очень часто люди выходили из строя, экипажи менялись. Приходит молодой парень – его заново надо учить.

– Как кормили танкистов?

Было чего пожевать, но иной раз ничего и не было.

– Как местное население в Европе встречало?

А что им нас встречать? Мы когда Вену прошли и рванули туда, по Австрии, на Запад, так люди выходили, стояли по обочинам у дороги. Вот такие вот глаза! Немцы же говорили, что все – никакой Красной Армии уже нет, мы уже победили. Немцы же врали им все время. А тут идут такие громилы! Огромное количество машин и войск много. Ну как им еще воспринимать? Они языка не знают, мы его тоже не знаем! По сути дела, мы с ними не общались. Если какая-то тыловая часть где-то остановилась – это они там живут в населенном пункте несколько дней, может, недель, – там и с бабами, и все что хочешь можно было. Люди-то все живые. Например, в Румынии мы общались побольше, потому что Румыния вышла из войны раньше всех. Там

поспокойнее было. Мы в Бухарест когда вошли, так город вообще жил мирной жизнью. На тротуарах столики, пивные бары открытые. За столиками местные сидят, пивко глушат. Ну а где идут бои сильные – как мы можем общаться с населением, когда население, попрятавшись, где-то в подвалах сидит, дрожит. Как они могут к нам относиться? Ясно, что боятся, как бы жизнь не оборвалась.

– Помните тот день, когда о Победе узнали?

Мы в это время двигались уже к итальянской границе. Нам сказали: «Все, ребята, хватит. Приехали». Вот так мы узнали об окончании войны. Мы обратно вернулись в предместье Вены. Расположились как хозяева. В моем распоряжении была целая вилла. Я же командир роты – не хухры-мухры! Ну и ясно, что австрийцы все делали для того, чтобы угодить нам во всем, чтобы не обидели как-нибудь ненароком. Война кончилась для нас 8 мая, а 16-го меня вызвали в штаб полка и говорят:

– Поедешь в академию учиться?

– А че это такое за штука? С чем ее едят?

– Дурак, – говорят. – Академия!

– И где она? Объясните!

– В Москве.

– В Москве? Я столько дома не был! Мать и отца не видел! Поеду. А насчет академии потом посмотрим, что дальше делать.

Тот «вальтер» в саквояже у меня лежал, спрятанный. Думал, с собою увезу. Глупость, конечно, не нужно было даже думать об этом. На границе в купе пришел капитан в зеленой фуражке, с ним два солдата с автоматами, а мы сидим и «керосиним». Молодые все, едем на родину. Он спрашивает:

– Товарищи, все оружие, у кого есть, сдайте.

Я так подумал, ведь не поверит, что у нас нет ничего, скажет: «Откройте». Начнет шмонать, увидит пистолет, и тогда доеду ли я до дому? Приказы-то были строгие тогда, не то что сейчас. Говорю:

– Ладно, на хрен, возьми его.

Он отвечает:

– Ну ты не обижайся, ты пойми – оружие, оно один раз само стреляет. Вот ты приедешь домой, а там какая-то кампашка – выпили, зашухарили, и ты кого-нибудь застрелил. Начнут разматывать этот клубок и до меня дойдут, а я при чем тут? Логично? Логично.

– Как боролись с фаустниками?

Это очень неприятная штука. Особенно когда в Будапеште

воевали и в Вене. Там немцы и со вторых, и с третьих этажей шуруют, и из подвалов. Очень много танков пожгли. Это очень сильное оружие.

– Наркомовские танкистам полагались?

Не знаю, кто тебе что говорил, но я еще был пацан, когда попал на фронт. Вкуса водки не знал и в рот ее не брал очень долго. Да, существовали наркомовские 100 грамм, которые давали перед обедом. И, конечно, были всякие. Взять хоть старшину, который получал, или тех, которые непосредственно в боях не участвовали, – они ясно, что позволяли себе всякое. Но, как говорят, что чуть ли не пьяные в атаку шли, такого никогда не было, и я никогда не видел. Это выдумка.

– Что вы чувствовали в бою?

На этот счет могу сказать, что сейчас очень много появилось так называемых «героев». Выдумывают они хрен знает чего. Другой раз слушаешь некоторых – он говорит, а сути-то дела не знает, и сразу видно, что человек выдумал. Такой вот вопрос ему зададут: «У-у-у, нет, мы ничего не боялись… тра-та-та, тра-та-та». Я считаю, что человек единожды рождается, ему жизнь дается один раз. И, конечно, нет таких людей, кто бы не боялся. Я утверждаю на сто процентов, что люди, которые ничего не боятся, это сумасшедшие!

Перед боем у каждого в башке мыслишка такая есть: «А вернусь ли я из боя?» Но это непосредственно перед боем, а когда пошли вперед, начался бой – там уже об этом думать некогда. Там уже вылетает из башки все. Все думки нацелены на то, что противник перед тобой и или он тебя, или ты его. Кто вперед?! Кто хитрей, кто опытней?!

А когда бой кончится, тут удовлетворение какое-то: «Я все-таки остался жив». Как там будет дальше – это там уже будет. Так что в бою мне некогда дрожать, потому что и так сознание подсказывает: «Ну если суждено тебе…»

На «исах» столько погибало пацанов, а из-за чего? Выстрелили – гильзу выбросило – она на пол упала. Зарядил вторым, а гильза по полу катается. И он забывает, что сейчас будет второй выстрел, нагибается убрать гильзу и попадает под откат. А что значит «под откат»? Головы не будет сразу! И сколько вот так говоришь, рассказываешь-показываешь, как это может быть: «Ни в коем случае не наклоняйся, если команду «заряжай» выполнил. Хрен с ней, с гильзой, – пускай она катается там, потом уберешь». Часто такие вещи бывали.

– Приходилось хоронить своих товарищей?

Конечно. Вот Витька в Рычковском, вместе в училище были. Он выглянул из люка, а в это время снайпер как раз в лоб ему и врезал. Завернули в плащ-палатку и похоронили. А сообщил ли штаб родным – этого мы не знаем. Или в Котельниково Николай Хлопотнюк погиб… По сути дела – как бой, так кого-нибудь не досчитываешься, а то и несколько человек сразу.

Вот у немцев под Россошкой на каждом здоровом кубе написано – Курт Пауэр такого года рождения, здесь вот захоронен. А у нас стоит какая-нибудь хреновина: «Здесь схоронено 33 человека». Кто они такие, откуда они?

Выдавали же медальоны с бумажечкой. Так солдаты их выбрасывали. У нас же как? Отправили парня на войну – ему повесили крестик: «Бог тебя будет хранить, а все остальное выбрасывай». И у меня никакого медальона не было.

– С союзниками встречались?

Мы освободили Вену и пошли в глубь Австрии, на запад. Идем по бетонной дороге. Никакой войны уже не видно, никто не стреляет – они поняли, что им капец. Справа от нас на горизонте маячит лесок какой-то. Шоссе идет прямо, потом поворачивает и через железобетонный хороший мост идет дальше. И вдруг из этого лесочка выходят танки. Штук десять. И ба-бах! – по нам открыли огонь. Ну, сразу команда: «К бою!» Мы, значит, с шоссе в боевую линию быстро развернулись и пошли на сближение. Ну а что значит 122-миллиметровая пушка? Шарах, шарах! – четыре факела сразу вспыхнуло. Они быстренько развернулись и в лес ушли, и больше мы их не видели. Ну а эти остались гореть. Мы обратно вернулись на шоссе. Уже собрались дальше двигаться, но тут команда «стой». Ну а раз остановили – что солдату надо? Покушать. Вылезли на башню – достали у кого что есть. Артиллерия и пехота – все запрудили дорогу и дальше никто не движется. Всех остановили. Сидим на башне, едим. Вдруг смотрю – капитан идет: обмундирование на нем с иголочки, сапожки начищены, а рядом с ним идет какой-то хренивanович – видим, что военный, а по форме понять не можем, кто такой. Оказывается, офицер американский. И этот капитан говорит: «Товарищи, освободите, пожалуйста, дорогу». Ну, мы танки к обочинам прижали. А вскоре бронетранспортер с турелью показался, сзади него два «Виллиса», в каждом – шофер за рулем и двое сзади, тоже с пулеметами. Прошли четыре легковых автомобиля, за ними опять два «Виллиса» и замыкающий бронетранспортер. И все подались на нашу сторону. Кто такие? Мы-то не знаем. Потом нам сказали, что проехал какой-то

генерал американский.

Когда мы ближе подтянулись к этому месту, где танки-то горели, – елки зеленые! М4 «Шерманы» – танки американские. Ну, мы их не рассматривали – на хрен они нам нужны. Горят и горят – пускай горят.

Нам дают команду, теперь идем не на запад, а идем на юг. И вот мы пошли к итальянской границе. В одном месте выкуривали эсэсовцев, которые там прятались. Там горы высокие и ущелья между ними, куда они загнали танки. И вот уже, когда наши сумели артиллерию на горы поднять, тогда их добили. С неделю мы там с ними копошились и двинулись дальше, но тут восьмое число.

– За «Шерманы» ни с кого не спросили?

Может быть, кто-то и разбирался, но нас в известность не ставили, мы ушли к итальянской границе.

– На танках какие-нибудь надписи делались?

Нет. На башне номер был. Кроме этого, были определенные опознавательные значки, например вот ромб такой трафаретный. Краской наносили: такая-то бригада, такой-то полк. Если кто-то приотстал, остальная колонна ушла, а надо найти, то саперы оставляют значки, вешки, и он по ним: «Ага. Наши пошли сюда-то. А вон туда пошли другие». Так, чтобы ему не плутать.

– Вы люк закрывали или держали открытым?

Люк закрывается на защелки с пружинами. Ну а тогда на заводах детали не особо качественно обрабатывали, он в заусенцах весь, и эту защелку другой раз открыть очень трудно. А представь себе – попал снаряд? Многие, когда горели, не могли открыть защелку, срывали к чертовой матери себе ногти. Когда горишь, вообще рассудок теряется. Что делать? Не хотел никто умирать просто так на дурнячках. Поскольку люк подпружинен торсионом, то, если его не зафиксировать, он будет в открытом положении. Чтобы этого не происходило, я брал ремень поясной, за рукоятку защелки зацеплял и держал его конец. Люк прикрыт, но не на защелке стоит. Его толкнул – он под действием торсиона и сам откроется.

– Как в Т-34 давали команды механику-водителю?

Когда все грохочет, то в ТПУ ничего не слышно. Ногами командовал. На правое плечо мехводу надавил – направо, на левое – налево. В спину толкнешь – вперед. По голове – стой.

– Вы отделяли себя от тыловой братии?

Все делали одно дело, но было и такое, что кто-то пристроился жить в тылу, а потом искал себя в списках награжденных. Поэтому, естественно, у тех, кто в бою все время, было такое, знаешь, чувство: «Мы воюем. Мы обеспечиваем победу. А они…» Но нужно понимать, что без «них» и мы бы не могли воевать. Тылы же обеспечивали нас всем. Они обязаны были подвезти горючее, боеприпасы и еду. Конечно, находились и такие, которые прикарманивали. Их к стенке ставили. Все было. Это жизнь людская.

– Как быт был организован, как спали в танке?

Когда мы воевали в теплое время – это одно, а зимой нас в степи поставят, и жди, когда немцы то ли придут, то ли не придут. Когда мы начинаем передвигаться – вот тут погреешься. На трансмиссию вылезешь, немножко там посидишь, турбиной погреешься. А так, когда и двигатель нельзя завести – это вообще хана. Вшей на нас в 42-м было много. Мы от них начали спасаться, когда под весну дело пошло, после боев под Ростовом. Там уже начали делать из бочек бензиновых вошебойки. А зимой мы их ловили на «удочку» – бинт чистый вокруг шеи обмотаешь, они все под него переползают, а потом выкидываешь. Они на морозе лопаются. Сколько крови, гады, повыпивали! Это теперь с улыбкой рассказывать можно, а тогда не до смеху было.

– Власовцев видели?

Да. В Румынии, когда Кишиневская операция началась. Там есть городишко Хуши, где основная немецкая армия была окружена. Серьезные бои были. Бои прошли, вроде немножечко обстановка разрядилась, а лес сосновый хороший, мачтовые сосны растут. Войска остановились. Смотрю, что это в лесу? Солдаты кучей собрались. Я подошел, а они стоят кругом – сидит на бруствере окопчика власовец в немецком обмундировании. Конечно, зло у каждого, каждому хочется самому его убить на хрен.

Он говорит:

– Ребят, ну дайте закурить.

Один ему говорит:

– Сука, сними ботинки!

А ботинки хорошие. Американского покроя, что ли… черт его знает. Он ботинки снял, а на ногах нашей русской вязки носки белые из шерсти.

– Снимай носки!

Снял. Дали ему прикурить, он свернул цигарку – покурил.

Сам слез в окопчик. На колени встал – его из автомата шарахнули. Вот так я видел власовца живого. Что власовцы воевали на стороне немцев против нас – это известно каждому. Вроде на вторых эшелонах воевали – второсортные войска, так будем говорить.

– Как вы отнеслись к появлению погон?

Воспринял как должное. Да надо прямо сказать, что все эти кубари и шпалы – странность какая-то. А это все-таки армия Российская.

– Из вашей семьи кто еще участвовал в войне?

Воевать начали четыре брата. Старший брат, Борис, служил на флоте. В Интернете есть фотография, на ней он со своим экипажем подводной лодки. Захватили транспорт немецкий, сняли штандарт и сфотографировались. Он в Черном море потопил много. Его именем назван корабль, а в Астрахани есть улица его имени.

Второй брат, Аркадий, 11-го года, на Западном фронте воевал. Тоже вернулся. Командовал пехотой. О нем я должен сказать прямо – не любил рассказывать о себе.

Один пропал без вести, а трое вернулись. Матери говорили: «Какая ты счастливая! Где можно мать в России найти, чтобы из четверых трое вернулись?»

– Как вы с женой познакомились?

С женой я познакомился в Румынии. Пришел к другу своему – он раненый в госпитале лежал. Перерыв небольшой был в боях, и я пришел наведаться к нему. Ну и ее там встретил. Она работала медсестрой. Этот госпиталь подчинялся 53-й армии, которой генерал Моногалов командовал. Когда война на Западе закончилась, ее армия ушла на Восток. Мы переписывались. Война кончилась здесь, я уже потом служил в Кирове, а письма писали. Вот она ко мне приехала, когда демобилизовалась. И началась семейная жизнь.

– О войне какие фильмы вы считаете правдивыми?

«Они сражались за Родину». Бондарчук действительно близко показал, с эмоциями. «На войне как на войне». А сейчас так, не поймешь.

– Какие у вас награды?

Медаль «За отвагу» – моя самая первая правительственная награда. Тогда, в 42-м году, не разбрасывались медалями.

Наградили за то, что тогда плацдарм раздавили и штаб того полка, что его оборонял. Бои за Рычковский, Верхнечирский. По совокупности меня представили к этой награде. Я ее считаю для себя самой-самой.

К ордену Ленина тоже представили, а дали «Отечественную» 1-й степени.

Разве я знал, что на меня что-то подали? Это после войны уже мне прислали копии. Ну дали орден, и спасибо. Мы же не за ордена воевали.

Букин Антон Дмитриевич

(Интервью Артема Драбкина)

Я, Букин Антон Дмитриевич, родился 14 января 19-го года. По происхождению сибиряк. В 39-м году был призван в армию на срочную службу. До призыва я успел окончить восемь классов и поступить на работу в гараж Новосибирского аэропорта. Практически два года служил на Дальнем Востоке, в городе

Уссурийск, в 48-й легкотанковой бригаде. Бригада была большая – около 60 танков.

Время было непростое. За несколько лет до нас в военном городке квартировала какая-то пехотная часть. В одну из казарм проникли китайские диверсанты и убили 250 человек. Заниматься приходилось рядом с их могилой. Недавно отгремели бои на Хасане и Халхин-Голе. Бригада принимала участие в боевых действиях у озера Хасан, и поэтому занятия включали в себя изучение реального боевого опыта. Служба в такой бригаде меня устраивала. К тому же пригодилась моя гражданская специальность – электромеханик, как и водительские права. Я стал механиком-водителем танка. Надо сказать, что те два года службы – это не просто часть моей жизни. Проходя курс механика-водителя колесно-гусеничного танка БТ-7, я окунулся в конструкцию танка, его возможности, его необыкновенную мощь и скорость. Я его, что называется, полюбил в полном смысле этого слова. Когда я водил эту машину, мощнейшую боевую единицу, которая могла маневрировать и вести огонь, было ощущение, что при встрече с противником тому не устоять!

До демобилизации оставалось полгода, и я уже настроился ехать домой, когда пришел приказ командования перевести меня в ремонтно-восстановительный батальон. Когда перевели туда, сразу пришло сержантское звание, и я уже возглавлял небольшое подразделение, которое называлось там «Подразделение по производству спецработ». Ремонт электрооборудования, сварка, всевозможные ремонты агрегатов. И хотя жизнь потекла не так, как мне бы хотелось, было осознание, что я здесь нужен. Через полтора года военной жизни я считал себя человеком, готовым стать защитником Родины. Вскоре меня и еще нескольких сержантов, которые по дисциплине и знаниям выделялись в лучшую сторону, собрали на курсы подготовки младших командиров. После их окончания мне присвоили звание «техник-лейтенант». Это уже человек, который способен ответственно решать вопросы технического состояния танка и уметь его восстанавливать, если это потребуется.

В октябре 1941-го бригада, к тому времени переформированная в 117-й танковый полк, в составе 58-й танковой дивизии в срочном порядке была погружена в эшелоны. Через 15 дней мы уже разгружались под Москвой, в городе Клин. В составе 16-й армии мы пошли в наступление. Первые встречи с противником были довольно удачными. Потом нас передали в 30-ю армию. Начали отступать. Дивизия должна была нанести контрудар по противнику, который наступал на Москву. Все хорошо было подготовлено, однако дивизия задачу свою не

выполнила. Не учли рельеф местности. Мало того, в конце ноября были открыты шлюзы на многих реках, в результате чего поймы были затоплены. И получилось так, что дивизия выстроилась в боевых порядках, должна была нанести удар, а речки-то в это время оказались с высокой водой. Танки БТ-7 страдали тем, что у них была гладкая гусеница. Они не могли подняться по гладкой замерзшей земле. Часть танков прорвалась, но многие остались вот в этих речушках. Это был страшный удар по репутации дивизии. Командир дивизии не выдержал. Я не знаю точно, но, говорят, он застрелился. Дивизию расформировали и на ее основе сделали бригаду. Только в апреле 1942-го нас вывели на переформировку. Получили танки Т-34 сталинградского завода.

– Как вас кормили?

Пока были на Дальнем Востоке и до Москвы – можно было кушать, и вкусно кушать, и полно кушать. Пока ехали, не испытывали проблем с питанием, бывало, правда, не хватало времени получить свою порцию. Остановки были такие короткие. Только крикнут: «Получить питание», пока побежишь, пока получишь, а поезд уже тронулся. И потом, в танке всегда что-то было, какие-то запасы. Одеты мы были по-человечески, понимаете, и валенки у нас были, и шубы – все у нас было. А вот пехота… Как ее кормили? Как ее одевали? Можно говорить, что это было издевательство.

– Наркомовские 100 грамм выдавали? Регулярно?

Давали, конечно, но я бы не сказал, что регулярно.

Весной 1942 года бригада участвовала в наступлении на Харьков. Мы подошли почти вплотную к городу. Считали, что через день-два его возьмем. Надо сказать, что бои были серьезные, и в бригаде к моменту немецкого контрудара оставалось 3–5 танков. Мы передали танки другим бригадам и отошли в тыл, а буквально на следующий день немцы перешли в контрнаступление, и три армии оказались в окружении. Бригада без техники, на машинах в начале июля отправилась на формировку в Саратов. Когда немец вышел к Дону, нас погрузили на два эшелона и направили на фронт, на Сталинградскую эпопею. В районе станции Петров Вал на эшелон зашел одиночный самолет-разведчик и сбросил две бомбы. Попал «удачно». Одна бомба угодила в паровоз, а вторая упала рядом с платформой, на которой стоял танк командира бригады. К несчастью, командир бригады и командир танка находились на платформе и их убило. Что делать? Понятно, что сейчас прилетят их бомбардировщики и нас добьют. Решили разгружаться. А как

это сделаешь в чистом поле? Спасло нас то, что дорога была проложена в скором порядке. Шпалы клались прямо на выровненный грунт, так что высота платформ была невелика. Танки разворачивались и «спрыгивали» с платформ, а машины мы принимали практически на руки. Разгрузились довольно быстро и без потерь. Рассредоточились. Вскоре прилетело шесть или восемь немецких бомбардировщиков, но нас в степи не нашли.

Шли вдоль Волги и к концу августа вышли в район Сталинграда. Бригада вошла в состав 66-й армии. За сентябрь и октябрь были три серьезных попытки пробиться к 62-й армии. В этих боях бригада практически полностью израсходовала весь свой боевой состав, т. е. танки. Почему так получилось? Во-первых, сопротивление немцев было очень серьезным. Во-вторых, в этих боях была такая особенность. Стояла жара. Пыль от взрывов снарядов была такой плотной, что в двух метрах даже трудно было человека различить. Механики-водители вели с открытыми люками, но там местность сильно изрезана балками, и при такой плохой видимости упасть в какую-нибудь яму ничего не стоит. Мы, техники, по ночам эти танки ставили на гусеницы, вытаскивали их из балок, приводили в порядок. Столько времени прошло, а те бои остались в памяти своими жуткими потерями. Нас регулярно пополняли, в том числе за счет танков разбитых соединений. Так что бригада оставалась на фронте практически до момента уничтожения Северной группировки 6-й армии Паулюса.

Мы шли вдоль Волги к Тракторному заводу. До него бригада не дошла совсем чуть-чуть, потому что танков у нас просто не осталось. Нас вывели из боев и отправили на формировку. Там нас переформировали в 259-й отдельный танковый полк. Получили положенные нам по штату 36 танков, но не с завода, а из училища, с пробегом. Это была мука! Они изношенные, требовали постоянного ремонта. По железной дороге нас перебросили в Елец, а оттуда своим ходом мы прошли больше 200 километров в сторону города Фатеж. Полк попал в распоряжение 70-й армии Центрального фронта.

Весна была поздняя, и в марте еще стояли двадцатиградусные морозы. Дороги замело. Боеприпасов и продовольствия стало не хватать. Так делали большие волокуши, на которые грузили по нескольку тонн грузов и танками их доставляли в войска.

Армия встала в оборону. Выстояли в Курской битве и погнали немца. Фронт наш Центральный переименовали в 1-й Белорусский. В его составе дошли до нашей границы, с преодолением Днепра в районе города Золотоноша. В конечном итоге полк прошел до Варшавы. Там была оперативная пауза для

подготовки войск. Танки мы получили новые и в составе 8-й гвардейской армии пошли по территории Польши. Двигались по Польше быстрее, чем немец пер в начале войны! За день проходили по 35–40 километров. Возмужало командование и, главное, исполнители – солдаты и офицеры, раз смогли с такой скоростью двигаться.

Полк выполнял задачи непосредственно поддержки пехоты. Это значит, что действие танкового полка целиком входило в общий план действий пехоты на том или ином участке боевых действий. Будет ли это прорыв или это оборона – все равно, танки среди пехоты. Мы не уходили в прорыв, как, допустим, танковые корпуса.

Подошли к Берлину. От Одера до города 90 километров. Бои были жестокие. Я не буду говорить о том, что там применяли прожектора. Большой роли они не сыграли. В дыму и пыли разрывов свет они давали слабый. Более того, на нашем участке их вообще не оказалось. С трудом взяли Зееловские высоты. Это серьезная штука – подъемы в 30 градусов. Пехота могла пройти, а танки – уже предел. Для того чтобы преодолеть эти высоты, нужны были дороги, а по ним не пройти – немцы их обороняют. Тем не менее прорвали три полосы обороны и вышли к Берлину. Штурм Берлина занял шесть-семь дней. Берлин – не просто какая-то точка. Это большая местность с каменными постройками, в которых сидели фаустники. Защиту от них мы не наваривали, хотя я думаю, что можно было бы заранее подготовиться и сделать фальшборта, которые защитили бы от поражения фаустпатроном.

До центра Берлина уже оставалось совсем немного – где-то три километра, когда путь полку преградил канал. Он был не широкий, метров тридцать всего, но одетый в гранит, с отвесными берегами. Мостов через канал практически не осталось, но в нашем распоряжении оказался Горбатый мост на Потсдамштрассе. Он был заминирован и пристрелян. Саперам удалось его разминировать. Но как его преодолеть? Мы обложили один танк дымовыми шашками. Мыслилось так – немцы растеряются на несколько десятков секунд и дадут танку проскочить. А танк дымом прикроет атакующую пехоту. Так и получилось. Зажгли шашки далеко до моста. Дым шел такой, что ничего видно не было. Поскольку шашки лежали начиная с середины башни, то экипаж мог и вести машину, и стрелять. Танк выскочил на площадь перед мостом и, страшно дымя, проскочил через мост. За дымом прошли пехотинцы. Вскоре Берлин пал. Я до сих пор помню, я себя чувствовал как будто на седьмом небе. Прошел всю войну от начала до конца. Два раза ранен, два раза

контужен. Тысячи раз мог бы быть убитым. Остался жив, здоров.

– К концу войны вы были заместителем командира полка по технической части. Какие в полку существовали технические подразделения, ремонтные подразделения, как они были оснащены?

В начале войны ремонтно-эвакуационных средств не хватало, а те, что имелись, были слабыми. Потом стало лучше. Появились летучки типа А и Б, которые могли делать и текущий, и средний ремонт. Но вот тягачи приходилось делать из танков, снимая с них башни. Штатных тягачей во время войны не хватало. Использовали трактора, но у них был такой недостаток – ночью на максимальных оборотах у него раскалялась выхлопная труба, и трактор превращался в отличную мишень.

Разумеется, ремонтно-технические возможности в таких небольших подразделениях, как танковый полк, были невелики – всего одна рота в сто человек. В период боевых действий в Берлине потери были очень большие. Честно говоря, за эти дни полк мог бы не дойти до финиша, до окончания боевых действий. Но по моей инициативе командир полка затребовал армейское усиление ремонтных подразделений. Армия выделила людей и технику, и буквально за пару дней 15 танков были восстановлены. Работали круглосуточно на энтузиазме!

– Вы ремонтировали, снимая запчасти с других танков, или запчасти поступали с заводов?

И то, и другое.

Полк пришел к исходу боя боеспособным. Разумеется, все были награждены. Я получил орден Отечественной войны 1-й степени.

Егоров Иван Викторович

(Интервью Ильи Вершинина)

Я родился в 1921 году в деревне Антоновка в Одесской области, недалеко от города Котовска. Раньше, до Октябрьской революции, этот город назывался Бирзула. Но после того, как в 1925 году там похоронили героя Гражданской войны Григория

Ивановича Котовского, город переименовали. В деревне я окончил семь классов. Надо бы идти учиться дальше, а у нас в деревне восьмого класса не было. Десятилетка была только в соседней деревне Ставрово, которая от нас находилась в семи километрах. Все же осенью пошел в школу. А зимой не очень-то будешь ходить семь километров туда и обратно. Пришлось там же нанимать жилье. До апреля месяца походил в школу, а потом мне отец и сказал: «Нечего учиться – ученых и так много. Иди в колхоз и работай!» Но я, хотя школу бросил, в колхоз не пошел, а поступил в железнодорожное училище в городе Котовске. Мне тогда всего 15 лет было! И окончил я это училище по специальности слесаря по ремонту вагонов и паровозов, по обслуживанию депо, короче говоря. В 1939-м началась Финская война. Нас, железнодорожников, в армию не брали, на нас бронь была. А в армии хотелось служить. Однажды прихожу на танцы, а девчонки говорят: «Тот, кто не служил в армии, он ненормальный, он чем-то болеет». И тогда я решил обратиться в комсомол, чтобы призваться в армию.

Мне там помогли, и призвали меня в мае 1940 года. Нас отправили служить на Дальний Восток. Когда собирали в военкомате, то предупредили: будете ехать до места назначения 27 суток. Я попал в 67-й отдельный железнодорожно-строительный батальон. Там, у Владивостока, находилось несколько железнодорожных подразделений, и каждое из них выполняло свои функции. Например, один батальон делал сборно-разборные домики, второй обслуживал железную дорогу КВЖД, наш батальон был строительным – строил мосты и железные дороги. Располагались мы в 15 километрах от Владивостока, на станции Угольная. Часть у нас была очень хорошая. Мы там, помню, даже имели подсобные хозяйства, свои лук и картошку выращивали, держали коров и свиней. Кстати, когда мы туда прибыли, нам поставили задачу до 30 мая построить участок новой железной дороги. В то время у нас не было землеройных машин. Лопата да тачка были нашей техникой. Каждый красноармеец должен был определенное количество грунта перевезти – 9 кубометров за смену. Наш участок железной дороги мы сдали 20 мая.

Но вот незадолго до начала войны, в феврале 1941 года, нас вдруг погрузили в эшелон и повезли на Западную Украину. Наша часть была введена в состав Киевского военного округа и расположилась недалеко от Львова, в семи километрах от границы. В лесу нам дали участок. Мы сами спилили часть леса, на пнях сделали себе нары, а сверху натянули зимнюю палатку. Палатка была крепкая: брезент снаружи и брезент внутри, длина

ее была десять метров, а ширина – метра три. Внутри поставили чугунную печку-буржуйку, которая у нас круглые сутки топилась. Там мы простояли до начала войны.

Обычно нас поднимали в 6 часов утра. А 22 июня 1941 года вдруг подняли в 4 часа, а затем объявили о том, что немцы на нас напали, бомбили Киев. Нас с этого лесного участка сняли и отвели на пять километров подальше, тоже в лес. При этом выдали боеприпасы и отдали приказ готовиться к боевым действиям. Там уже мы слушали по радио выступление Молотова. А ведь в этот же день недалеко от нас целые эшелоны с пшеницей наши в Германию повезли. Никто ведь не знал, что начнется война, хотя наши дипломаты и разведчики, которые служили за границей, докладывали Сталину о том, что уже в Польше на границе с Советским Союзом сконцентрировано большое количество войск, что не сегодня, так завтра начнется война. Больше того, у нас еще в феврале – марте 1941 года это чувствовалось, когда прямо у границы «уводили» наших часовых. Утверждалось, что это действовали немецкие разведчики. Поэтому мы вынуждены были усилить свое охранение, то есть выставлять посты так, чтобы у них была «зрительная связь» между часовыми. Наш лагерь уже в 17 часов подвергся первой бомбежке. Но нас там в тот момент уже не было – мы находились в 3–5 километрах от него в лесу.

В тот же день меня зачислили в особый отряд минеров-взрывников, который занимался тем, что минировал дороги, мосты и передний край. В эту группу отобрали 27 человек. И начали после этого с нами прямо на месте заниматься. Стали показывать и говорить: «Вот это наша мина, а вот это немецкая, что так-то их, мины, надо закладывать в землю, так-то их следует разминировать, так-то их надо ставить и с таким-то взрывателем – например верхним, боковым, донным». А мины, на которых нас обучали, были круглыми и чем-то походили на большую сковороду, на которой картошку жарят. Командиром, который нас всему этому обучал, был один старшина. Так он, когда вся эта учеба закончилась, нам сказал: «Будете минеры-взрывники!» Нам выдали машину-«полуторку» и отправили минировать на танкоопасных направлениях шоссейные дороги и железнодорожные мосты. Ну и, кроме того, занимались минированием заводов и аэродромов, когда велось отступление. В общем, что прикажут – то мы и должны были делать. Солдат есть солдат. Скажут ему яму копать – он и будет яму копать. Взрывали все эти объекты мы по приказу коменданта или командиров частей, которые отходили на новые оборонные позиции.

Помню, во Львове установили взрывчатку на сахарном заводе – небольшие толовые шашки, которые весили по 200 граммов. А приказа взрывать завод еще не поступило. Вот мы и ждем этого приказа. А когда приказ поступил, наш старшина-командир нам и говорит: «Ну что, теперь взрывать будем!» Взорвали мы этот сахарный завод. Потом стали ждать приказа, чтобы взрывать аэродромные постройки. А приказа все не было. И вдруг старшина нам сообщил: «Начальник штаба передал, что мы в окружении. Будем с окружения выходить. Сколько сможем, проедем, а там пойдем пешком на сборный пункт…» И вот мы были минерами-взрывниками до декабря 1941 года.

Разные моменты из того времени запомнились. Однажды, где-то на рубеже реки Прут, это было в самом начале войны, попали мы в окружение. Как сейчас помню, шесть суток не ели.

Запомнился такой эпизод. Лежим во ржи, противник поджег ее, а сверху, с самолетов, расстреливает нас из пулеметов… Из-за того, что мы покидали место последними, часто попадали в окружение. Нередко приходили на сборные пункты с большими потерями.

Потом, помню, уже перед самым Киевом, мы закладывали взрывчатку на железнодорожный мост. Надо его было взрывать. Опять ждем, когда поступит команда. Дождались до того, что с немецкой стороны пошел паровоз, который толкал платформу с пулеметом. Когда паровоз дошел до половины, старшина дернул за рычаг и мост взорвался.

Добрались до Киева, и там нам дали команду двигаться на Смоленск, где находился штаб нашего железнодорожного батальона. Мы, хотя и были группой взрывников, относились к батальону железнодорожников. Прибыли на место, и здесь было решено, что батальон останется на охране Смоленска, а взрывники будут заниматься своим делом. Прибегает, помню, адъютант командира нашего батальона, говорит: «А че вы здесь?» Тогда уже разговоры всякие пошли, что немецкие танки к Смоленску подходят. А мы не имеем права без приказа свой пост оставить. Потом подъехал начальник штаба нашего железнодорожного батальона. И приказал грузиться. Довезли нас до Вязьмы – от Смоленска недалеко.

И вот только под Вязьмой мы увидели настоящие противотанковые рвы и окопы полного профиля. Пока воевали, мы могли себе только ячейку сделать, чтобы спрятаться с ушами от противника, а чтобы делать глубокие полного профиля окопы – нам такими вещами некогда было заниматься. Тогда копать такие окопы, помню, мобилизовали молодежь от 10 до 19 лет. Их месяца два-три обучали рытью окопов где-то в тылу, а потом

привозили прямо в штатском на передовую. И они копали. Но тогда думали, что немец далеко не пойдет. А он, как оказалось, прошел всю Украину, Белоруссию, Прибалтику.

Наши войска сдали немцам Смоленск, потом нас здорово потрепали под Вязьмой. Мы начали делать драп-марш оттуда. В итоге дошли почти до самой Москвы. Там была небольшая речушка, ее ширина была, может быть, метров 15–20, не больше. Так получилось, что мы расположились на этой стороне реки, а немцы – на той. И тут наши офицеры говорят: «Завтра будет немец артподготовку проводить 2 часа 40 минут где-то. Он уже к параду в Москве готовится…» Ну мы продолжали стоять у реки и с немцами перестреливаться. Вечером нас стояло у реки человек пятьдесят, утром – где-то десять.

Нас отвели чуть назад. И вдруг мимо стали проезжать наши кавалеристы. Мы стали среди них своих земляков искать.

Я спрашиваю:

– Кто с Украины?

Один молодой солдат кричит:

– Якой там Украина? Меня соринкой поймали, в милицию-военкомат привезли и иди, говорят, защищай Москву.

Этих кавалеристов посадили на неподготовленных лошадей. У этого вояки, который со мной заговорил, лошадь оказалась без седла, а у самого у него ноги были длинные – он чуть ли не до земли своими пятками доставал. Вдруг к нам подъехали три какие-то странные машины. На «горбу» была какая-то арматура, все прикрыто брезентом. Смотрю: выходит лейтенант с эмблемой автомобильных войск, а с ним – какой-то полковник. Ну не будешь же среди офицеров спрашивать земляков, стыдно да и боязно как-то. Спрашиваю своих офицеров:

– Что это?

А те отвечают:

– А это пекарня. Завтра хлебом будут вас кормить.

Но какая там, подумал я, пекарня, когда у машин одни офицеры? Как оказалось, это были первые боевые машины «катюши».

После того как немцев под Москвой остановили, началось наступление наших войск. Наши кавалеристы их преследовали. В основном, конечно, нам помогла тогда суровая зима. Ведь немцы абсолютно были не подготовлены к ней: у них не было зимней смазки ни на оружие, ни на танки, ни на машины. Не было у них и зимнего топлива. В общем, побросали они технику. А потом мы стали гнать немцев до самой Вязьмы. И там, как оказалось, надолго застряли. Можно сказать, на целых полгода.

Из нашего железнодорожного батальона остались единицы.

Мы приступили к восстановлению разрушенного и продвигались за наступающими на Смоленск нашими воинскими частями.

В июле 1942 года, когда от всей нашей части осталось процентов, может быть, десятка три, нас собрали где-то 18 человек бывших солдат-железнодорожников и сказали: «Пошлем вас учиться на танкистов в Саратов!» Один офицер сопровождал нас до Саратова. Но, когда туда наша группа прибыла, оказалось, что к приему мы опоздали. Нам сказали: «Саратовское танковое училище, летное училище и училище связи переехали в Ульяновск». И нас прямым ходом отправили на Сталинградский фронт. В то время это была самая горячая точка. Доложили о нашем прибытии самому командующему 62-й армией генералу Чуйкову. Тот пришел, посмотрел на нас, на солдатиков, и сказал: «О-о-о-о, у них шинели подожженные, они порохом пахнут. Мы их в бой не пустим, а пошлем учиться на офицеров».

Посадили нас на какую-то баржу и повезли в Ульяновск. Прибыли мы туда в начале августа, по-моему. Нас там должны были зачислить в 1-е Ульяновское гвардейское танковое училище имени Ленина. Но сразу не зачислили – ждали, пока местная молодежь кончит 8—10-е классы, чтобы взять их добровольцами в училище. А пока они учились, нас отправляли работать на подсобные хозяйства. Мы там помогали местному населению грузить ящики с картошкой и помидорами. Также грузили и арбузы. Рвали и кидали их женщины. Так нам это было интересно: не сегодня, так завтра убьют, а тут хоть на бабьи ножки посмотришь.

Начальником училища был Кошуба. Он был без правой ноги – ее ему еще на Финской войне по ранению ампутировали. Он нам и сказал: «Шесть месяцев курсы – и опять на фронт». И вот мы за эти шесть месяцев изучали в училище около пяти марок наших машин – танки Т-26, БТ-5, БТ-7, Т-34 и КВ. Обучались по специальности механик-водитель и командир танка. Меня сделали командиром отделения. Молодежь нас, старых фронтовиков, уважала. Но учеба затянулась. Мы уже заканчивали учебу, когда на вооружение поступили тяжелые танки ИС-2, нас на этих новых танковых машинах стали переучивать. Сдали мы экзамены и закончили эти курсы где-то 27–28 декабря 1943 года. Нам присвоили звания младших лейтенантов, дали по звездочке и назначили кого командиром танка, кого – механиком-водителем. Но мы еще не знали, какие именно танки нам дадут. Приехали в Челябинск получать машины и видим – отдельные танковые батальоны и полки получают танки и уезжают. А жили и спали мы тогда в одном большом ангаре на трехъярусных нарах. Если шинель или сапоги снял, утром встанешь – ни шинели, ни

сапог не будет. Все это воровали, а на местном рынке бабки какие-то перепродавали. Нас ведь одевали во все новое.

Пришли мы получать технику, а нам говорят: «Они получают КВ с ремонта, они получают Т-34, а вы будете получать новые танки ИС-2 – Иосиф Сталин!» И мы поехали за танками под Москву. Там нас продержали в очереди 10–12 часов, мы получили танки и поехали прямо на Калининский фронт. Я был зачислен во 2-й гвардейский тяжелый танковый полк. Это был полк прорыва, который имел по 21 машине и подчинялся непосредственно Ставке Верховного главнокомандования.

Воевали мы сначала в Калининской области, потом – в Псковской области и в Белоруссии. Надо сказать, в Белоруссии дороги были не ахти какими хорошими – по ним могли ездить только колесные машины, а уж танкам, как говорят, нечего было и делать. А у нас все-таки мощные машины ИС-2 были. И если танк Т-34 имел 76-миллиметровую пушку и весил 25 тонн, то ИС-2 имел больше запас боеприпасов, двойное горючее и весил все 50 тонн. И, в отличие от Т-34, он мог пройти только по грунтовой дороге или по шоссе, а если чуть с дороги сворачивал – сразу начинались проблемы.

Однако делать было нечего, мы продолжили дальше воевать… Прошли и освободили всю Белоруссию, помню, еще при взятии Минска маршал Баграмян нас посылал в наступление. Потом вошли в Латвию, освободили ее – вошли в Литву, освободили Литву – в направлении Валга-Валка вступили в Эстонию и там дошли до Тарту. Под Ригой во время разведки боем я получил ранение. За этот бой моему экипажу обещали дать звание Героя, но наградили меня только орденом Отечественной войны. Хотя ранение было тяжелым, лечился я в Латвии во фронтовом, а не в тыловом госпитале. Отлежался там четыре месяца. Наш полк получил новые машины и пошел в Восточную Пруссию, но потом остался добивать курляндскую группировку противника. А мне присвоили звание лейтенанта и назначили командиром танкового взвода. Участвовал в боях под Либавой и Тукумсом. Места для езды были не очень хорошими, местность была лесисто-болотистая. Войну я окончил в звании старшего лейтенанта.

– Расскажите поподробнее о разведке боем, за которую ваш экипаж к званию Героя Советского Союза представляли.

Ну, в разведку боем меня послали в сентябре 1944 года перед взятием Риги. Вернее, не меня, а три наших танка ИС-2. Я впереди ехал. На каждый танк посадили по 10 человек пехоты в качестве охранения. Главная задача была поставлена следующая: доехать

до моста и удержать его, не дать его немцам взорвать. Наши войска шли на Ригу, пытались прорвать там оборону немцев, однако у моста были остановлены огнем немецких танков, которые там были закопаны. Сложность заключалась еще и в том, что нам были неизвестны как численность, так и расположение противника. И вот меня вызвал командир полка и отдал приказ – выдвинуться вперед и разведать обстановку. Вернее сказать, послать решили сначала не меня, а командира соседней танковой роты капитана Макарова. Его на должность командира роты недавно назначили, а до этого он служил преподавателем тактики в каком-то танковом училище. Он говорит: «Я пятнадцать лет преподавал тактику. А в танке я не сидел и даже не знаю, как экипажу команды подавать». Тогда командир полка его отстранил от должности за отказ от выполнения боевого задания, а вместо него послал меня. Так вот, когда я вернулся и спросил в части, где капитан Макаров, мне сказали, что он погиб. Оказывается, он пошел в кусты облегчиться и наступил на мину. Не успел и брюки надеть, как его убило.

Что запомнилось во время того танкового рейда? Отправился я на выполнение боевого задания с тремя танками, а доехал до моста всего одним. Я проскочил, а остальных или подбили, или уничтожили. Но я откуда это знал? Задачу я поставил своему водителю такую: ехать с максимальной скоростью, какую позволяет дорога. На второй скорости – так на второй, на третьей – так на третьей, а то и на самой первой. А первая скорость у тяжелого танка – это 12 километров в час. Подъезжаю к мосту, открываю командирский люк и вижу – с этой стороны реки две немецких часовых будочки стоят. Я понял, что сразу стрелять немцы не могут – они должны разобраться, чей это танк, советский или ихний. Потом я заметил, что на другой стороне моста через реку стоит двухэтажный особняк. Из этого особняка начали выскакивать люди. На большинстве из них были фуражки. Ну я сразу и подумал, что это штаб или бригады, или дивизии, или армии. Потому что рядовые у немцев, как и у нас, ходили в пилотках, а в фуражках с кокардами – только офицеры.

И тут вдруг наводчик мне докладывает:

– Командир, слева самоходка выходит!

Она около особняка вышла, это было на расстоянии где-то 50 метров от нас.

Я ему:

– Ну-ка, давай бронебойным по этой самоходке.

Он сделал выстрел, и самоходка задымилась. Время пошло.

Через какое-то время наводчик снова сообщает:

– Командир, от стога сена танк выходит.

– Ну-ка давай по нему.

После того как мы выстрелили по этому танку, он тоже загорелся.

Прошло некоторое время, наводчик вновь докладывает:

– Командир, заклинило башню!

У нас башня была на электромоторе, ее не нужно было вручную крутить – для этого было достаточно только нажать на одну кнопку. И вот башню заклинило. Тогда я даю команду механику-водителю:

– Миша, давай включай заднюю, и метров на пятьдесят в сторону кустарника. Нужно сменить позицию, раз они засекли нас.

Но раз башню заклинило, не попадешь ни в какие танки и самоходки, что справа и слева находятся. Тогда я даю команду водителю, чтоб корпусом поворачивался.

Когда мы отъехали, я, чтобы сориентироваться в обстановке, открыл командирский люк и высунулся наружу. А перед этим сделал такую проверку – взял танкошлем и высунул его в люк, но не просто, а то подниму его, то опущу. Опасность все-таки была, мало ли снайпер где-нибудь поблизости работает? Но снайпера не оказалось, и я высунулся на пару минут сориентироваться, что и как. И только я успел опуститься обратно, как немец с фаустпатрона в борт ударил. Наводчика и радиста сразу убило. А мне осколок брони попал в шею, войдя глубоко, примерно на два сантиметра, в тело. У других-то танков на башне сплав был довольно-таки мягким, а у нас сталь была как стекло, кинешь камушек – дает трещину в нескольких местах.

В общем, я выбрался из танка. Никого из моих десяти пехотинцев, которые были наверху, уже не было. Наводчика и радиста убило, заряжающий молдавский еврей Абрам тоже куда-то делся. Только механик-водитель и остался! Я ему говорю:

– Иван, включай заднюю, давай потихоньку назад.

Я еще не понял, что ранен. И тут вдруг почувствовал, что кровь бежит, мне становится плохо. Пошел я к кустарнику и там так и остался. Думаю: «Как же так? Было десять человек пехотинцев. Где они? Должен же заряжающий быть! А никого нет». Достал санитарно-перевязочный пакет. Только успел разломать бумагу, как бежит заряжающий Абрам.

– Командир! – кричит. – Да вы ранены!

– Да, – говорю, – так вот поэтому я и достаю пакет. Сейчас меня перевяжешь.

А у нас, у танкистов, были прикреплены к пуговицам шлемофона специальные ларингофоны. Так он мне этот ларингофон бинтом к шее примотал. Через какое-то время

говорит:

– Командир, три немца бегут в нашем направлении.

– У тебя же автомат?

– Автомат не стреляет.

– Врешь!

Я взял автомат, а у него произошло утыкание патрона. Я устранил задержку и дал очередь по немцам. Они сменили направление – если до этого шли прямо на нас, то теперь стали обходить правее, но не стали по нам ни стрелять, ни делать еще что-либо.

За нами должны были двигаться наши части, но, видимо, они встретили упорное сопротивление немцев и к мосту продвинуться не смогли. Стало темнеть. Тогда я говорю заряжающему:

– Ну что, Абрам, видно, наши не скоро подойдут. Я не могу двигаться – крови много потерял. Оставляешь меня здесь, а сам пойдешь и сообщишь нашим, что я здесь нахожусь. Пистолет у меня есть.

– А я не знаю, как идти.

– Как не знаешь?! – говорю ему. – Вот следы танка. По ним иди.

В общем, этот Абрам вышел к своим, нашел командира полка и доложил, что так-то и так-то, раненого Егорова оставил недалеко от моста. Об этом уже потом во всех подробностях мне стало известно. Командир его спросил:

– А где оставил?

– Да километра полтора-два.

Командир дал команду взять носилки, взять еще двух человек, найти меня и принести в часть. Но к утру они вернулись, так меня и не найдя. В итоге посчитали мертвым.

Я полежал несколько часов и решил выбираться самостоятельно. Как начну двигаться – кружится голова, временами уплывает сознание, наваливаются сон и усталость. Соображаю, что если усну, то мне конец! Прижмусь к сырой земле – немного легчает. Обстановка – хуже некуда. Когда до своих осталось метров триста, вижу, что кто-то ползет прямо ко мне. Автомат незнакомца направлен в мою сторону. Я решил его окликнуть. У меня был пистолет, рядом лежали две гранаты. Думаю: «Если немец – у меня на чеке гранаты палец, в случае чего взрываю его и себя!»

Я негромко крикнул:

– Кто ты такой?!

Он промолчал. На второй раз ответил:

– Я русский разведчик!

– А почему один?

– Ребята сзади. Я когда тебя заметил, дернул за веревку, дал им знак, что впереди препятствие.

А я тогда был в черном комбинезоне и в черном шлеме, не разберешь, то ли свой, то ли немец.

Я спросил его:

– Воды нет? Пить хочется.

Он позвал разведчиков, они принесли флягу и дали мне попить. Потом он послал своего бойца к командиру полка. Тот второй раз послал с носилками за мной этого Абрама. Меня нашли, принесли, доставили в медсанбат. Командир полка мне сказал:

– Я послал представление на весь экипаж на звание Героя. Не знаю, что дадут. Задание выполнено, и жить будете.

Но вместо звания Героя Советского Союза мне дали орден Отечественной войны 1-й степени. День 15 сентября 1944 года я считаю своим вторым рождением. Кстати, пока я там лежал, на меня успели и похоронку домой послать.

– А какими боевыми наградами вы были еще награждены?

У меня всего три ордена Отечественной войны. Последний, правда, давали уже всем. Когда некому было давать. А первая моя награда, я ее получил в самом начале войны, когда мы отступали, – медаль «За боевые заслуги». Есть еще у меня медали «За оборону Москвы» и «За оборону Киева». Ну а остальные – юбилейные награды.

– На фронте часто происходили награждения?

Это зависело от того, как и куда тебя пошлют, как на это посмотрит начальство. Если удачно выполнял задание, тебя награждали.

– Как и где вас застало окончание войны?

Война закончилась 8 мая, а уже 9-го в Германии собрали консилиум наших, англичан и немцев, ну тех, кто принимал участие в разгроме фашизма, кто против нацистов воевал, и на нем объявили, что решено праздновать День Победы 9 мая. Но я узнал о конце войны 8 мая. Тогда мы добивали курляндскую группировку под Тукумсом, и я сидел в своем танке. Включил радиостанцию и вдруг услышал: «Конец войне! Немцы сдались!» Я переключился на внутреннее устройство к своим ребятам, к наводчику и механику, и говорю:

– Гришка! Конец войне!

Один из них говорит:

– Командир, ты что, во сне видел?

– Нет, не во сне, – говорю им, – сейчас передали. Сейчас я вас переключу на радио, и вы тоже послушаете. – Тогда у нас как бы спаренный телефон был, тумблер был настроен на командира, механика-водителя и наводчика.

А потом в честь такого праздника делали салют во всех частях. Стреляли холостыми со всех видов оружия: из автоматов, из пулеметов, из пушек. Ну а как не радоваться такому событию? Четыре с половиной года ведь шла война. И вдруг – конец войне! Мы сами этому не верили.

Ну а потом, 9-го числа, нас на эшелонах привезли в Ленинград на Парад Победы. Мы проехались на танках по улицам города и, как потом выяснилось, всю канализацию в городе испортили. Нас проехала не одна машина, а двадцать одна!

– Что можете сказать об особистах на фронте?

Сталкиваться с ними, конечно же, приходилось. Расскажу об одном из запомнившихся случаев. Это было в Белоруссии. Мы пошли в бой. Перед этим нам поставили такую задачу: пробить первую позицию немцев. Первая позиция находилась от нас примерно в пяти километрах. Впереди шли танки Т-34. Нам было приказано идти следом за ними, в 100–200 метрах от них, и наблюдать за тем, кто мешает им продвигаться, ну и действовать по обстановке. А немец там использовал против наших танков противотанковые капониры: закопали свои танки, весь корпус, в том числе и гусеницу, и оставляли только башни. Когда наши «тридцатьчетверки» туда подошли, немцы подожгли первых две машины. Потом подошли мы, стрельнули из танка, и башни не стало – остался один корпус, который был закопан в землю. После этого стали продвигаться, пропустили танковую армию. Все было нормально. И вдруг у меня на танке «звездочку» наполовину срезало. А «звездочкой» мы называли заднее ведущее колесо, на которое цепь гусеницы накручивается. И вдруг это колесо срезало по сварке. Ко мне уже подъехала техническая бригада. И в этот момент подъехал работник СМЕРШа и закричал:

– Почему стоишь?!

– Почему? – сказал ему. – Видите, гусеницу некому крутить. Звездочку срезало.

Он возмутился:

– А я откуда знаю ваши звездочки?

– Ну вот – посмотрите, – объясняю ему, – стоят люди, стоит техника. Мы вызвали сварку. Сейчас сварка звездочку заварит, и мы опять пойдем догонять свою часть.

– У вашего экипажа был личный счет?

У нас на танке восемь звездочек было нарисовано за каждый подбитый танк. Больше того, за каждый подбитый танк нашему экипажу начисляли 1000 рублей. Но на руки мы этих денег не получали, а сдавали на строительство новых танков и самолетов. Так что они проходили только по бумагам. А били танки при самых разных обстоятельствах. Помню, когда проходили один населенный пункт под Гомелем, немецкий танк прошел боком всего на расстоянии 800 метров от нашего танка. Механик-водитель его заметил, быстро доложил, я дал команду наводчику, и мы одним выстрелом его подбили.

– Какое у вас, как у танкистов, было обмундирование на фронте?

Ну что у нас было? Погоны, гимнастерка, брюки-галифе, сапоги хромовые и яловые.

– Что можете сказать о танках ИС-2?

Говорят, немцы очень боялись этих танков. Что еще сказать? Пушка у них была эффективная. С удобствами на ИС-2 было все нормально: было свободно, командир находился около своего люка, наводчик – около второго, а между ними сидел заряжающий. Единственное, что было для нас, как танкистов, на нем плохо, так это то, что у него мало было снарядов – всего 28. У Т-34 все-таки 105 снарядов было. Но у него пушка – 76-миллиметровая, поэтому выстрел был унитарным, то есть снаряд был воткнут в гильзу. А на ИС-2 все было по-другому – гильза шла отдельно, снаряд также отдельно. Длина гильзы составляла 85 сантиметров, а длина снаряда – 40 сантиметров. Так что в этом отношении удобства мало было. А так у нас в танке был вентилятор. В случае чего, если образовалось много дыму, мы его включали, и все становилось нормально. Было два противогаза. А еще в зимнее время кабина танка отапливалась керогазами. Бывало, иной раз варежку забудешь и высунешься из люка – так кожа прилипает к железу. А в самом танке тепло.

Но у нас примерно и с ИС-2, и с Т-34 равновесие с немцами было. Там успех дела зависел от того, кто первым успеет заметить и выстрелить. Так было в любых боях танков против танков. Часто у нас практиковалось и такое – закапывали танк в капонире. У каждого танка был определенный сектор обстрела. Допустим, мой от березы и до столба, у соседнего танка – другой сектор. Часто сектора обстрелов заходили друг на друга.

Еще часто по радио переговаривались. Бывало, я соединюсь с соседним танком и говорю с его командиром:

– Коля, как дела у тебя?

Тот отвечает:

– Пока ничего не вижу.

Вдруг слева показываются два танка. Мы уже по радио договариваемся, кто по первому будет стрелять, а кто – по второму. Один раз стреляешь – и все, танк подбит. Второго выстрела делать уже не надо.

– На каких-нибудь танках, кроме ИС-2, вы ездили во время войны?

Только на Т-34.

– Получали ли вы танки от союзников по ленд-лизу?

Нет, мы их видели только на альбомных картинках.

– Гусеница спадала у танков?

Часто спадала. Танк в таких случаях останавливается, а ты, значит, стоишь и смотришь, думаешь, сколько траков надо заменить.

– Как танки передвигались на марше?

Обычно танки шли в составе колонны. Если это было большое расстояние, то шли вместе с охраной слева и справа. Если находились в бою, то шли по линии в один ряд углом вперед. Но это во время наступления. Если же отступали – то шли в один ряд углом назад. Часто взаимодействовали с пехотой.

– Тактика у вас, когда вы воевали на ИС-2, чем-то отличалась?

Тактика была у нас такая, что сначала шли мы с артиллерией и пехотой, а потом для развития успеха пускали Т-34. Нам всегда ставили строго по карте задачу. Ведь танк ИС-2 тяжелый, по болотистой местности он ходил плохо. По шоссе он, конечно, проходил 26 километров в час, а по грунтовой дороге – всего 10–12 километров.

– Чем вы были вооружены?

Каждый член экипажа имел пистолет ТТ. Кроме того, в танке у нас было три пулемета: первый – ДШК, который стрелял по самолетам, 12-миллиметровый, он у командирского люка стоял, пулемет, который был в башне, и спаренный со 122-миллиметровой пушкой пулемет у наводчика.

– Случаи невыполнения боевых заданий у вас бывали?

Нет. Задания мы полностью и всегда выполняли.

– Кто из ваших командиров во время войны вам запомнился?

Помню, у нас командиром роты был Петровский. Он еще на Финской воевал. Но у нас он пробыл недолго.

– Как складывались отношения у вас в части?

Нормальными были отношения. Танковый экипаж – это же как одна семья. Команда у нас в экипаже была такая: два офицера – водитель и командир (неважно, командир это танка или командир танкового взвода), потом наводчик, радист, заряжающий, но это были уже сержанты.

– Как к Сталину во время войны относились?

К Сталину нормально относились. Говорили: «За Сталина, за Ленина, вперед, ура!»

– Отношение к немцам каким именно было?

А как к врагам относятся, так и относились: с презрением, как к противникам.

– Потери несли часто?

Танки все время подбивали, несли и потери.

– Наших убитых танкистов как хоронили?

Ну почести погибшим были какими у нас? Давали салют из винтовок.

– Немцы бомбили вас?

У нас этого почти не было. Местность была такая. Но бывало и такое, что, когда мы ехали на железнодорожных платформах, начинали нас бомбить.

– Насколько я знаю, после окончания войны вы много лет прослужили в армии. Расскажите поподробнее, где и как вы служили.

Когда окончилась война, нас из Ленинградского военного округа переправили в Эстонию, в город Кейла, что в 30 километрах от Таллина. Там нам поставили ангар, где наш 2-й гвардейский танковый полк расположился. Но к нам в этом месте присоединили еще один полк – танково-самоходный. У него на вооружении были самоходки СУ-76, они были вооружены 76-миллиметровыми пушками, покрыты были брезентом и чем-то

походили на мотоцикл с коляской. В 1945 году я в Кейла начал служить, а в 1946-м написал заявление, чтобы меня уволили с армии. Тогда из армии увольняли инженеров и специалистов и отправляли на восстановление городов, заводов, фабрик, где они были нужнее, а нас, железнодорожников, увольняли как-то не очень. И вдруг всех нас, кто хотел уволиться с армии, вызывает к себе на беседу командующий Ленинградским военным округом генерал Лучинский. Он мне и говорит:

– Ну что, надоела служба в армии?

– Да не надоела, а у меня специальность есть – железнодорожник, слесарь по ремонту вагонов и паровозов.

– А что, – говорит он, – полковник, которому осталось полтора года служить, согласен у тумбочки стоять, лишь бы до 25 лет дослужиться. А вы такой молодой, да у вас такие данные, хотите, чтоб вас уволили. Нет, езжайте в свою часть и служите.

В общем, вернулся я в свою часть, и там меня сделали чуть ли не «козлом отпущения». Я танки водил хорошо и стрелять умел не хуже. И вот у нас начинаются дивизионные тактические учения, стрельбы, вождение. Ну, и из меня сделали показуху. Я был командиром роты тогда. У нас было шесть кадрированных рот – в каждой были командир роты, командиры взводов и механик-водитель, а остальные – роты резервисторв. Было и четыре линейных роты. Занятия по вождению проводил один генерал. Он, помню, сказал так: «Учить танкистов должны сами командиры. Они должны увидеть, как сами офицеры умеют водить».

Ну вот, мы и начали так ездить: сначала я, как командир роты, потом – командиры взводов и затем – механик-водитель. А водить нужно было танки по соответствующим препятствиям. А препятствием был такой бетонный валик высотой в три метра. Заставляли нас проезжать и утюжить солдат через противотанковый ров, то есть проезжать выше их голов. Это, оказывается, так приучали наших солдат, чтобы они, пехота, не боялись танков. Окопы были полного профиля, и солдаты, кто на коленках, кто на корточках, от наших машин прятались. Так нам давали такое задание – когда подъезжали к этим траншеям, должны были поворачивать влево-вправо, чтобы этих солдат песком засыпать. Кто был хитрее, успевал, как только танк на траншею въезжал, отойти влево или вправо. А кто не успевал быстро сообразить – того засыпало песком. Потом, когда все заканчивалось, мы помогали этих солдат раскапывать и вытаскивать из земли.

Ну а потом, в 1952 году, меня отправили служить в Германию, пять лет прослужил, затем меня направили в Эстонию,

в Нарвский военкомат. Там я в 1958 году уволился из армии уже в звании майора.

– Как сложилась ваша жизнь после армии?

Уволился я с армии, поступил работать на Нарвскую мебельную фабрику, в отделение диван-кроватей цеха мягкой мебели. Начинал обыкновенным учеником-обойщиком с окладом в 300 рублей (в старых деньгах). Через месяц сдал экзамен и стал работать обойщиком. Но потом подвело здоровье, и я стал мастером ОТК работать. На пенсию ушел в 1981 году. На фабрике меня на два года избирали председателем профкома, был председателем парторганизации, также избирался народным заседателем в городском суде.

Тверской Аркадий Борисович

(Интервью Артема Драбкина)

Я родился 7 апреля 1918 года в Киеве. Отец был рабочим, стеклодувом. Мать – домашняя хозяйка. В семье я был девятым, последним ребенком. Мой самый старший брат, Яков Борисович, участвовал в Гражданской войне, воевал в Первой конной армии.

Второй брат, Семен, погиб в войну. Третий брат работал в исполкоме, в армию не взяли, он воевал в Афганистане с басмачами. Четвертый брат, Матвей, воевал стрелком на штурмовике, был сбит, ранен. С войны приехал без ноги. Пожил немного и умер. В семье у меня еще четыре сестры было, но они на фронте не были.

В Киеве я пошел в школу и проучился там пять лет, после чего брат забрал меня в Москву.

В Москве я учился в 29-й школе БОНО (Бауманский отдел народного образования), сейчас в этом здании находится кардиологический центр. Проучился я там года три-четыре, а потом мать забрала меня обратно в Киев.

– Как жилось перед войной? Голод 1933 года Киева коснулся?

Не было такого. В деревне, может, и был голод, но в Киеве его не было. Нам по карточкам давали ржавую селедку, патоку, мама пекла свой хлеб.

– Перед войной было три вещи, которые свидетельствовали о достатке: велосипед, часы, радиоприемник.

Часы были, приемник был. Велосипеда не было.

В Киеве я проучился до 1938 года. В этом же году меня призвали в армию. Попал я в учебный танковый батальон 34-й легкотанковой бригады, которая стояла в городе Наро-Фоминске, под Москвой.

Год учился в батальоне на механика-водителя БТ-7. Изучали матчасть, вождение. Нас здорово обучали! Во время Великой Отечественной войны к нам приходили люди, которые не знали, как держать винтовку, а мы и танки водили, и мотоциклы. Мотоцикл был большой – М-600 с пулеметом Дегтярева на руле. На нем было трудно ездить, но ничего, научились. Я на нем даже на Первомайском параде участвовал. Была большая теоретическая подготовка, ну и, кроме того, политподготовка.

– Когда учились в разведывательном батальоне, вас учили ездить на колесах?

Нет. Мы только на гусеницах ездили.

После окончания учебы меня направили в 224-й разведывательный батальон. В августе 1939 года был такой случай. Нам приказали всю технику раскрыть, а самим выйти на плац. Оказалось, в это время прилетел на самолете Риббентроп, заключать договор с Москвой.

Вскоре нас направили на латышскую границу, а оттуда на финскую. Мы, когда на фронт ехали, были уверены, что уничтожим финнов за 5 дней. Уничтожим финнов, и все – война закончена! 30 ноября мы перешли в наступление.

– Помните ваш экипаж, с которым пошли воевать?

Помню. Командиром был Погребняк, а заряжающим Володька Буянов.

Довольно быстро мы прошли первые несколько километров, но Финляндия – это страна лесов, озер и болот, там танкам нечего было делать. Там была только одна дорога, построенная англичанами, и вдоль дороги были кюветы. Мы до этой дороги прошли, а потом натолкнулись на надолбы. Свернуть ни вправо, ни влево нельзя – лес, болота. Против нас в основном воевали шюцкоровцы, по-нашему сказать – кулаки, которые имели свои делянки в лесу. Они были все вооружены автоматами «Суоми».

Мы заняли поселок Сами, пошли вперед и в районе Леметти попали в окружение. Наша 34-я легкая танковая бригада, во главе с командиром бригады комбригом Кондратьевым, была придана 18-й стрелковой дивизии. Финны нас отрезали и окружили. Наш батальон сражался в районе Митро. Танки пришлось закопать и использовать в качестве неподвижных огневых точек. Наша задача – держать рубеж, помогать пехоте. Особенно мы ничего не могли сделать, да и пехота ничего не могла там сделать. В лесу должны воевать лыжники.

Финны атаковали мало. Они считали, что мороз их союзник. Они хорошо были одеты. Мы, танкисты, тоже одеты были хорошо – все же не пехотинцы. У нас были полушубки, сапоги, валенки, а вот пехотинцы мучилась – они были обуты в ботинки с обмотками, на головах буденовки. На Финской много солдат, особенно пехотинцев, погибло от обморожения ног.

Финны тяжелого вооружения не имели, основное у них были станковые пулеметы. Так они сделают два-три выстрела, солдаты с дороги в кювет бегут, а там замерзшее болото. Под тяжестью людей лед проламывался, ноги мокрые. Через несколько часов уже обмороженные.

В окружении, когда еще была еда, мы алюминиевые ложки заменили деревянными, потому что когда подносишь ложку ко рту, она примерзает к губам. В конце января есть стало нечего. Съели все, что было, – сначала фураж (в 18-й дивизии лошади были), потом стали есть лошадей, а когда съели лошадей, то стали вываривать лошадиные шкуры, когда и они кончились, вообще питались чем попало. Нам пытались сбросить еду с самолетов, но чаще всего она попадала в руки финнов.

Никакой гигиены не было, бань не было. Чего у нас было много – это вшей, причем почему-то больше всего их было у майора медицинской службы. Мы говорили: «Вон идет вшивый майор, остерегайтесь».

В окружении я, в сущности, выполнял задачи рядового стрелка. Дежурил в танках, ходил в разведку. Но в основном наша задача была сделать коридор, чтобы пехотинцы смогли уйти, а то, что мы там все легли бы, это командование в расчет не брало.

– У вас был антагонизм между вашей танковой бригадой и пехотой?

У нас антагонизма не было. Танковые части придаются пехоте, по долгу службы мы обязаны их обслуживать. Пехота была не подготовлена к бою, не одеты, не обуты. Очень много было новобранцев.

– Командир бригады и другие командиры насколько были способны управлять боем?

Кондратьев был героем испанских боев. Я был лично с ним знаком. Хорошо знал начальника политотдела. Знал и Смирнова, потому что он часто приходил смотреть материальную часть. Командирами они были хорошими. Когда мы поняли, что попали в хорошую ловушку, мы 18-ю дивизию проклинали. Если бы не она, мы бы получше жили, у нас в бригаде спайка лучше была.

– Как воспринималось попадание в окружение?

Пока снабжение было, относились к этому нормально. Но когда провизия кончилась, даже лошадиные шкуры кончились, началось брожение. Говорили, нас бросили, мы все здесь погибнем, что мы никому не нужны. Паники не было, но были упаднические настроения. Тем не менее дисциплина была на уровне. Командиры и политработники к нам относились как к товарищам, и мы к ним тоже. Мы ожидали, что они нас выведут, но не удалось. Командир бригады посылает запрос: «Помогите, мы подыхаем голодной смертью», – а ни ответа, ни привета, он и застрелился. А за ним и другие последовали, даже особист капитан Доронин… Мы, когда ходили мимо него, боялись его больше, чем командира бригады, а тут он застрелился. Во время выхода из окружения был тяжело ранен и застрелился командир нашего батальона Шевченко, начальник штаба полковник Н.И. Смирнов, начальник политотдела. У нас столько командиров застрелилось – думали, что все равно погибнут. Не здесь, так в Москве расстреляют.

– Когда начали строить землянки?

В начале января. Мы поняли, что без землянок погибнем. Во-первых, надо куда-то девать раненых, надо кухню содержать, радист чтобы где-то сидел. Обогревали их маленькими кострами, над которыми вытряхивали свои гимнастерки. По всей землянке треск от вшей стоял! Ноги грели. Помню даже, у одного сапоги загорелись. Для освещения жгли телеграфный провод в смолистой обмотке.

– Какое ваше отношение к финнам?

С первого дня плохое. Была злость, хотелось им мстить за наших погибших бойцов. Надо сказать, что финнов мы почти не видели – они в лесу, на деревьях сидели, стреляли. Но звери были, иногда хуже немцев. Они варварски уничтожали раненых. Был один случай. Взяли раненого финна в плен, ему сестра перевязку делала, а он ухитрился выхватить у нее скальпель и ударить ей в живот. И еще был случай, когда финны взяли нашу медсестру в плен, привязали ее за ноги к молодым березам и разорвали.

Надо сказать, финны имели маленькое преимущество перед 18-й дивизией. Эта дивизия была больше чем наполовину укомплектована карелами, которые не знали русского языка. Мы их тоже не понимали. Так, финны, пока мы в окружение не попали, подъезжали к нашим кухням, подставляли котелок, им наливали щи с салом. Они отъезжали метров на пятьдесят и начинали по нашей кухне из своего «Суоми» стрелять. Кругом лес, разрывная пуля попадала в дерево, взрывалась, и не поймешь, откуда стреляют.

– Вы чувствовали моральное превосходство финнов над вами?

Мы чувствовали их уверенность.

– Что можете сказать про финскую пропаганду?

Все время требовали, чтобы мы сдались. И в рупор кричали, и прокламации бросали: «Сдайся, русский! Не верьте коммунистам. Мы вас всех пощадим». Мы рвали листовки – все это казалось неправдой, но некоторые верили и, наверное, перебегали, но я не видел.

– Наши пленные к вам обращались через громкоговоритель?

Финны в плен не брали, они всех уничтожали. Если даже кто попадал к финнам в плен, так мы знали, что его убьют.

– Убитых хоронили?

Под снег клали, так можно сказать. Сил не было лопату держать. Клали под снег… Жуткая вещь – Финская война. Мы не были к ней готовы. Наше руководство даже не подумало о том, зачем пускать танки на Карельский перешеек, когда там леса, болота и озера? Там нечего было делать танкам.

Наш 224-й разведывательный батальон прикрывал отход 18-й дивизии.

17 февраля я был ранен в руку осколком. Нас, раненых, собралось около двадцати человек. Мы поняли, что ничего больше не сможем сделать, что там бесполезны, сказали ребятам, что будем только мешать, и пошли. Поначалу командовал нами лейтенант, но он умер по дороге.

Шли обычно ночью, наугад. Брали ориентир и шли, не сворачивая. Решили так, что дорога куда-нибудь да выведет: или к финнам, или к нашим. Настроение было ужасное. Некоторые говорили, что нас все равно расстреляют. Другие говорили, что лучше идти по одному, а то если финны увидят целую группу, то уничтожат. Нам повезло – с финнами мы не столкнулись, хотя несколько раз финскую речь слышали и приходилось сворачивать с дороги, обходить. Где-то через неделю мы вышли на берег Ладожского озера. Тут уже полегче стало, а то приходилось идти по задницу в снегу, еле ноги вытаскивали. Питались чем попало: даже сырое мясо павших лошадей ели. Тут холод помогал. Один раз нашли сумку с провизией, которую кто-то потерял. Дней через одиннадцать-двенадцать мы, оставшиеся в живых человек пятнадцать, вышли к своим. Вышли с оружием – у меня, как и у всех танкистов, в валенке был «наган».

Первые несколько дней нас кормили по чайной ложке. Сразу много есть нельзя – будет заворот кишок. Потом нас поодиночке допросили особисты. Они потребовали, чтобы мы ничего никому не рассказывали, ни слова не говорили о том, что были в окружении, как там питались. Говорить, что все у нас было хорошо, вышли как раненые. Угрожали, что в противном случае нас посадят. Они очень боялись, что мы скажем правду. Все время говорили одно и то же: «Никакого голода, никакого окружения у вас не было».

Через несколько дней меня эвакуировали во Владимир. Там меня положили в госпиталь, а по излечении дали 10 суток отпуска.

Я вернулся в Московский военный округ, в 229-й танковый полк, который стоял в Сычевке Калининской области. Что интересно, когда я прибыл в 229-й полк, ко мне подошел

заместитель командира полка полковник Волошин, говорит:

– Ты где, Тверской, родился? Это очень редкая фамилия.

– Я родился в Киеве.

– Ты меня не знаешь? Я твой двоюродный брат.

Из Сычевки через три месяца полк перевели в Гомель. А вскоре меня демобилизовали. Нас, участников Финской войны, в полку было несколько человек, и всех демобилизовали раньше срока. По-видимому, был приказ…

Я не знаю, чтобы за Финскую кого-то наградили. Свою первую награду, медаль «За отвагу», я получил за Великую Отечественную войну. В первый же месяц.

Из Гомеля я приехал в Москву и пошел в райком партии на прием к секретарю Новикову. Он меня спросил:

– Что скажешь?

– Хочу устроиться на работу.

– Что умеешь делать?

– Был на комсомольской работе, воевал.

– Ладно. Пойдешь в Министерство печати.

Пришел туда. На меня в отделе кадров посмотрели:

– Нам нужен директор типографии. Пойдешь?

– Не знаю.

– Ты коммунист?

– Да, я в партию в 1939 году в армии вступил.

– Значит, пойдешь.

Поработал несколько дней. Смотрю – мои работники что напечатают, то тащат домой. Думаю: «Тут тюрьмой пахнет».

Уволился из типографии, пошел опять в райком партии к тому же Новикову, он мне и сказал:

– Есть хорошая работа на военном заводе. Там директором партизан Купач. Иди к нему.

Я пришел к нему.

– Пойдешь работать в кадры, а потом мы тебя сделаем секретарем комсомольской организации.

Я поработал месяц в кадрах, а потом меня избрали секретарем комсомольской организации завода. Поскольку завод был военный, то мне сразу оформили броню.

– В 1941 году было ощущение, что война скоро начнется?

Было. Я работал на оборонном заводе, и мы получили заказ на производство оружия. В конце 1940 года, в ноябре, наш завод получил мобилизационный план. О том, что будет война, знали.

– Вы лично готовились? Закупали продукты?

Нет. Верили в то, что война будет быстрая и мы победим.

На заводе я работал до июня месяца, до начала войны. Когда началась война, был колоссальный патриотический подъем. Я такого подъема больше никогда не видел: «Где моя шапка. Я забросаю немцев!»

Вскоре вышел призыв к коммунистам города Москвы: «Коммунисты, на фронт!» Я записался в коммунистический батальон Сталинского района Москвы. Мне говорили: «На какой хрен записался? У тебя же бронь». А я считал, что так надо. Нас направили на Северо-Западный фронт, где командовал Климент Ворошилов. Он нас всех принял, после чего весь наш батальон, как политбойцов, раскидали по 5–6 человек по ротам, для создания коммунистической прослойки.

Я попал к морякам. Там я увидел настоящих немцев, которые, не пригибаясь, ходили в атаку. Впечатление, конечно, тяжелое. Я понял, что это не такой немец, как мы думали.

Немцы воевали хорошо, были очень патриотично настроены. Если сравнивать боевые качества солдат финнов и немцев, то они друг друга стоили, но я считаю, что немцы были лучше подготовлены к войне. У меня все-таки фронтовой опыт был, я понял, что война продлится не один месяц. Шапками мы их не забросаем. А какое к нам пополнение приходило?! Они не знали, как держать и как заряжать винтовку! А какое обмундирование было?! Обмотки, буденовки… Я понял, что к войне не готовы. Первые мои бои были в Эстонии, потом мы отступали до Ленинграда. Я недолго воевал, в сентябре был тяжело ранен в предплечье, и меня на самолете вывезли из Ленинграда.

– Как воспринималось летнее отступление 1941 года?

Как создание плацдарма для будущей атаки. Заманиваем, чтобы потом разбить, чтобы нам потом помогла зима; дескать, финнам зима помогла, теперь и нам поможет.

Попал в госпиталь и там чуть не умер – у меня столбняк начался. Я выжил случайно… Хорошо запомнил врача, который мне жизнь спас, сделав спинно-мозговую пункцию. Он потом мне предлагал удалить осколки, но два осколка у меня так и остались. Меня и лечили очень хорошо, и заботились о раненых безукоризненно – шесть месяцев меня кормили с ложки. Я почти два года лежал в госпиталях во Владимире, Перми, Москве, и везде сестры работали безукоризненные. Выписали меня в конце 1942 года и демобилизовали. В начале 1943 года я вернулся в Москву: затемнение, карточки, люди худые, плохо одетые. А настроение было боевое, люди были сталинской закалки.

– Вы видели провод немецких пленных по Москве?

Да. Потом они и у меня работали. Отношение к ним было хорошее, тем более что пленные немцы хорошо работали, лучше наших. У них была дисциплина. Рядовой и в плену относился к старшим по званию, как в армии. Жалко было их, злобы к ним не было.

9 мая 1945 года встретил в Москве.

Захаров Андрей Васильевич

(Интервью Николая Чобану)

Родился я 30 мая 1925 года в поселке Рощинский Стерлитамакского района Башкирии. Сейчас он наверху, а в ту пору был внизу, в лесу. Всего десять дворов тогда было, а потом его вообще снесли.

У нас была обыкновенная крестьянская семья, родители да шесть человек детей: четыре брата и две сестры. Я был пятым по возрасту. Причем два брата и сестра были от первой жены отца, а мы от второй. Но всегда жили очень дружно.

– Как до войны жилось?

Хорошо. Отец рассказывал, что они всей деревней работали в Стерлитамаке у какого-то барина. Воевал он в империалистическую, был ранен в Карпатах в плечо. Вернулся домой, а тут революция, и все помещики сбежали за границу. Первая жена умерла, но в 1922 году он во второй раз женился, и они с мамой переехали в Асаву – была такая деревня на месте нынешнего Рощинского.

Голода 32-го года я не помню. И не помню, чтобы его кто-то вспоминал. Вот в 22-м голод случился гораздо страшнее. Моя мать из Абзянского района, это в горах. Они жили прямо в лесу, там даже хлеб не сеяли, только уголь заготавливали да сани с телегами делали на продажу. И в тот голод их три сестры из восьми оттуда пришли в Стерлитамак работать. Тут с отцом и познакомилась, поженились.

А перед войной колхоз уже встал на ноги, стали получать хорошие урожаи и уже столько зерна привозили на трудодни – завались. К тому же держали свиней, коров, лошадей, кур, овец, все в колхозе было. У каждого колхозника было по две коровы, теленок. Мы еще шесть овец держали, поросят. Так что у всех был полный двор скотины, а сейчас так все перевернули, мол, всегда голодали. Кто работал, никогда не голодал.

К тому же отец был и охотник, и рыбак. Рыбы сколько было в речке – уйма, а сейчас ничего нет… Зайцев была тьма, и он на них ставил петли. Принесет, мать ругается: «Куда ты их столько носишь?!» Так что жили хорошо.

– Сколько классов вы успели окончить до войны?

Как раз перед началом войны я в Михайловской школе с отличием закончил 7-й класс. Подумывал выучиться на учителя. Но тут началась война, и учиться мне больше не пришлось…

– Как вы узнали о ее начале?

Как раз шла уборка урожая, и мы все были в поле. Взрослые косили, а мы убирали хлеб. Там же и объявили, сразу крик… Вернулись в деревню, а там уже плач, крики мужиков, всех забирают… И потом с войны вернулись только двое раненых и я… А ведь с каждого двора забрали хоть по одному…

– Люди неудачи начала войны как-то обсуждали?

Конечно, разговоры такие велись, но мы же совсем молодые были, что мы тогда понимали? Правда, еще с 41-го года начали возвращаться первые раненые. Например, мой друг – Николай Киселев 1924 г. р. – призывался из Уфы, учился там, а на фронте наступил на мину и уже в 42-м калекой вернулся домой… Конечно, они что-то рассказывали.

– Эвакуированные в вашей деревне были?

Да, у нас в доме, например, жили три мужика, приехавшие с эвакуированным заводом с Украины. Со Славинска, что ли. Ведь от нашего дома до завода было километра четыре всего. Хорошие мужики, всегда помогали, чем могли, дровами особенно. Но когда при заводе выстроили бараки, они сразу ушли туда.

– Как изменилась жизнь с началом войны?

Мужиков-то всех забрали, поэтому я в МТС окончил курсы и стал работать в колхозе трактористом. Но летом 42-го в Карламан откуда-то эвакуировали оборудование сахарного завода и на его стройку с округи стали сгонять людей. И нас троих – двух девчонок и меня, от колхоза послали туда работать.

Работали разнорабочими. Землю копали под фундамент, вывозили. Очень тяжело пришлось, ведь никакой техники не было, все вручную копали… А кормили так: на день выдавали 400 граммов хлеба. Черный как грязь, аж страшно было есть его… Но работали, а что сделаешь, надо.

А осенью вдруг услышал, что уже начали призывать мой год. Но оттуда ведь никого не отпускали. Думаю, что же делать? Сказал девчонкам:

– Вы как хотите, а я ночью убегаю! Если хотите – пошли вместе, а нет, так я один уйду.

Они решились, и ночью мы втроем ушли. Жили мы в деревне Красный Яр у одной бабки и часа в три ночи ушли по полю в сторону Стерлитамака. Вышли к железной дороге и вдоль нее шли два дня. Прихожу домой.

– Какими судьбами?

– Убежал!

Спрятался на огороде и предупредил родителей, чтобы не говорили, что я дома. А через два дня приходит колхозный бригадир:

– Где ваш сын?

– Работает!

– Нет его там! Сбежал!

И вот так я прятался октябрь и ноябрь, но потом пришла повестка, и в декабре меня призвали.

В субботу мы с отцом только пришли из бани, как бригадир привез повестку. К тому времени они, наверное, уже отступились нас искать. Конечно, если бы поймали, сразу вернули бы, а так я все время дома сидел и никуда не ходил.

Мать начала плакать. Сестры пришли проводить. Напекли мне в дорогу лепешек, а утром уехали в Стерлитамак. У меня тут в городе и крестная жила, и хорошие друзья отца. Мы у них переночевали, а утром на поезд – и в Уфу. А из Уфы отправили в Алкино, в 14-ю окружную башкирскую снайперскую школу.

Всю зиму там проучились. Командирами были кадровые офицеры, ох они нас и помучили тогда. Ой-ой-ой как… А зимой прямо голодали. Кухня-то за три километра находилась, и оттуда еду приносил дежурный взвод. Но по дороге они из кастрюль самое густое себе в рот, а нам приносили воду и кусок мерзлого хлеба… Помню, как-то нас повезли за Уфу за луком. Обратно едем и жрем этот лук прямо так… Ну что это?! А когда картошку таскали со станции на кухню, то прямо сырую ее жрали… Поэтому ребята и по помойкам шастали, и все равно некоторые с голоду умирали, но нам же ничего не говорили.

Однажды мама пришла меня навестить. Она и еще две женщины пришли туда пешком. В землянке нам устроили свидание. Ну, покормили они нас, а дальше? Поэтому я маме сразу сказал:

– Не приходи больше! В такой мороз вы столько идете, зачем это нужно?!

– Так люди говорят, что вы голодаете!

– И сколько вы на себе принесете?! Так что не приходи больше, мне всего хватает!

И при всем при этом как же нас гоняли… Причем бездумно гоняли, ведь никто из наших командиров на фронте не был. Особенно усердствовал наш взводный – младший лейтенант Щенников, что ли. Зверюга, до того нас гонял, что потом рассказывали, что, когда их отправили на фронт, ребята его дорогой застрелили. За такую хорошую работу даже не смогли дотерпеть до фронта…

Представьте, умываться по утрам нас гоняли по пояс голыми! А попробуйте голым по-пластунски по глубокому снегу… Спрашивается, зачем в 30—40-градусный мороз так гонять?! А потом к нам командирами отделений назначили трех фронтовиков, и они как увидели, что Щенников нас так муштрует, то стали возмущаться. У нас командиром отделения стал Филатов – хороший мужик, попавший к нам после ранения. И когда выходили на полевые занятия, он приведет нас в лес и говорит:

– Ребята, вам это ничего на фронте не понадобится. Так что разводите костер и грейтесь!

Удивительно добрый был человек. Вот только он нас и спасал, а так гоняли страшно… Ночью по тревоге поднимали и гоняли в лес за десять километров. Там каждому дают по бревну: «Несите на кухню!» А если попадались маленькие, то по два давали. Так мы что придумали. Брали по два и дорогой одно выбрасывали, чтобы легче идти. Сил-то никаких нет…

– А непосредственно боевой подготовкой занимались?

В принципе хорошо учили: теория, маскировка и стрельба, стрельба, стрельба. У каждого была своя личная снайперская винтовка, и почти каждый день выводили на стрельбище. Стрелять мне нравилось, и я отлично стрелял, тут и разговору нет, но эта бесконечная стрельба зимой на стрельбище. В этот мороз в ботинках…

А весной 43-го приехал с инспекцией сам Ворошилов, и как посмотрел, каких солдат там готовят… Сразу устроил нагоняй кому надо, и нас стали кормить курсантским пайком. И компот стали выдавать, и масло, тут люди, конечно, сразу ожили. Но счастье наше продолжалось недолго: летом 43-го школу вдруг расформировали. Видно, не требовалось столько снайперов. Нас перебросили в Колтубановку, это уже Оренбургская область, и там меня определили в воздушно-десантные войска. Отправили в Белоруссию, в 19-ю бригаду ВДВ, и стали учить на механика-водителя БА-64. Это легковая машина, переделанная под броневик. У нее экипаж всего два человека – я внизу, а вверху стрелок-радист. Восемь прыжков успел сделать.

– Не боялись прыгать?

А куда денешься? Если сам не прыгнешь, то выбросят… Насмерть не бились, но один раз у меня основной парашют не раскрылся, так я на запасном приземлился. А одного маленького парнишку далеко-далеко ветром унесло.

Но вскоре эту бригаду тоже расформировали. На комиссии

мои документы посмотрели, увидели, что я тракторист, и записали меня механиком-водителем. Если не ошибаюсь, 126-я тяжелая танковая бригада прорыва РГК. Повезло, что на Т-34, а то ведь у нас были и тяжелые танки, и даже «Шерманы», но от них потом отказались. И наши гробы, а уж те еще хуже. Я сам видел, как они переворачивались. Ведь высокие, а траки узкие. Зато наши Т-34 и скоростные, и маневренные.

– Свой экипаж помните?

Командиром танка был ленинградец Петров. Шепетьев был, Гриша Морозов. Все дружные были, как одна семья. А по-другому никак! Но они были постарше меня, и боюсь, их давно нет в живых. И уже оттуда на фронт.

– Первый бой помните?

Запомнился, и еще как… Мы стояли в каком-то лесу на исходных. И к вечеру, мы и не ждали, не гадали, вышли подышать, и вдруг как начали нас обстреливать. Эти огромные сосны как начали падать, а мы стоим, не понимаем ничего…

Спрятались в танк, и тут одна сосна прямо на него грохнулась. Потом вылезли и вчетвером не могли ее стащить. Кое-как свалили. А главное, никто не понял, откуда по нам стреляли.

Наутро приходит командир взвода: «Все ребята, сегодня пойдем в бой!» Но когда пошли вперед, оказалось, что дороги заминированы, а на бездорожье половина танков застряла – распутица.

Помню, что форсировали Вислу и наступали на Данциг и Гдыню. Вот там пришлось тяжело. Как я там живой остался, даже не знаю… У нас в бригаде за два часа боя около сорока танков подбили… А там же в траншеях вода, они все мокрые, грязные, но здорово оборонялись. Но у нас уже было тотальное превосходство, в конце концов сломили их сопротивление. У нас рассказывали, что сам Рокоссовский приказал принести в термосах кашу, накормить первых пленных и отпустить. Чтобы они рассказали, что мы никого убивать не собираемся. И немцы как пошли, полная дорога… Один солдат подходит: «Ты откуда?» Тот молчит. Раз прикладом его: «Из Смоленской области…» Оказывается, большинство из них власовцы… Потом их выстроили чуть ли не дивизию и погнали по автостраде.

– Многие ветераны вспоминают, что власовцев в плен не брали. Прямо на месте расстреливали.

Я ни разу не видал, чтобы над пленными издевались или

убивали. Может, это в тылу бывало, а мы же впереди.

– Некоторые бывшие танкисты признаются, что зачастую пленных просто давили гусеницами.

Нет, только в бою давили. И один раз баб давили. В одном месте в Германии мы оказались на одной лесной дороге. С двух сторон огромные сосны, никуда не свернуть, а вся дорога забита беженцами. А нам же нужно срочно вперед, стоять там некогда было, и пришлось прямо по ним… Кто успел, убежал в лес, а кто нет, там и остались… Пыль столбом, какой-то пух летит, мука, но разве из танка что-то слышно?..

Но бои были очень жестокие. Первый наш танк сгорел – подбили по центру колес, но экипаж уцелел. На втором когда гусеницу подбили, мы выскочили. Ремонтники его осмотрели: «Ну, теперь его не скоро сделаешь!» Посадили на третий, но и его под Данцигом подбили. А однажды случилось попадание как раз в угол возле меня и ушло рикошетом. Но удар был сильный, мне аж уши заложило.

А в самом Данциге была каша, не поймешь кто где. Город постоянно бомбят и обстреливают, народ туды-сюды. И когда бои вроде утихли, нас расположили в предместье в одном поместье. И как-то мы решили сходить в город. Наш помпотех Чеботарев, я и другие ребята пошли по центральной улице, а она оказалась забита телами наших пленных. Горы людей, мы прямо по трупам шли… Их, видимо, гнали в порт, но когда поняли, что не успеют эвакуировать, с двух сторон улицы расстреляли… У них по карманам лежали записки с данными о себе, мы их собрали и сдали все в штаб.

Пришли в порт, идем по пирсу, смотрим, из подъезда дома выходят три женщины с саквояжами. Подходят к краю пирса и прямо на глазах у нас обертываются в одеяла и бросаются в воду. А там высота метра три. И две сразу утонули, а одна барахтается… Подбежали, смотрим на нее, тут ребята принесли деревянную лестницу, подали ей и еле уговорили выбраться, настолько нас боялась…

Пошли дальше, смотрим – пехотинцев куча. Может, и с батальон. Кто с каской, кто с чем, а из подъезда вроде как вода течет. Оказывается, внутри этих пятиэтажных домов огромные емкости со спиртом, и там, конечно, уже все открыто, все льется, все пьяные. Тоже было решили набрать спирта, но наш помпотех сразу сказал: «Нет! Быстро уходим, это добром не кончится!» И только отошли на квартал, смотрим, там пламя появилось, шум, крики, и как все взорвалось… Идем дальше, а там все взрывы, взрывы, да еще немцы с кораблей стали стрелять.

– И часто случались такие неоправданные потери?

А что вы хотите, пехота есть пехота. Там, конечно, больше потери… А мы хоть прикрыты от пуль, правда, мы свои танки называли «гроб с музыкой». У нас заряжающим был Иван Чеботарев из Оренбургской области. Такой блудный был парень, где угодно все мог достать. Но он был года с 18-го, так что мы против него дети были. И вот однажды он где-то нашел такое круглое, никелированное, вроде самовара с кнопками. Думали, гадали, что же это такое, а оказалось – музыка. Стали возить этот аппарат с собой, и чуть затишье, сразу включали. Поэтому с тех пор и повелось называть наш танк – «гроб с музыкой». Но как-то приходит командир взвода:

– Что это у вас там играет?

Показали.

– Все, я с собой заберу.

И все, больше мы аппарат и не видали. После Данцига стояли на Одере на переформировании. Получили новые танки, а потом нас перебросили на 2-й Белорусский фронт. Но мы пошли не на Берлин, а обошли его стороной, чтобы опередить американцев. Там, в 70 километрах от Берлина, и войну закончили.

– Как Победу праздновали?

Нам праздновать не пришлось, мы еще в боях были. Уже потом, числа 16-го или 17-го, праздновали. В лесу расстелили палатки: «Гуляйте, ребята!» Где-то в вагонах спирт нашли, натаскали его. Выпили, конечно. Но один до того обпился, что умер в бронетранспортере…

– Говорят, в конце войны было много таких случаев.

Мы слышали про них, но у нас это был единственный случай.

– А вообще часто выдавали «наркомовские» 100 граммов?

Не помню, чтобы выдавали. Если только сами доставали, то немного выпивали. Но это иногда только. И денег не выдавали. Уже после войны как-то выяснилось, что нам должны были выдавать по 600 рублей, но мы их ни разу не получали. Написали письмо в Подольск, и пришел ответ: «…во всех ведомостях есть ваша роспись о получении денег». Значит, эти начфины положили себе в карман…

– Как кормили?

В бригаде ВДВ кормили нормально. А под конец войны в основном уже сами себя кормили, потому что даже не знали, где

наша кухня. Под Данцигом был случай. Подъехала кухня, ждем, пока очередь подойдет, и тут Ивашкин, из Белоруссии, крикнул: «Ребята, разбегайтесь, граната!» У него в кармане лежала граната, и, видно, чека выпала. Все кинулись врассыпную, а он как схватился за карман, взрыв – и его пополам разорвало… Кухню пробило, все течет, но больше никого не убило.

Когда в Германии вошли в первый город, Иван Чеботарев где-то раздобыл концентрат. Нашли ведро, наварили каши. Потом вдруг кто-то откуда-то принес целый ящик каких-то конфет и маринованную курятину в стеклянных банках. Оказывается, он нашел в лесу какой-то большой хороший дом, в котором жил безногий немецкий генерал:

– Давай чего-нибудь пожрать!

– Идите в подвал и берите что хотите, только меня не трогайте!

Набрали и его не тронули.

Вообще, я вам скажу удивительное дело. В Германии, сколько мы бы ни ходили, нигде ни одного солдата не тронули. За два года моей службы там ни разу никого из наших не убили. Раз побежденные – подчиняются. Что надо – берите. Я там много где побывал и понял, что жили они хорошо. И что им у нас надо было – непонятно…

А вот поляки – это предатели! Мне кажется, это нехороший народ. Сегодня они с одним, завтра с другим. Как-то мы с ребятами, человек десять, сели в машину и поехали за Одер. Не помню уже зачем. Приехали в деревню, смотрим, а в одном огороде яблоня стоит. Яблок на ней полно, и все крупные. Ясное дело, решили набрать. Постучались, выходит полячка – поляки уже заняли брошенные немцами дома.

– Откройте ворота!

– Зачем это?

– Яблок нарвем!

– Не открою, это дом бургомистра! Он уехал, но сказал никого не пускать!

Тогда мы объехали дом и подогнали машину задом прямо под яблоню. На нас стала кидаться собака, так Кузьмин, маленький такой, мы его звали рязанский косопузик, застрелил эту овчарку. Плетеный стол стоял – раздавили. Тряхнули яблоню, и они посыпались прямо в кузов. И вдруг приходят три полицая с карабинами:

– Вы чего делаете?

– Ничего, яблоки рвем!

– А почему так по-варварски?!

И подают нам газету: «Здесь написано, чтобы не трогать

никого!»

– Так мы и не трогаем!

Тут Володька Петров из Смоленской области вступил:

– А вы кто такие?

– Мы полицаи!

– А карабины-то у вас русские. Ну-ка дай посмотреть!

Отобрал у всех затворы и выбросил в кусты. И напоследок, перед тем как уехали, еще пригрозил им:

– Погодите, мы еще приедем и будем у вас землю делить!

Что за люди? Мы их страну освободили, шестьсот тысяч при этом погибло, а им яблок жалко. Те, кто в Польше служил, всякое рассказывали… И по ночам стреляли, даже танк у нас украли.

– Как это случилось?

На одном перегоне они умудрились отцепить последнюю платформу с танком и угнали в лес. Когда хватились, командир бригады разбушевался, всех подняли на ноги, но никто не знает, где искать… Думали уже, что разгружаться будем. А оказывается, поляки этот танк в лес загнали и командуют экипажу:

– Выходите!

Ребята же внутри спали. Но слышат, что разговор-то не наш, поняли, что тут что-то не то. Те продолжают:

– Открывайте, вы все равно никуда не денетесь!

Тогда командир танка говорит:

– Надо что-то предпринимать!

Завели танк, прямо на платформе развернулись, раздавили ее и начали стрелять из пушки. Мы это как раз услыхали и кинулись туда, но поляки уже сбежали. Для порядку постреляли по лесу, но никого не нашли.

А на следующей станции одному механику-водителю отрезало ноги. Поезд тронулся, а он бежал к своей платформе, схватился за брезент, но тот потянулся, и его под колеса. Сапоги там, а он здесь… Подбежали к нему, кровь во все стороны свищет на два метра… Но потом говорили, что он выздоровел.

– Как вы считаете, благодаря чему остались живым?

Вы знаете, я и сам не понимаю, как живым остался. Ведь боялся, что убьют, но повезло. Однажды в Германии попали в аварию. Машина перевернулась, а нас в кузове человек пятнадцать было, и мы в канаве очутились, в воде, кузовом нас накрыло. И все целы, только шофер себе лоб разбил. Опять повезло… Только как черти грязные были. Вышли на дорогу, тут как раз ехал комбат пехотный, так он нас и не узнал.

Так что даже не знаю. Наверное, все-таки мать меня

отмолила. Ведь когда я уходил в армию, мама дала мне на прощание такую маленькую круглую иконочку, и всю войну я ее проносил в кармане. Никому, конечно, не показывал, правда, и дела никому не было.

Зато когда я в феврале 51-го женился, вышла целая история. Отца уже не было, и мать с сестрами спрашивают:

– Ну что, в церковь поедете?

– Конечно, мы же православные люди!

Обвенчались, все прошло хорошо, и потом вдруг через некоторое время меня вызывает секретарь парторганизации. Я ведь тогда уже в партию вступил.

– Ты почему в церковь ездил?!

– А что такое?

– Так мы тебя из партии исключим!

– А вы разве такое право имеете?! Знаешь что, Иосиф Иванович, ты ко мне не привязывайся, и я тебе ничего не скажу! Я человек православный, почитаю родителей, и раз они сказали, я сделал.

Стали таскать меня, но в один момент я психанул:

– Я Родину защищал, и всегда все нормально было, а тут какие-то претензии. Ну и исключайте, раз я вам не нужен!

– Нет! Нет! Нет! Мы тебя просто проработаем, чтобы больше не ходил.

И оставили в покое. «Только молчи и никому ничего не говори!»

– А вы можете выделить самый случай, когда могли погибнуть?

Таких случаев было много, но однажды я был от смерти на сантиметр. Где-то в Германии только вылезли из танка, как из-за угла по нам начали стрелять из автоматов. Пуля чиркнула мне по левому уху, а я даже сразу и не понял, пока мне ребята не сказали, что у меня кровь.

– Как вам Т-34?

Хороший был танк. Мощный, безотказный, маневренный, мог развивать высокую скорость.

– Номер своего танка помните?

По-моему, у нас был 76-й номер. Не помню точно, мы на номера не обращали внимания.

– Люди каких национальностей вместе с вами служили?

Самые разные. И русские, и татары, и даже один еврей был.

Правда, он где-то в батальоне пехоты служил. Арон. Молодой, кудрявый такой, но потом ребята рассказали, что он сбежал куда-то на тепленькую должность в штаб.

А один из офицеров оказался поляком, так он что учудил. Как-то взял с собой несколько солдат и уехал километров за сто. А в этой деревне был какой-то сборный пункт для угнанных на работу в Германию женщин. И видно, связался там с кем-то, потому что сам куда-то уходит, а солдаты от безделья маются. Когда терпение их лопнуло, сказали ему:

– Неделю уже тут, чего нам делать? Поехали обратно!

– Не ваше дело!

Через какое-то время они решили его связать и вернуться в часть. Обступили его, но он догадался, выхватил пистолет, а у них-то оружия нет, и одного в ногу – раз… «Везите его в госпиталь!» А сам куда-то исчез. Вроде бы в Польшу сбежал.

– За такие дела тогда строго карали. Вам, например, пришлось хоть раз присутствовать на показательных расстрелах?

Два раза видел. Еще в Алкино как-то раз нас всех выстроили и повели на сопку. Построили вокруг заранее выкопанной могилки. Подъехали машины, из одной вывели человека в черной одеже. Не из нашей школы. Подвели, поставили лицом к яме и зачитали приказ: «За измену Родине… За дезертирство. Приговаривается к расстрелу! Приказ привести в исполнение!» И капитан, что ли, сзади подошел и выстрелил ему в затылок… Тот сразу упал в яму, подбежали автоматчики и закопали его…

А второй раз видел такое в Германии, когда расстреляли двух солдат из пехотного батальона охраны. Оказывается, они вдвоем пошли в самоволку, а там напились и заночевали. На другой день за ними пошел командир взвода. Нашел их, но по пути обратно в лесу они его убили и закопали… А когда пришли, стали отказываться: «А мы и не видели его!» Но их раскололи, и они показали, где убитого закопали. Нас всех выстроили в песчаном карьере, и их обоих расстреляли… Но спрашивается, зачем было его убивать?..

– А вам самому приходилось сталкиваться с особистами?

Несколько раз приходилось. Еще по дороге на фронт к нам попросились двое пацанов: «Дяденьки, возьмите нас с собой! Мы хотим на фронт!» И мы, дураки такие, взяли их с собой. А на границе в Бресте, когда начали шуровать, их нашли и нас арестовали. Вместо гауптвахты посадили в холодный вагон: «Вот померзнете, так будете знать, как брать туда детей!» В вагоне

половина пола есть, а половины нет, соответственно, ветер свободно гуляет, мы забились в угол, сидим, дрожим…

А как-то был такой случай. Как раз там, где немцы топились, разведчики привели пленных немцев. А мы в ту пору иногда охраняли штаб бригады, поэтому как раз на улице стояли. В какой-то момент люди зашевелились, забегали: оказывается, заместитель командира бригады по строевой из трофейного пистолета прострелил себе руку. И нас предупредили строго-настрого: «Ребята, только никому не говорите!» Понятное дело, ведь это же фактически самострел. Он потом все время в перчатке ходил.

– А что за эпизод, когда немцы топились?

Это мы в Германии однажды на закате остановились в какой-то деревушке. Стоим на улице у штаба, вдруг снизу от озера какой-то крик, шум. Оказывается, там все немцы вместе с детьми бросились в озеро топиться. Пехота их отгоняет: «Никто вас не тронет!» А эти все равно туда лезут, вода прямо кипела… Подошли туда, а эти все лезут и лезут: «Все равно вы нас убьете!»

– А вам приходилось видеть случаи насилия, мародерства?

Может, в пехоте такое и было, но у нас я не видел. У нас же грамотные люди, да и некогда было этим заниматься.

– Кто был командиром бригады?

Парамонов. Хороший офицер, никогда не ругался, только просил: «Ребята, надо! Только осторожно. Смотрите, людей берегите!»

– А какие воспоминания остались о политработниках?

У нас хорошие были. Невредные, обходительные. Без криков, спокойно объясняли: «Ребята, нужно сделать!»

А со мной был и такой случай. У нас в селе председатель колхоза был злой как зверь, над людьми издевался. Женщины зимой пойдут в лес за дровами, так он их кнутом стегал: «Нечего ходить, работать надо!» Это мне уже потом рассказывали. И когда мы стояли под Могилевом, получаю от отца письмо: «Так и так, сын, меня Василий Михайлович кнутом стегал: «Почему женщин оставляешь дома?!» Но они же просятся, надо постираться, по хозяйству что-то успеть. В общем, разлад получился». И когда я это письмо прочитал, во мне все вскипело, думаю, да что ж такое?! Пошел к нашему замполиту бригады:

– Почитайте!

Он прочитал и ужаснулся…

– Садись, пиши! – и продиктовал мне большое письмо председателю, а в конце научил так написать: «Если вернусь домой живым – убью тебя!» Я так и написал, отправил его председателю, и тот сразу опомнился.

А бригадирами работали мои знакомые ребята, которые вернулись с фронта после ранений. Бабы с ребятишками работали, а они стали командовать. Обижали мою мать… Я с ними потом крепко ругался: «Что же вы делаете?! Вы же знаете, как люди бедствуют…»

– Хотелось бы узнать о вашем отношении к Сталину.

Я считаю, что без Сталина мы бы не победили, потому что в то время стране был нужен именно такой жесткий и справедливый руководитель. Ведь он пришел к власти, когда страна лежала в разрухе, но мы успели все восстановить и построить столько всего. А что бы мы без заводов делали?! Зато при нем ни одной копейки за границу не уходило и все было дешево. Ведь я, когда вернулся из армии, купил себе мотоцикл ИЖ. Заправлял бак – 14 литров и платил за это всего рубль сорок. Десять копеек стоил литр, а сейчас литр сколько стоит?! Где это видано, ведь у нас нефть своя… Да, сейчас говорят, что Сталин был тиран, но я думаю, что это скорее Берия виноват.

– Были у вас какие-то трофеи?

Вначале у всех что-то было. Но, когда из Данцига нас отправили на Одер на переформирование, ждать новых танков пришлось недели две. И в один день всех построили, а особисты стали лазить по нашим вещам. У всех было у кого что, у некоторых даже костюмы, но все, что нашли, набросали в кучу, облили соляркой и все сожгли… А потом обратились ко всем: «Если кто будет что-то брать, будем наказывать вплоть до расстрела!» Поэтому у всех остались только какие-то мелочи. Часы у каждого были, но ими не дорожили – штамповка тогда не особо в Европах ценилась.

А когда на Эльбе стояли, встречались с американцами. Не понимали, конечно, ни черта, но как-то общались. Среди них, кстати, много негров было. И мне один из них за звездочку подарил серебряный портсигар. Но, уже когда вернулся из армии, у меня один приятель все украл: и документы, и награды, и этот портсигар с кортиком. Мне Чеботарев подарил шикарный генеральский кортик с золотым львом. Все украл и сбежал, вроде и не поймали его.

А уже после войны мы на своих «Студебекерах» возили в порт

трофеи: велосипеды, мотоциклы – и все это добро отправляли пароходами в Союз.

– Кто-то из ваших братьев воевал?

Только Миша. Он еще до войны уехал работать в Белорецк. Окончил школу электриков, стал хорошим специалистом. Работал главным машинистом турбин на ТЭЦ в Ишимбае. А воевал он радистом. Был ранен. (*На сайте www.podvig-naroda.ru есть выдержки из наградных листов, по которым старший сержант Захаров Михаил Васильевич 1910 г. р. был награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».*) А Володя не воевал, потому что в Карлах нашли нефть, и он там работал электриком. И тем, кто там работал, дали бронь. Но зато и день и ночь там вкалывали без выходных, и уже только после войны он отслужил на Дальнем Востоке.

– Как сложилась ваша послевоенная жизнь?

После войны я еще пять лет служил. Два года в Германии, а с осени 47-го в Крыму, прямо в Симферополе стояли. Дослужился до старшины роты.

Вернулся домой весной 50-го и решил пойти работать шофером. В военкомате мне выдали направление на Станкостроительный завод имени Ленина. Прихожу к механику, а он мне говорит:

– Видишь, рама стоит? Вот соберешь машину и будешь на ней ездить!

Я возмутился:

– Ты видишь, что я стою в военной форме? У меня же ни копейки нет, и на что я буду жить, пока буду ее собирать?

Развернулся и опять пошел в военкомат, так и так: «Это что за насмешка?» Тогда мне выдали направление в трест «Стерлитамакстрой». Вначале работал шофером, а потом меня направили учиться в Харьковское училище, которое готовило инструкторов строительных работ. Со всего Союза там ребята учились.

А как вернулся, меня направили в управление механизированных работ, и в этом управлении я проработал 36 лет. Был и нормировщиком, и старшим инженером по труду. Всегда честно работал и никогда никого не обижал, поэтому люди меня ценили, а в 1980 году присвоили почетное звание «Заслуженный строитель Башкирии».

А на пенсию вышел в 1985 году с должности старшего инженера по труду.

– Большая у вас семья?

С женой мы прожили 54 года. Воспитали трех дочерей, есть шесть внуков и пять правнуков.

– Войну потом часто вспоминали?

Родные пугались, когда я по ночам кричал. Все мне казалось, что я там… Это же природа человеческая, поэтому каждый боялся на фронте. Ведь сегодня ты живой, а завтра нет… Вот как это рассказать, чтобы люди душой прочувствовали? А как рассказать, что за все время на фронте я ни разу и не погрелся толком. Все или в машине, или на улице. По-моему, за все время только один раз летом нормально помылись. Зато сейчас такие фильмы снимают, что просто плеваться хочется. Такую чушь про Жукова наснимали. Одна клевета кругом…

Климов Николай Васильевич

(Интервью Артема Драбкина)

Климов Николай Васильевич. Полковник в отставке. Родился 29 апреля 1923 года в городе Кузнецке Пензенской области. Ну что? Окончил среднюю школу, десять классов. После окончания этой школы направлен был в Саратов, в танковое техническое училище, которое закончил 1 февраля 43-го года.

– Возвращаясь в 41-й год. Как узнали, что война началась?

Весной к нам как-то в город приезжал один танкист, а у них тогда форма была красивая – кожаные куртки, и вот я решил стать танкистом. 14 июня сдавали последний экзамен в школе. К этому времени у меня уже было направление на учебу в Саратовское танковое училище – ведь заявление пишут раньше получения аттестата. Приехал в училище накануне начала войны. Прошел медицинскую и мандатную комиссии. Мы готовились сдавать экзамены в училище, но, когда объявили о начале войны, нас зачислили без экзаменов. Как нам сообщили о начале войны? Вы знаете… Что-то не припомню, как нам сообщили… Кажется, после завтрака было построение, и вот здесь объявили. С каким настроением восприняли это известие? Мы еще были молоды – легко его восприняли.

– Какую материальную часть изучали?

БТ, Т-26. В 42-м году начали Т-34. Нам, техникам, давали конструкцию агрегатов и танков. А у разных танков механизмы не очень сильно отличаются. Есть двигатель, есть коробка, бортовые фрикционы. Поэтому мы могли трудиться на всех видах танков.

– Как воспринималось отступление? Какие разговоры шли?

Разговоры шли о том, что быстрее надо закончить учебу и скорее на фронт. Разумеется, война чувствовалась и у нас. В 42-м немец бомбил нефтеперегонный завод в Саратове. Мы дежурили на крышах на случай бомбежки, чтобы тушить зажигалки. После этих налетов нас гоняли на восстановительные работы.

– Вам давали вождение?

Да, конечно! Мы не только технику изучали, но и вождение, и стреляли! Даже тактическая подготовка была…

– Голодно было?

Нет! Но, конечно, есть всегда хотелось.

– Парад в Москве 7 ноября как-то вам транслировали? Не помните?

В 41-м году 7 ноября у нас был парад в городе, и мы прошли строем. Это очень вдохновляло – парад в такое тяжелое время.

Из училища я был направлен в распоряжение Горьковского автобронетанкового центра, а там уже попал в 244-й танковый полк, который формировался в Сормово, на должность танкового техника. В середине февраля получили американские танки М3 «Ли». На полигоне в Гороховецких лагерях отрабатывали сколачивание взводов и рот (полк был ротного состава). Ну что об этих танках сказать… Эти танки были примерно равны по скорости и маневренности Т-34. Управление им было несколько проще и физически легче.

Но если у тебя хорошие навыки в управлении «тридцатьчетверкой», то ты даже и без выжимания главного фрикциона, подобрав обороты двигателя, мог скорости переключать. У американцев был планетарный механизм поворота. Танки, конечно, высокие, на резино-металлических гусеницах. Эта гусеница бесшумная почти, но как гололед или замерзший грунт – все, танк буксует и раскачивается. Вторым недостатком был бензиновый двигатель, работавший на бензине М-70 с добавкой этиловой жидкости, – легко танки горели. Ну а так машина более-менее комфортная, внутри отделана белым поролоном, который на вид красивый, но горючий. Запах от него ужасный.

Где-то 15 марта пришел приказ на погрузку. За день до погрузки в эшелон механика-водителя танка командира первой роты, в которой я служил танковым техником, отправили в госпиталь. Утром приходит приказ на погрузку, а вести танк некому. Командование полка назначает меня механиком-водителем на этот танк. Мало того, что мне танки обслуживать, так еще и водить надо. В конце двадцатых чисел марта мы прибыли на Северо-Кавказский фронт. Автомобильная техника разгрузилась в Краснодаре, а эшелон с танками прошел ближе к линии фронта и разгрузился на станции Убинская – это где-то 5–6 километров от передовой. Сразу же поротно стали выдвигаться к фронту. Командиры проводили, разумеется, рекогносцировку местности, ну а мы занимались обслуживанием танков – чтоб все исправно было, чтоб бензином заправлены были и так далее. Полк вел бои за станицу Крымская, сейчас это город Крымск.

Немцы ее не хотели сдавать. Несколько раз мы ходили в

атаку – не получалось, потому что пехоту отрезали от танков, а танки без пехоты – это, знаете, мишень. В этих боях наш танк был подбит. Попали нам в борт, пробили бензобак. Мы были оглушены. Потом видим – танк горит! Бензин же! Начали выбираться. Только на несколько метров отползли, как начали рваться снаряды боекомплекта. А тут еще немец обстреливает! Досталось нам. Я был легко ранен и контужен. Вскоре нас подобрали санитары.

– С танками пришли комплекты формы?

Нет! Может быть, где-то по дороге ее растащили.

– Долго осваивали технику?

Нет! Довольно быстро.

– Вы сказали, что были проблемы с гусеницей, а шипы наваривали на гусеницу?

Нет! Ничего не наваривали!

– Первый свой экипаж помните?

Командиром был Сачугов Вася, на башенном орудии сидел, по-моему, Кичигин, заряжающим Фадеев, а механиком до меня был Пермяков. Они все были с Урала.

– Первый свой бой помните?

После выхода на исходные позиции командир мне, как механику, определил направление движения. В триплекс мало что видно, поэтому командир определял ориентиры, по которым я вел машину. Была проведена артиллерийская подготовка, и мы пошли в атаку. Стрельбу вели с коротких остановок. Задача механика как можно более плавно остановить машину, чтобы танк не раскачивался после остановки, и так же плавно и быстро тронуться. Стоять нельзя – тебя подобьют. Первый бой особых впечатлений не произвел. Мы стреляли, и в нас стреляли. Вот когда подбили нас, тут уже были впечатления.

– Покидать М3 легко было?

Да, у меня был впереди свой люк. Более того, мы тренировались покидать танк.

– В бою люк приоткрывали или держали закрытым?

Он закрытый! Открывать нельзя! А вдруг снаряд?!

– При попадании звук сильный?

Когда снаряд ударяет в башню, звук неприятный. В М3 окалины не было – он весь обит был поглощающим материалом.

– Что-то ломалось у М3?

Машина была надежная, но постоянно приходилось регулировать механизм бортовой передачи, поскольку тормозные ленты изнашиваются.

– Как танкисты относились к М3?

Неважно…

Около месяца я пролежал в госпитале. После выписки меня направили в резервный полк.

– После госпиталя хотелось на фронт или уже навоевались?

Как это не хотелось?! Хотелось, конечно!

Мне и еще одному старшему лейтенанту, командиру танкового взвода, дали в подчинение группу механиков-водителей и командиров орудий и направили в Нижний Тагил. Там мы этот личный состав сдали для формирования частей, а сами получили предписание на 2-й Украинский фронт. Из штаба фронта меня отправили в 116-ю танковую бригаду, воевавшую в составе 8-го механизированного корпуса, которая в то время находилась под Александрией. Здесь я был назначен танковым техником первой роты первого батальона. Батальоном командовал тогда капитан Брык, а бригадой – подполковник Юревич. Бригада имела на вооружении танки Т-34. На основе 116-й танковой бригады из частей 8-го механизированного корпуса была сформирована подвижная группа, которая была отправлена в рейд по тылам противника. В ночь на 10 января 1944 года по проходу, проделанному саперами, пошла в направление Марьяновки. Когда подходили к этой Марьяновке, все было тихо, спокойно. Разведка определила, что у каждого дома стоят машины, в том числе и с радиостанциями, и тихо: «Часовые спокойны». На большой скорости ворвались в эту Марьяновку. Немцы выбегали в одних подштанниках, потому что они же в тылу, в 70 километрах от линии фронта. Командование узнало от местных жителей, что недалеко, в районе Малой Виски, находится аэродром противника. Одна работница сахарного завода, я не помню сейчас ее фамилии, взялась провести часть подвижной группы к Малым Вискам. Подавили они там самолеты, зенитки. Уничтожили два или три тяжелых танка. Там были склады с горючим, с боеприпасами – все взорвали. Когда на вторую ночь уходили – зарево все еще было далеко видно. Немцы,

разумеется, очухались и нас прижали. В общем, начали сгущаться тучи над нами. Надо было собираться и уходить.

В район Малых Висок прилетел самолет У-2, привез приказ: готовиться к выходу. На третий день с подбитых танков слили горючее, загрузили оставшиеся боеприпасы и начали уходить. С боями пробились к своим, и 13-го числа утром мы уже вышли из этого котла.

– Какова в этих боях ваша роль? Где вы находились?

Наша роль, танковых техников, незавидная. Места в танке технику нету. Приспосабливались мы где-то на броне заднего танка в ротной колонне. Когда танки вступают в бой, то мы спешиваемся и держимся ближе к штабу батальона. В конце 43-го года стали для технических работников выделять тягач или танк со снятой башней. Тогда уже легче стало техникам. Можно было и ехать на этой машине, и подбитые танки ночью вытаскивать.

После боев под Кировоградом бригаду вывели на переформировку. Стояли в селе Лелековка – это где-то в двух-трех километрах от города. Пару месяцев мы там, в общем, отдыхали. Танков у нас не было, только машины и немного личного состава. Летом нас перебросили под Минск. Приехали, сделали себе землянки. Пришли новые танки М4А2 «Шерман». Везло мне на американскую технику. Вот с этими танкам мы вступили в бой на 2-м Белорусском фронте.

В январе началось наступление в Польше. Тяжелые бои были за город Хойниц – большой транспортный узел. Там погиб наш комбат, майор Брык, другие офицеры. Я сам был ранен в ногу.

Дело было ночью. Начался обстрел. Я забрался в какую-то канаву, а нога осталась сверху, ну вот ее и прихватило осколком снаряда. После того как пал Кенигсберг, стало легче. Бои были уже не сильные, и мы хорошими темпами вошли в Германию. Второго мая остановились в Файтлюбы, и на этом для нас война закончилась.

– Какие-то приметы, предчувствия были на фронте?

Нет. О том, вернусь я или нет, я не думал.

– В свободное время о чем шли разговоры?

Скорей бы кончилась война и скорей бы домой. Хотелось учиться. После войны я дважды пытался поступить в академию. Первый раз по математике получил неуд, а со второго раза поступил. Все же десять лет перерыв между школой и поступлением – это много.

– Актировать подбитые танки приходилось?

Нет, это не моя задача. Этим занимались в батальоне и выше.

– Не сталкивались со случаями умышленного выведения танка из строя?

Нет.

– У «тридцатьчетверок» подкручивали обороты двигателя. У вас так делали?

Только после войны на соревнованиях по вождению, чтобы других обогнать.

– В чем заключаются обязанности техника роты?

Главное, чтоб его машины были всегда в исправности, чтобы все механизмы были отрегулированы, небольшие поломки устранены. С большими поломками он не справится, у него только руки – все. В батальоне, там уже мастерская, небольшая бригада ремонтников, а в полку или бригаде отдельная рота обслуживания.

– Инструктаж механиков-водителей – это ваша задача?

Да. Опытным механикам-водителям я нотаций не читал, а с неопытными приходилось заниматься, учить регулировать приводы управления, чтобы он сам мог небольшую неисправность устранить. Их учили-то всего три месяца. За это время научить трогаться с места и водить по прямой можно, но обслуживать машину, водить по сложной местности – нужен опыт. Вот я его передавал молодым. Опытных механиков-водителей держали в резерве батальона. Придет пополнение с танками. Неопытных механиков ссаживают, а на их место опытных, а тех обратно за танками посылают. Командиры рот, батальонов, те себе всегда механиков подбирали. Ведь механик – это главное лицо в танке, от которого зависит движение танка.

– С кем вы дружили во время войны?

С командирами рот, взводов. Вместе жили при формировании.

– Курили?

Да, курил. Помню, давали табак или папиросы.

– У вас в подчинении кто-то был?

Нет, никого. Это я был в подчинении у зампотеха батальона или полка.

– В этих боях сто грамм давали?

Сто грамм? Конечно! Но это в перерывах между боями, а когда шли в атаку, то давали сухой паек: консервы, сухари, галеты.

– Из тех танков, с которыми приходилось сталкиваться – М3, Т-34 и М4А2, – кого бы вы предпочли?

Я б, конечно, отдал предпочтение нашей «тридцатьчетверке». Почему? Во-первых, сила привычки – своя машина, во-вторых, она в обслуживании проще, в-третьих – она ниже. «Шерманы» – они высокие, как и М3, иногда переворачивались, а с Т-34 такого быть не могло. Конечно, они более комфортные, но воевать на них не сахар.

– Гусеницу натянуть – у кого проще?

У нас проще всех! Тросом ее зацепил за ведущее колесо и пошел крутить. И она, видите что, резиново-металлическая гусеница, если изношен палец, то ее не выбьешь.

– Когда пересаживались с «тридцатьчетверки» на «Шермана», как танкисты к этому отнеслись?

Ничего, нормально.

– Вши были?

Много. Мы обмундирование опускали в бочки с бензином. Потом сушили. Пахло оно, конечно, неприятно, но когда водой прополоскаешь, то нормально.

– У вас в части были женщины?

Женщины? Вы знаете, у нас была, по-моему, одна девчонка – водитель «полуторки».

– Как вообще отношение к женщинам было на фронте?

Своих не трогали, конечно. А к чужим в перерывах между боями ходили.

– К немцам какое отношение было?

Отношение к ним было как к врагам. Когда вошли на территорию Германии, гражданских мы не трогали. В городе Файтлюбы, где нас застал конец войны, мы жили в домах. На первом этаже мы размещались, на втором – они. Отношения были нормальные, но единичные случаи насилия в бригаде все же были. Наказывали. Кроме того, помню, что один сержант что-то

там мухлевал с денежным довольствием – его тоже судили.

В основном же после войны к немкам ходили на таких… мирных основах… за еду. Тогда в Германии голодно было.

– Вспышки венерических заболеваний не было?

Это я не скажу. У меня не было. И у моих друзей, с которыми я служил, – ни у кого не было.

– Посылки домой отправляли?

Да. Что-то собирали сами по брошенным домам. Из тыла нам тоже посылки присылали. Помню, когда стояли под Александрией, то к Новому, 1944 году нам присылали посылки. В них были печенье, конфеты, варежки теплые, носки.

– За войну награды какие у вас?

Три ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 2-й степени и медаль «За боевые заслуги». Ну, и этих, юбилейных, штук двадцать.

После войны я был направлен в Казанскую высшую офицерскую танковую школу, после окончания которой служил в Германии, в 14-й дивизии заместителем командира роты по технической части. В 51-м году поступил в Бронетанковую академию. Служил в Уральском округе начальником бронетанковой мастерской 34-й дивизии. Потом был главным механиком военного завода, заместителем начальника базы, которой руководил Сергей Андреевич Отрощенков. После этого возглавлял кафедру эксплуатации и вождения автобронетанковой техники в Высшем военно-политическом танково-артиллерийском училище. Уволился с должности начальника цикла технической подготовки военной кафедры Уральского политехнического института.

Падуков Леонид Степанович

(На основе интервью Артема Драбкина и текста воспоминаний)

Я родился в деревне Верхняя Седа тогда Пермской губернии. Отец был призван в 1919-м в Красную Армию и умер от тифа в Гражданскую. Мать осталась беременной, и в феврале 1920 года

родился я.

Вскоре мать вышла повторно замуж. Позже у меня появились брат Николай и сестра Клавдия. Когда мне было девять лет, мама скоропостижно скончалась. Разумеется, отчиму справиться с тремя маленькими детьми самому было просто невозможно, и он скоро женился. Практически я остался круглым сиротой, как в песне поется: «Позабыт, позаброшен, с молодых юных лет я остался сиротою, счастья, доли мне нет». Хотя относились ко мне очень хорошо. Мачеху, Анну Максимовну, мы все называли мамой.

После окончания начальной школы я с великим желанием поступил в профессионально-техническую школу, которая находилась в Кишерти.

Рост у меня был небольшой. Чтобы выполнить работы на тисках, приходилось под ноги ставить ящик из верстака. Работа с металлом мне нравилась. Я видел, как из куска железа ковали подковы для лошадей, разные изделия.

Кишертскую профессионально-техническую школу перевели в поселок Суксун и на ее базе создали политехнический техникум. В школе я проучился два года. Время было трудное, стипендии едва хватало на еду на полмесяца, на одежду денег не оставалось. Надо было как-то жить, и я стал подрабатывать: писал лозунги к праздникам, работал в мастерских техникума, выполняя заказы, мыл котлы в солдатской столовой, чистил туалеты – не гнушался никакой работой.

Самым трудным было мыть котлы в солдатской столовой, но зато вкусный ужин в достатке – в награду получали котелок гречневой каши с мясом. Голодными не сидели.

Не все выдерживали трудности, слабые бросали учебу. И я не раз говорил отчиму:

– Папа, я пойду работать.

А он в ответ:

– Леня, учись!

Бывало, проводит меня до околицы, а остальные 28 километров до Суксуна, в любое время года, иду один. Отчим настраивал меня на большие дела, и за это ему большое спасибо.

И все же, помимо учебы и работы, оставалось время на занятия в различных спортивных кружках. В субботние и воскресные дни, как правило, в холле техникума был танцевальный кружок, учились танцам. В те годы сдавали нормы, и это было престижно – получить значки «Ворошиловский стрелок», «ГТО» «БГСО» и другие. У меня все они были.

В 1937 году я окончил техникум. Я и двое моих товарищей по учебе получили направление на работу в детский дом в селе

Наумовка, в 28 километрах от города Томска. За две недели до начала занятий в школе мы с сокурсниками решили собраться в Новосибирске и затем ехать вместе к месту назначения. Иван Лопатин и Николай Хохряков прибыли в назначенный срок в Новосибирск, и 13 августа мы выехали в Томск. От Томска до Наумовки четыре часа тряслись на телеге.

В селе, куда мы прибыли, размещался детский дом, в котором находилось чуть более 250 воспитанников различного возраста. Нам выделили дом для проживания. Директор показал вновь отстроенную школу и пожаловался, что учителей не хватает и к тому же в школе пока нет директора. Дня через два Иван и Николай поехали в райцентр, чтобы встать на учет в райвоенкомат, заодно в районный отдел народного образования.

Заведующий районо Фефелов, участник Гражданской войны, орденоносец, побеседовал с ними и сказал, что он подбирает кандидатуру на должность директора Наумовской неполной средней школы, и предложил одному из них занять эту вакансию. Они ему ответили, что есть другая кандидатура. Когда мои товарищи вернулись в Наумовку, я спросил, конечно, какие привезли новости: «Принимай школу, директор!»

Я считал, что они шутят. Иван Лопатин достает выписку из приказа о назначении меня директором. Мне в то время не было еще и восемнадцати лет. Почему заведующий районо принял такое решение, непонятно. Пришлось впрягаться и тянуть лямку: собрал педсовет из двенадцати педагогов. Многие из них имели большой опыт, но не имели образования, а некоторые, как мои друзья, имели образование, но не имели опыта. Зачитал выписку из приказа о моем назначении. Закрепили классных руководителей. Уточнили количество учеников. Провели линейку 1 сентября. Прошла неделя, месяц, все шло своим чередом, промахов и просчетов не было.

Первые выборы в Верховный Совет состоялись в декабре 1937 года, а я, семнадцатилетний директор, хоть организовывал их, но сам даже не голосовал.

После выборов завхоз школы пригласил съездить в деревню и отметить это важное событие. Мы поехали в гости к его родителям, которые жили недалеко от Наумовки.

Когда все собрались, а было человек пятнадцать, хозяин пригласил к столу. Чего только не было на этом столе, даже жаркое из поросенка. На столе стояла четверть водки и один стакан. Когда все уселись, я оказался слева от хозяина дома, а его сын, мой завхоз, справа от него. Хозяин берет стакан, наливает дополна из четверти и ставит стакан передо мной. Я в то время практически не выпивал. Отпил немного и стал закусывать.

Хозяин вновь доливает и ставит стакан мне. Снова глотнул немного. Он в третий раз доливает в стакан водку из четверти. Сын хозяина тычет меня под бок и говорит:

– Обычай такой у нас. Первую пьют до дна.

Откуда мне знать их обычаи? Вижу сердитые лица бородачей и что начало задерживается. Стакан по кругу не идет, он ведь один был на столе, а выпить хочется всем.

Я выпил водку без остатка и крепко захмелел. Стакан пошел без задержки по кругу, и все наладилось. Мне еще удалось немного закусить, но практически я отключился, и вскоре мне предложили лечь, что я и сделал. Разве я знал их обычай, что первую пьют до дна, а потом – как хочешь.

Среди девушек-воспитателей самой красивой была Нина Аникина, обаятельная блондинка, которая мне очень нравилась. Я сделал ей предложение. Нина об этом рассказала своим родителям, но они были категорически против, сказали, что еще рано думать о замужестве.

Еще в ноябре 1937 года я попросил заведующего районо Фефелова подобрать другую кандидатуру на должность директора, поскольку я и двое моих товарищей Маркатун и Жирнов решили поискать новые места, где было бы интересно жить и работать. Мы были так молоды и так много хотелось узнать. В январе 1937-го кандидатура была найдена. Проводы совпали с Новым, 1938 годом. Отпраздновали весело. Попрощались со всеми и поехали на родину Петра Жирнова – на Украину. Добрались до Москвы, купили билеты до Одессы. Прибыли в Головоневский район Одесской области.

Родные Петра были рады, что сын приехал домой. Несколько дней мы погуляли, но потом решили продолжить свое путешествие – решили ехать работать в Грузию. Приехали в Одессу, купили билеты на теплоход «Грузия» до Сухуми. Оттуда поездом доехали до Кутаиси, затем автобусом до Цаленджихи. В городе были места для учителей, но Петр, по специальности бухгалтер, работу найти не мог. На последние деньги купили билеты на пароход до Новороссийска. Чтобы добраться до станицы Елизаветинская, недалеко от Краснодара, где нам предложили работу, пришлось продать один из моих костюмов.

В станице устроились в школу Е 1. Иван стал учителем математики, а мне дали 4-й класс. Петр и здесь не смог устроиться на работу. Мы с Иваном поработали месяц, получили зарплату, снабдили Петра деньгами и отправили домой. Позже мы получили от него письмо, из которого узнали, что он нашел себе работу по специальности.

Остались мы с Иваном вдвоем, но вскоре Иван Маркатун,

коренной сибиряк, стал скучать по своей родине и по окончании учебного года уехал домой. Так распался союз трех друзей – Падуков, Маркатун, Жирнов.

Жизнь в станице протекала весело. Хотя я там прожил всего около года, это было лучшее время в жизни, которое я не забуду до конца своих дней. Раньше я заезжал туда, но беда в том, что из тех людей, с которыми я когда-то дружил, в живых уже почти никого не осталось. Только могильные плиты с их именами на кладбище…

В июле – августе 1939 года я сдал экзамены в Пермский педагогический институт и был зачислен на первый курс. Но, поскольку вышел указ «О всеобщей воинской обязанности», в октябре меня призвали в Красную Армию.

С командой призывников прибыл в Свердловск. В первую очередь нас строем повели в баню. Затем постригли всех наголо и обмундировали по всей форме. Самое трудное было научиться мотать обмотки. Старшина команды всех нас посадил в круг и стал показывать, как это делается.

Пройдя курс молодого красноармейца, все новобранцы приняли военную присягу. После принятия присяги нас стали отпускать в увольнение, в город, и даже кое-когда в театры. Моя первая специальность звучала так: красноармеец-писарь Политуправления Уральского военного округа. Служба шла своим чередом, проблем не было. Ходили в наряд не часто, приходилось нести службу контролерами на пропускном пункте и в гараже штаба округа.

В ленинской комнате политрук команды проводил беседы, некоторым предлагал поступать в военные училища. Я подумал, а не поступить ли мне в Свердловское пехотное училище? В конечном счете решил подать рапорт о зачислении меня курсантом в училище. Помню, политрук сказал: «Из вас получится хороший командир». Итак, в декабре 1939 года я стал курсантом Свердловского пехотного училища. Теперь я уже ходил не в ботинках с обмотками, а в яловых сапогах, да и шинель была получше.

Этот набор курсантов был необычный. В нем было много участников боев на Халхин-Голе. Даже орденоносцы были: Щитов был награжден орденом Красного Знамени, Абраменко – орденом Красной Звезды, а Федя Белорунов – медалью «За отвагу».

Учеба шла свои чередом. Командиры были отлично подготовленные. Все занятия по тактической подготовке, огневой и строевой проводились на плацу и в поле. С ранней весны мы выходили в летние лагеря. Плавали на реке Пышма в Елани, совершали марш-броски на 25 километров в полной боевой

выкладке, со стрельбой, преодолением зараженного участка в противогазах, штурмовой полосы и водной преграды.

По окончании училища я был оставлен на должности командира курсантского взвода, но в мае месяце 1941 года меня направили в город Казань на курсы подготовки командиров танковых войск.

Пришлось осваивать танковую технику. Изучали в основном БТ, Т-26. Танк Т-34 в парке был всего один, и то все время под брезентом.

22 июня, в воскресенье, мы собрались в увольнение, когда услышали по радио выступление Молотова. Конечно, мы предполагали, что война будет, но это известие нас потрясло. В увольнение мы все же пошли, отметили начало войны в кафе. Тосты были только «За Победу!».

Переучивание пошло в ускоренном темпе. Тактическую подготовку осваивали «пешими по-танковому», а вождение только-только начали осваивать. Сводки с фронтов были ошеломляющие. Нам всегда говорили о силе и мощи Красной Армии. «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим» или «… от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильней». Мы верили, что это так на самом деле, а выходило наоборот…

В начале 1942 года нас отправили в Горький для получения боевой техники. Получили мы не те танки, которые изучали на курсах в Казани, а английские «Матильды».

Расконсервировали. Я принял свой первый экипаж. Механиком-водителем был Вася Артамонов, заряжающим – татарин Ринат Хазбиулин, очень сообразительный и трудолюбивый, наводчиком орудия был младший сержант Золотухин.

Экипаж начал осваивать танк. В основном отрабатывались навыки вождения на танкодроме. Сколачивание роты заняло недели две. А потом пришел приказ: четыре танка в Москву. Командир роты отобрал четыре лучших экипажа, в том числе и мой, и поехали мы в Москву. В столице нас встретили командир 172-го батальона 202-й танковой бригады и его заместитель по технической части. Оказалось, что в одной из рот этого батальона недоставало именно четырех «Матильд».

В апреле эшелоном прибыли на станцию Верховье Орловской области. Танковая бригада была подчинена войскам 48-й армии Брянского фронта. Только приступили к разгрузке, как налетели «Юнкерсы». В бригаде была зенитная батарея. Ее четыре орудия и 20 зенитных станковых пулеметов открыли огонь и сбили один самолет. Остальные разгрузились мимо станции. Разумеется, все

попытались записать сбитый самолет на свой счет, но кому его в итоге приписали, я не знаю.

Закончив разгрузку, батальон пошел в район сосредоточения, «заметая следы»: к последнему танку в колонне было привязано срубленное большое дерево. Замаскировали танки, отрыли щели для экипажей. На следующий день старший лейтенант Максимов, проверяя маскировку, не сразу обнаружил танки своей роты. Помню, подошел ко мне, спросил:

– Ну как первое знакомство с фронтовой обстановкой?

– Страшновато, когда надо разгружаться, а тут бомбы сверху…

– Это только начало.

За время марша выяснилось, что гусеницы «Матильд» скользят на склонах. Техникам пришлось наваривать через трак «шпоры», которые улучшили сцепление гусениц с грунтом.

В течение 1942 года активных боевых действий бригада не вела. В основном приходилось готовить позиции на танкоопасных направлениях. А это значит, за ночь нужно вырыть окоп для танка и к утру его замаскировать. Таких рубежей обороны на участке 48-й армии было оборудовано более восьми! Ладони превратились в сплошную мозоль. Помимо этого, сделали полигон и отрабатывали на нем вождение, взаимозаменяемость членов экипажа.

Командиры танков, помимо того что должны были отлично стрелять из пушки и пулемета, знать хорошо средства связи, должны были научиться управлять танком не только днем, но и ночью, уметь преодолевать крутые подъемы и спуски. Заряжающие – уметь хорошо стрелять из танкового оружия, чтобы в любой момент могли заменить наводчика орудия. Командирам подразделений и офицерам штаба ставилась задача изучить азбуку Морзе и уметь работать ключом. Выезды на боевые стрельбы проводились раз в неделю. В итоге некоторые заряжающие вели огонь из танкового оружия не хуже наводчиков.

В сентябре 1942 года в районе Сутолка Орловской области мы пошли в свою первую атаку. Это была одна из тех операций, которые в сводках называют «бои местного значения». Необходимо было улучшить позиции, так как противник, занимая господствующие высоты, просматривал наши боевые порядки на значительную глубину.

Подготовились основательно: изучили маршруты выхода танков из района сосредоточения к рубежу атаки, направление движения каждого танка в атаке, решили вопросы взаимодействия, расположение проходов в минных полях. Выезды на рекогносцировку маршрутов движения до переднего края

обороны противника делались скрытно, офицеры надевали общевойсковую форму. Запрещалось носить танковые шлемы и комбинезоны. Надо было сохранить полную скрытность от наблюдения противника, усыпить его бдительность, создавая видимость, что мы на этом участке совершенствуем свою оборону. Необходимо было сохранить тот режим окопной жизни, который и был. А это непростая задача.

Разумеется, была проведена партийно-политическая работа, прошли партийные и комсомольские собрания, на которых «личный состав рот и батальонов с воодушевлением встретил приказ о предстоящем наступлении и единодушно выразил готовность сражаться с врагом до последней капли крови». В этих словах не было лукавства. Нам надоело все оборонять и обороняться! Так хотелось наступать!

Перед выходом батальона все танки были проверены. Командиры подразделений доложили по команде о готовности к маршруту. Прямо перед выходом Вася Артамонов, проверяя крепеж топливного насоса, свернул один из болтов. Насос расположен в труднодоступном месте, и мы долго ковырялись, пытаясь вставить этот болт на место.

В ночь на 11 сентября бригада вышла на исходные позиции для атаки и в 6.30 утра, после короткой артподготовки, пошла в наступление. Первую полосу преодолели без особого сопротивления. Мой танк шел правофланговым в боевом порядке роты. Справа никого не было, кроме пехотинцев. Мы преодолели вторую траншею, приближались к третьей, ведя огонь по противнику. Вдруг – удар, танк дрогнул и стал произвольно делать разворот. Миной было повреждено и разбито несколько траков гусеницы.

Я, механик-водитель и заряжающий вышли из танка, а наводчик остался прикрывать нас огнем из пулемета. Достали с башни запасные траки, отсоединили разрушенные траки от гусеницы и подсоединили запасные. Ослабив правый ленивец, натянули траки тросом. Быстро устранили неисправность. В это время по нам начали бить из миномета. Разрыв. Осколки вошли в грудь и в руки. Как потом выяснилось, осколок, который летел в сердце, ударился о стальную пластину, которую мы, танкисты, всегда носили в левом нагрудном кармане гимнастерки, порвав карточку кандидата в члены ВКП (б). Так что эта пластинка спасла мне жизнь. Кровь хлынула из большой раны выше колена – как оказалось, ногу тоже зацепило. Я крикнул, что ранен. Ринат достал аптечку и выскочил из танка. Оттащил меня в воронку, в которой уже собрались раненые пехотинцы. Артамонов, закончив устранение неисправности, продвинул танк вперед до укрытия и

вышел из него. Подошел ко мне и спросил:

– Ну, как дела, командир?

– Вася, идите в бой. Золотухин! Принимай команду!

Уже в госпитале врачи установили, что у меня было шестнадцать ран. Многовато для первого раза…

На краю воронки лежал раненый солдат, тело которого крупным осколком рассекло пополам. Голова и туловище его находились в воронке, а ноги вверху. Он был еще жив, все просил: «Товарищ лейтенант, пристрелите меня». Ну что я мог сделать? Ему дали глоток воды из фляжки, чтобы утолить жажду, которая всегда возникает в предсмертной агонии. Последнее, что он сказал: «Друзья мои, я умираю, отомстите врагу…» Подошли санитары. Они, оказав помощь всем, кто находился вблизи танка, стали по ходу сообщения эвакуировать раненых в тыл.

После войны я уже узнал, что в том первом бою два человека были убиты и шестеро получили ранения. Было подбито два танка, которые после ремонта вновь восстановили и ввели в строй.

На бригадном медицинском пункте капитан Макарова сняла жгут с левой ноги, обработала рану, наложила на нее тампоны и сделала перевязку. Кровотечение приостановилось. Я начал терять сознание от боли и потери крови и попросил:

– Доктор, дайте что-нибудь для ослабления боли.

Дали мне стакан спирта. Проглотив эти сто грамм, я впал в забытье и уже боли не чувствовал.

Раненых погрузили в санитарную машину и эвакуировали в полевой госпиталь, а оттуда по этапу, через многие инстанции, привезли в эвакогоспиталь Е 1920 села Ракша Тамбовской области. От этого путешествия в памяти осталась пронизывающая все тело боль, когда машина подпрыгивает на очередном ухабе.

На носилках меня доставили в операционное отделение, и сестра стала снимать присохшие за дальнюю дорогу повязки. Самым трудным было снять повязку с левой ноги – настолько засохла. Я ее прошу:

– Отмочите повязку, мне больно.

А эта дура продолжает срывать ее. Когда повязка была сорвана, из раны фонтаном брызнула кровь. Я не вытерпел и оттолкнул сестру рукой. Что дальше было, не помню. Как потом выяснилось, я потерял много крови, и потребовалось срочное переливание. Одна из медсестер дала для меня кровь – только у нее в госпитале была кровь нулевой группы.

Как-то, лежа в палате, я нащупал что-то острое в одной из ран на груди. Это оказался осколок. Я решил попробовать удалить его сам. Нужен был пинцет, но где его взять? Попросил

сестру из нашей палаты:

– Принесите мне пинцет.

– Зачем?

– Мне надо отремонтировать часы.

На следующий день она принесла пинцет, и я решил сам сделать себе операцию – достать из груди осколок мины. И чтобы никто не видел, после обеда, когда все спали, я взял зеркало, одной рукой держу его, а в правой руке пинцет. Нащупал осколок, крепко пинцетом зажал его и поддернул слегка. Смотрю, он легко поддается, я потянул сильнее, даже и не очень кровоточила рана. Осколок был продолговатым и небольшим.

На другой день пинцет отдал сестре. Спросила:

– Отремонтировали часы?

– Да.

Она, как мне показалось, посмотрела с подозрением. Пришлось признаться. Я просил ее не говорить ничего доктору.

Долгое время рана на левой ноге не давала возможности ходить. И не только ходить, а даже сидеть. Стоило присесть, как ощущалось головокружение и быстро отекала нога. Но молодой и здоровый организм брал свое. С каждым днем рана все затягивалась и становилась меньше. При очередном обходе я попросил врача, чтобы мне разрешили подниматься с кровати. Врач не сразу удовлетворил мою просьбу. Вначале я привыкал сидеть, а через недельку стал спускать больную ногу вниз, а еще через недельку стал стоять на одной ноге, опираясь на костыли.

Еще несколько дней – и постепенно начал наступать и на левую ногу, рана уже подживала и была небольших размеров. Пробовал ходить на костылях, но не сразу это удавалось. Пришлось несколько раз падать, но настойчивость и упорство делали свое дело. Вскоре я уже мог ходить с костылями, а в ноябре 1942 года попросил, чтобы меня выписали из госпиталя. Более того, я добился, чтобы меня отправили в родную 202-ю танковую бригаду – 11 ноября я получил из бригады письмо, в котором мне писали, что по выздоровлении я должен вернуться в свою часть: «Место дислокации уточните в отделе кадров армии».

Настроение было боевое. Хотелось как можно скорее встретиться со своими товарищами, расспросить их, как они провели бой, первый наступательный. Из писем мне было кое-что известно, ну а подробности?

24 ноября я надел свою свежепостиранную, заштопанную в местах пробития осколками форму, попрощался с сестрой Леной, что дала мне кровь, с товарищами по палате, пожелал им быстрее залечить раны и отправился на станцию.

А уже через неделю, 2 декабря 1942 года, я вернулся в

родную 202-ю танковую бригаду, штаб которой располагался в деревне Березовка. Первым, кого я встретил, был начальник штаба подполковник Варламов. Он спросил меня о здоровье и не голоден ли я. Ответил, что все в порядке, но он перебил:

– Иди сейчас позавтракай, а после сразу приходи ко мне.

Подкрепившись, я вернулся к Варламову. Тот пригласил меня сесть, спросил в первую очередь про ранение, смогу ли я сразу вступить в боевой строй. Я ответил, что готов принять свой экипаж. Он мне сказал, что меня назначили на должность командира взвода. Еще через час я прибыл в батальон. Командовал им старший лейтенант Войтов.

Командир роты построил бойцов, представил меня. В строю стоял и мой прежний экипаж. Ребята были рады меня видеть.

Я быстро познакомился со всем взводом, с каждым поговорил, посмотрел, какие есть недостатки. Первое, на что я обратил внимание, это топка печей в укрытиях, где стоят танки, – дело весьма важное. Экипажи жили в обычных крестьянских семьях деревни Березовки. Местные к нам относились хорошо. За едой ходили на батальонную кухню. Повар готовил вкусно, благо продуктов было в достатке. Какое-то время не было соли, вместо соли добавляли в пищу американские мясные консервы. Но это было недолго, вскоре соль появилась.

Надо отдать должное, в условиях жестокой войны военные были обеспечены необходимым набором качественных продуктов. Офицеры имели еще и дополнительный паек – шоколад, масло и крабов в маленьких баночках, как говорил наш комбриг – «гидромясо».

Танки были зарыты в капониры и замаскированы соломой. Для поддержания постоянной готовности по ночам топили специальные печки, установленные под днищем танка, труба от которой выходила так, чтобы солома не загорелась. Жизнь шла своим чередом: прилетала «рама», проверять, ничего ли у нас не поменялось, солдаты писали свои «треугольнички» домой, получали корреспонденцию.

На Новый год хозяйка, тетя Паша, приготовила самогон, домашние пироги с грибами и капустой. Вместо елки, которые в этих местах не растут, срубили сосенку, девушки сделали для нее игрушки. В гости пришли девушки. Справляли праздник уютно и по-домашнему. Закончив с ужином, убрали столы, и начались танцы. Нашелся и хороший гармонист. Танцевали и парами, и в одиночку. В разгар веселья неожиданно вошли в дом командир роты Божок и замполит Ширяев. Они поздравили всех с Новым годом, посмотрели, как встречают танкисты праздник, и командир спрашивает меня, кто это все придумал.

– Тетя Паша – хозяйка дома.

– Ну что ж, хорошо, продолжайте, веселитесь, только чтоб без происшествий.

В конце 1942 года был сформирован 19-й танковый корпус под командованием генерал-майора танковых войск И.Д. Васильева. Бригада в полном составе вошла в состав этого корпуса и в январе 1943-го получила приказ на участие в Воронежско-Касторненской операции. Батальон в составе бригады действовал в районе Кошкино – Грязное, Грызцы – Здоровец, Троицкое. Командир роты Божок заболел тифом, и в двадцатых числах февраля 1943-го мне пришлось принять командование.

Накануне 23 февраля, в день 25-летия Красной Армии, батальон получил боевую задачу: наступая в направлении населенных пунктов Рождественское, Гранкино, уничтожить противника и выйти на рубеж Никитовка – Лазарево.

Комбат вызвал командиров рот и приказал подготовиться к проведению рекогносцировки. Меня не было. Пять танков роты из-за неисправностей отстали, и я поехал их собирать, оставив за себя лейтенанта Осьминина. Моя поездка была не очень-то успешной, так как из пяти танков я смог восстановить только три. Но и это уже было что-то. Вскоре командиры уже стояли у штабной машины. Не доезжая высоты юго-западнее Гранкино, они спешились и стали подниматься на высоту. Наших рядом не было. Где противник – непонятно. Комбат охранения не выслал. Немец их, разумеется, заметил и открыл минометный огонь. Комбат был убит. Отошли за высоту. Доложили командиру бригады, полковнику Юплину, что Войтов убит. Тот приказал адъютанту батальона Яше Кийло эвакуировать его танками. По тревоге подняли взвод танков. Только вышли из-за холма, как немцы по ним открыли огонь. Яша на танке подскочил к телу Войтова, зажег дымовые шашки, а еще два танка прикрыли его огнем. Экипаж погрузил тело комбата на моторное отделение, и танк задом уполз за высоту. На следующий день комбата похоронили в деревне Ясенок.

Батальон принял капитан Целканев. Закончили рекогносцировку. Поскольку я не был на рекогносцировке, новый комбат сказал, что роту в бой поведет мой заместитель лейтенант Осьминин.

Фашисты, почуяв опасность, к вечеру нас пробомбили, но без особого ущерба для бригады. Был ранен замполит батальона старший лейтенант Алещенко. С рассветом 24 февраля он должен был пойти в атаку на одном из танков роты вместо лейтенанта Куликова, которого эвакуировали на медицинский пункт бригады. Алещенко хотел остаться, но ранение было серьезным.

Ночь перед боем прошла быстро. В восемь утра артиллерия дала короткий огневой налет, и танки пошли вперед. Как только прошли передний край нашей пехоты, которая за ночь вышла к высоте, на которой погиб Войтов, стрелки поднялись вслед за танками. Глубокий снег не давал «Матильдам» с их низким клиренсом развить скорость. При подходе к населенному пункту Гранкино танки увязли в снегу, которого в низине было еще больше. Тем не менее танки роты, наступающие на правом фланге, вышли к Гранкино, а танки взвода Мунштукова попали на минное поле. Немцам удалось огнем уложить пехоту в снег, отрезать от танков. Вскоре связь с танками роты прекратилась. Из атаки они не вышли, а пехота продвинуться вперед не смогла. Ночью судьбу танков попытались установить разведчики. Им удалось пройти через передний край противника, осмотреть подбитые машины, но живых танкистов разведка не обнаружила. Через два дня командование, подтянув резервы и артиллерию, после тщательно проведенной рекогносцировки и надлежащей подготовки к бою повторило атаку. Артиллеристы подавили огневые точки врага, и, когда танки и пехота пошли в атаку, противник вяло вел неорганизованный огонь. Через 35–40 минут после начала наступления танки и пехота вошли в деревню Гранкино. Вскоре атакующие танки и пехота ворвались в населенный пункт Лазарево, а затем мы взяли Никитовку. Пошли в направлении Павлово, Ясенок, Дмитриев-Льговский, Севск. Взять город не получилось – выдохлись. Подвоз практически прекратился. Приходилось сливать горючее с неисправных танков, чтобы заправить оставшиеся на ходу машины. В танках практически не осталось снарядов. Вскоре нас отвели на переформирование и пополнение.

Созданная в бригаде комиссия по расследованию причин гибели экипажей в Гранкино под председательством начальника штаба бригады подполковника Варламова установила, что танки взводов Лобова и Мунштукова в большинстве своем подорвались на минном поле непосредственно перед деревней. Танки, наступающие на правом фланге роты, уже в самом населенном пункте были подбиты огнем противотанковых орудий.

Останки наших боевых товарищей были собраны и доставлены на медицинский пункт бригады в деревне Рождественское. Около школы вырыли братскую могилу. В ней покоятся тела воинов-танкистов 202-й танковой бригады: лейтенантов Осьминина, Лобова, Мунштукова, сержантов и рядовых Головань, Бойко, Антонова, Козлова, Снегирь, Кривохижина и других – всего 18 человек. Таких братских могил за период боев 202-й было немало и в Таврии, и в Крыму, и в

Прибалтике.

После зимних наступательных боев 19-й танковый корпус был выведен в резерв. Весь английский хлам, что остался от зимних боев, сдали и получили Т-34. Наконец-то мы перешли на отечественные танки! В феврале получили новую форму с погонами. Поначалу восприняли это с неудовольствием – «золотопогонниками» называли белых офицеров. Мы считали, что в Красной Армии такая форма, напоминающая царскую, недопустима. Потом смирились. Шла боевая подготовка. Изучение матчасти, огневая подготовка, вождение. Весной меня вызвал начальник штаба Хромченко и предложил должность офицера связи между бригадой и корпусом. Я пытался возражать. Все же я строевой офицер, прошел от командира танка до командира роты, и вдруг предлагается штабная должность. Но Хромченко был непреклонен: «Это расширит ваш кругозор, появится перспектива продвижения по служебной лестнице».

В новой должности я, по существу, являлся передаточным звеном между комкором и комбригом. Для того чтобы правильно передать приказ, приходилось заниматься в штабе, изучать разведданные, проходить занятия по нанесению боевой обстановки на топографические карты, составлению боевых документов, работе на средствах связи. Офицер связи имел в своем распоряжении мотоцикл или машину, так как иногда расстояние от штаба корпуса до бригады было значительным.

В апреле 1943-го отметили год со дня формирования бригады. К этому времени мы стояли в лесу западнее деревни Троицкое. Опять шла подготовка к боям – вождение, стрельбы, отработка взаимодействия между танками, пехотой и артиллерией.

В боях на Курской дуге 202-я танковая выстояла и приказ выполнила. В ходе боя в районе села Теплое прямым попаданием снаряда заклинило ведущее колеса правого борта одного из атакующих танков «Тигр». Экипаж бросил фактически исправный новейший танк. Командир корпуса генерал Васильев поставил командиру 202-й танковой бригады подполковнику Лебедеву задачу вытащить этот танк в расположение наших войск. Возглавил операцию старший адъютант 172-го батальона капитан Чалов. Проблема была в том, что в батальоне к ночи могли подготовить только один боеготовый танк. Пришлось комбригу отдать свой командирский танк с экипажем. Быстро создали группу из двух танков, отделения разведчиков, саперов и автоматчиков. Ночью двинулись к «Тигру». Артиллерия вела беспокоящий огонь по немцам, чтобы скрыть лязг гусениц «тридцатьчетверок». Подошли к танку. Коробка стояла на низкой

передаче. Попытки переключить ее не удались. Подцепили танк тросами, но они лопнули. Рев танковых двигателей на полных оборотах разбудил немцев. Они поняли, что подбитый их танк пытаются захватить. Мы же накинули на крюки четыре троса и потихоньку двумя танками потащили «Тигр» к нашим позициям. С трудом, но вытащили. За эту операцию Чалов получил орден Отечественной войны 1-й степени, а я, по итогам боев, был награжден орденом Красной Звезды.

Как-то в разговоре с бывшим врачом мотострелкового батальона, входившего в состав 202-й бригады, капитаном медицинской службы Ниной Евтушенко, ставшей после войны Падуковой, вспомнили такой случай. Во время боев на Орловско-Курской дуге врач Евтушенко развернула медицинский пункт мотострелкового батальона за скатами высоты вблизи населенного пункта Никольское и вдруг на виду у всех вывесила флаг с красным крестом. Как она рассказывала, ей казалось, что это безопасно, что немцы ни бомбить, ни стрелять не будут. Тем не менее «Юнкерсы» во время очередного налета, не раздумывая о гуманности, отбомбились по медицинскому пункту. Командир мотострелкового батальона капитан Большенко с НП батальона увидел это безобразие и выслал связного, чтобы он передал приказ: «Врач Евтушенко – немедленно убрать флаг». Флаг убрали, а после боя Большенко устроил Нине разнос.

19 июля мне передано было явиться к начштаба корпуса Шаврову. Он встретил меня и так вежливо сказал:

– Старший адъютант командира корпуса погиб в бою. Я предлагаю вам занять его место.

– Но ведь я строевой командир!

– Ничего, будучи у Васильева, получите много полезного для себя. А в предстоящей работе главное – исполнительность и умение хорошо ориентироваться на местности, наносить обстановку на карту. Вы это умеете, я смотрел карты с обстановкой, которые вы делали в бригаде. Кроме того, начальник штаба вашей бригады подполковник Хромченко рекомендовал вас как грамотного и исполнительного офицера.

Пришлось согласиться. На следующий день я прибыл к Шаврову. Он позвонил командиру корпуса, сказал, что готов представить старшего лейтенанта Падукова на должность старшего адъютанта. Васильев дал добро и сказал мне:

– Получите у Шаврова документы, карту и компас. Завтра в 8.00 поедем на командный пункт командующего 70-й армией. Надо подписать реляцию на представление корпуса к званию «гвардейский». Вопросы есть?

– Вопросов нет.

Утром в 7.45 я прибыл к комкору. Доложил:

– Документы и карта получены, машина готова.

Едем быстро. Он – водителю:

– Остановите машину.

Спрашивает меня:

– Где находимся?

Я доложил, указал на карте. Он ответил коротко:

– Верно!

Экзамен по ориентированию на местности я сдал. Через некоторое время мы прибыли на КП. Машину оставили перед шлагбаумом. Генерал сказал:

– Я пойду к командующему бронетанковыми войсками армии, а ты с пакетом документов пойдешь к командующему 70-й армией генерал-лейтенанту Галанину. Встретимся у командующего бронетанковыми войсками.

Я так до сих пор и не знаю, почему он сам к командующему не пошел. Я вошел в землянку командарма. В приемной сидел адъютант, которому я представился. Он тут же доложил, и мне разрешено было войти. Я представился командарму, доложил, что корпус убывает на доформирование, и подал реляцию:

– Корпус воевал хорошо и заслуживает вполне присвоения гвардейского звания. А где командир корпуса?

– Васильев занят отправкой эшелонов.

– Хорошо, идите.

Я пошел в землянку заместителя командующего по БТиМВ, где находился Васильев. Тот спросил:

– Подписал?

– Да, – и добавил, что генерал спросил, где вы, а я ответил, что занят отправкой эшелонов.

Васильев похвалил меня за находчивость.

Наш корпус был выведен из боев и стал готовиться к отправке на формирование. Командир приказал мне следовать на машине в Москву, забронировать люкс в гостинице ЦДКА и сдать легковую машину в ремонт, что я и сделал.

Корпус расположился в районе Наро-Фоминска. Штаб находился в деревне Шувалово. Командир корпуса встретился с командующим бронетанковыми и механизированными войсками генерал-полковником Федоренко. Беседа шла долго. Васильев докладывал о боях на Курской дуге, об использовании «Матильд» и «Шерманов».

Были решены вопросы комплектования. Корпус перешел на отечественную технику, чему мы были очень рады. Под Наро-Фоминском шло сколачивание подразделений, боевая выучка, стрельба и вождение, командно-штабные учения. В октябре мы

отбыли на фронт, поступив в распоряжение 51-й армии. Корпус был сосредоточен на плацдарме на реке Молочная, южнее Мелитополя. 24 октября мы пошли в наступление. Пехоте не удалось прорвать оборону противника, и нашим бригадам пришлось это делать за них. Немцы, боясь окружения, оставили крупное село Чехоград (Новгородовка).

Фронт прорыва расширился на 10–12 километров. Через образовавшиеся «ворота» в ночь на 26 октября, вслед за 19-м танковым корпусом в прорыв вошел 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус. На подступах к деревне Чаплинке штаб корпуса столкнулся с колонной словацкой дивизии. Солдаты быстро подняли руки: «Рус! Плен, плен». У нас не было лишних людей, чтобы конвоировать их в тыл, поэтому комкор назначил офицеров-словаков и поставил им задачу вести в наш тыл своих подчиненных.

В ночь на 1 ноября части корпуса ворвались на Турецкий вал. За валом удалось захватить плацдарм шириной три километра и глубиной примерно столько же. Всего за вал прорвалось около 20 танков, до батальона пехоты, несколько батарей противотанковых орудий и потрепанный 36-й кавалерийский полк 9-й кавалерийской дивизии 4-го Кубанского кавалерийского корпуса. С этими частями оказалась и оперативная группа штаба 19-го танкового корпуса во главе с командиром и начальником штаба.

С рассветом 1 ноября я обнаружил, что по валу ходят люди в зеленых шинелях, и подумал, что передовой отряд оказался отрезанным от главных сил. Доложил командиру корпуса, что немцы, вероятно, ночью закрыли проход. Он ответил:

– Да они, похоже, ищут, кому бы сдаться в плен. Садись на «Виллис» и разведай, что там.

Я без охраны поехал к Турецкому валу и попал под пулеметный огонь. Хорошо, что не попали. Вернулся обратно и доложил генералу Васильеву, что проход через вал закрыт:

– Бери танк и по шоссе прорывайся за вал к главным силам корпуса, разыщи командира 4-го Кубанского корпуса генерала Кириченко и проси его, чтобы он оказал помощь.

Сажусь в танк, приказываю механику-водителю выйти на шоссе и на полной скорости, не останавливаясь, мчаться к валу. Сам командир при подходе к валу открыл огонь из орудия и пулемета в направлении противника. Видимо, немцы еще не успели подтянуть противотанковые орудия, а пехота не могла подойти к несущемуся на полной скорости танку. Проскочил метров сто за вал. Остановил танк, открыл люк, высунул танкошлем, чтобы убедиться, что выходить безопасно. Пулеметная очередь тут же изрешетила его. Приказал

заряжающему открыть десантный люк. Механику-водителю и командиру танка приказал оборонять машину, а сам с заряжающим выполз из танка и по кювету ползком стал пробираться к своим.

В первой траншее мне удалось встретиться с начальником штаба 25-й мотострелковой бригады. Я ему сказал:

– Группа за валом отрезана, там генерал.

Связался по радио с заместителем командира корпуса полковником Поцелуевым, чтобы он готовил части корпуса и совместно со стрелковыми частями прорывался за Турецкий вал. А сам стал разыскивать генерала Кириченко, командира корпуса.

Невдалеке у дороги я увидел ДОТ. В нем мы накануне скрывались от бомбежки с генералом Васильевым и оперативной группой штаба. Он хорошо подходил для командного пункта. Я не ошибся – здесь находился командир 4-го Кубанского кавалерийского корпуса. Я доложил Кириченко:

– Я старший адъютант командира 19-го ТК генерала Васильева. Он с передовым отрядом и оперативной группой за валом в окружении и просил оказать помощь.

Кириченко, видимо, был в хорошем боевом настроении, лихо сказал:

– Сейчас мы со своими казаками, в конном строю, сокрушим врага!

Тут же поставил задачу командиру 9-й кавдивизии – атаковать вал. Конечно же, «психическая» не удалась – плотный пулеметный огонь с вала заставил кавалеристов залечь и отойти. Понеся потери, конники вынуждены были приостановить наступление.

Я разыскивал полковника Поцелуева и доложил ему. Полковник понял, что срочно надо готовить атаку, обеспечивая ее огневыми средствами. Были развернуты тяжелые танки и самоходные орудия корпуса, пехота 26-й мотострелковой бригады и саперный батальон. Ожидать помощи от пехоты не приходилось – она еще далеко. В это время немцы и румыны атаковали окруженную группировку. У нее были на исходе боеприпасы.

Не было воды, чтобы утолить жажду, ее сливали из радиаторов.

За генералом Васильевым был прислан У-2, но он отказался эвакуироваться. Он не мог бросить людей, тем более что его сын воевал в 202-й танковой бригаде. Несмотря на то что он был ранен, командир корпуса продолжал управлять войсками.

Васильев подготовил две боевые группы по сто человек в каждой и ночью повел их в атаку, предварительно согласовав действия с главными силами по радио.

Проходы на Турецком валу были захвачены, и на плацдарм тут же была введена свежая танковая бригада. Плацдарм за Турецким валом был передан пехоте 51-й армии. С него 8 апреля 1944 года началось освобождение Крыма.

Танковый корпус был выведен из боя. Генерал Васильев получил звание Героя Советского Союза и погоны генерал-лейтенанта танковых войск. Я был за эти бои награжден орденом Красного Знамени. Перед убытием генерала Васильева в Москву на излечение я попросил его, чтобы меня снова перевели в родную мне 202-ю танковую бригаду. Приказ состоялся, и я был назначен на должность старшего адъютанта 2-го батальона.

Вскоре 202-я танковая бригада была переброшена под Большую Лепетиху, где вела бои за плацдарм, который немецко-фашистские войска удерживали на левом берегу Днепра, в его нижнем течении. Весной корпус был выведен в резерв фронта и, получив пополнение в технике, готовился к боям за освобождение Крыма.

Из списка воинов, представленных командиром корпуса к званию Героя Советского Союза, начальник штаба фронта генерал Бирюзов тормознул несколько фамилий. Это было местью командованию 19-го ТК за якобы неправильное использование танкового корпуса в Мелитопольской операции.

При подготовке к предстоящим боям больше всего внимания уделялось отработке ночного вождения. Дело в том, что корпус готовился к переброске через Сиваш. Саперы навели мосты шириной всего 2,2 метра, а длиной более двух километров. Проехать по такому мосту на низких передачах без резких поворотов в ночное время требовало огромного мастерства. На полигоне были построены копии мостов, и на них в ночное время шли тренировки. Результат не заставил себя ждать – ни один танк в Сиваше не утонул.

Февраль и март мы провели в Ново-Николаевке. Погода стояла ясная, но ледяные степные ветра продували насквозь. Меня спасала казачья бурка – подарок кавалеристов 4-го корпуса. С питанием дело было налажено хорошо, продовольственная служба со своими обязанностями справлялась. Однажды приходит ко мне начальник боепитания и говорит:

– В посадках много зайцев, можно бы и поохотиться.

– А чем же вы будете охотиться?

– Из винтовок.

– А своих не постреляете?

– Нет. Загонщикам дадим трещотки, а стрелять будем прицельно.

– Хорошо, лично проинструктируйте стрелков, проверьте,

чтобы не было гражданского населения.

К полудню следующего дня одиннадцать довольно упитанных зайцев были отданы на кухню. Вечером на ужин получили отменное жаркое. А выпить нечего! Батальон боевых действий не вел, а просто так водку не давали.

Утром 11 апреля 1944 года корпус пошел в наступление. Наша бригада, усиленная 52-м мотоциклетным полком, была выделена для захвата города Джанкой и обеспечения левого фланга корпуса. К трем часам дня мы вышли к городу, а к вечеру очистили его от немцев. Следующая задача – войти в район Карасубазар, перерезать автомагистраль Керчь – Симферополь – так же была выполнена. Вскоре части корпуса первые вышли к Сапун-горе и вынуждены были приостановить наступление до прихода войск 2-й гвардейской, 51-й и Приморской армий. Бои приняли затяжной характер. За успешные действия в Крыму 202-я танковая бригада получила наименование Сивашской, а 19-й танковый был награжден орденом Красного Знамени.

Когда Крым был уже освобожден, перед отправкой из Симферополя бригада размещалась в ауле, южнее города Казби-Эли. Мы видели, как наши «органы» жестко, безжалостно выселяли татар из Крыма. Разумеется, еще до наступления в Крым нас информировали, что крымские татары плохо относятся к русским, что надо быть начеку. Но это мужское население, а наблюдать, как плачущие женщины с детьми садились в машины и отправлялись неизвестно куда, оставляя все хозяйство, было тяжело. Аул пустел. Все было брошено – дома, сады, огороды, лишь мычали недоеные коровы. Мы смотрели на это, и шел мороз по коже. Заходили в дома… Ничего не брали, да и брать было нечего, кроме запасов табака. Его прихватили. Его нам хватило до самой Прибалтики.

202-я танковая, как и весь 19-й корпус, эшелоном уходила из Крыма в район Тулы на очередное пополнение. За две недели мы были пополнены и полностью укомплектованы. За все это время я лишь один раз смог побывать в Туле, посмотреть кино и сфотографироваться. На веселье и амурные дела времени не осталось.

В ночь на 17 июля 1944 года подразделения бригады стали грузиться в эшелоны. Подготовка проходила организованно, без лишней суеты, каждый знал, на какую платформу будет поставлен его танк. К утру первый эшелон был готов к отправке. Когда поезд прошел Орел, стало понятно, что едем на запад. В конце июля 1944 года бригада сосредоточилась в лесах восточнее небольшого литовского города Ионишкис.

2 августа командир корпуса Васильев получил через офицера

штаба фронта приказ генерала Баграмяна к 5.00 4 августа сосредоточиться в районе Посвалиса. Как я уже потом узнал, в этот день противник силами шести пехотных дивизий при поддержке более сотни танков нанес удар на Биржай, окружив 357-ю стрелковую дивизию 43-й армии севернее этого города, и пытался развить наступление на Пасвалис.

Днем 5 августа корпус нанес контрудар. Окруженная дивизия была деблокирована. Немцам удалось ликвидировать коридор к Рижскому заливу, пробитый нашими войсками, и восстановить связь между двумя группировками группы армий «Север». От залива теперь нас отделяло 30 километров. Наш батальон в течение 5 августа вел бои за фольварк Паровая. Командир батальона майор Большаков завел батальон в болото, где танки увязли, а немцы их расстреляли. Потери были огромные. Командир бригады полковник Фещенко отстранил Большакова от должности и приказал мне вступить в должность командира 2-го танкового батальона. Оставшиеся танки переданы командиру 1-го танкового батальона капитану Казакову. А я получил приказ выехать в город Паневежис, получить танки для укомплектования батальона. Совершив ночью марш, прибыли в Паневежис, получили 30 танков Т-34. Танки были уральские, они котировались выше сормовских и новосибирских.

В ночь на 20 августа 19-й танковый корпус перешел в оперативное подчинение 51-й армии. Утром противник нанес удар на Жагаре, прорвал оборону и вышел в тыл 51-й армии, перерезав железную дорогу Шауляй – Елгава. Переброшенная навстречу противнику 202-я танковая бригада заняла оборону.

С рассветом 21 августа пришел приказ командира бригады выйти в район Букайши вступить в бой и любой ценой задержать наступление противника. «Ни шагу назад!» – так приказал комбриг.

Батальон вышел из Паневежиса. Узкая дорога с глубокими заболоченными кюветами не давала возможности совершить марш на большой скорости. Пыль, поднимаемая танками, мешала идущим сзади, и несколько танков съехали в кювет. Ждать их не было времени – оставили на попечение техническим службам. Эта же пыль выдавала колонну. Вскоре появилась «рама».

Колонна достигла Эзерниеки. Там нас встретил заместитель командира бригады полковник Малков, который помог выйти на Букайши. При походе к передовой появилось полтора десятка Ю-87. Некоторые танки начали пытаться сходить с дороги. Заметив это, я по радио дал команду: «Увеличить скорость движения и дистанцию». Возможно, что пыль помешала немецким летчикам, и в результате ни один танк не пострадал.

Выйдя к передовой, с марша вступили в бой. Загнав танк в укрытие, по радио поставил задачу командиру 3-й танковой роты старшему лейтенанту Егорову. Он развернул роту в боевой порядок и стал с места вести огонь по наступающим вражеским танкам.

Командиру 4-й танковой роты старшему лейтенанту Дробышеву я приказал контратаковать слева от дороги. Контратака заставила немцев отступить, потеряв четыре танка. Левее роты Дробышева шли танки 1-го танкового батальона. В стык подразделений комбриг выдвинул истребительно-противотанковую батарею капитана Кирмановича. Положение было восстановлено. Вечером мой батальон был усилен мотострелковой ротой старшего лейтенанта Щербанева.

В течение ночи все танки были окопаны, хорошо укрыты и замаскированы, с тем чтобы с рассветом вновь вступить в бой с врагом. Автоматчики и саперы помогли танкистам вырыть окопы для танков, заодно отрыли себе окопы неподалеку. Правда, участок обороны для батальона был великоват – около двух километров, и одна рота автоматчиков не могла создать сплошной линии обороны.

Утром 22-го нас пробомбили, и тут же танки в сопровождении самоходных орудий и пехоты пошли в атаку. Подпустили их на 400 метров и открыли огонь. Несколько танков загорелось. Остальные, боясь разворачиваться, чтобы не подставлять свои борта под огонь, стали пятиться.

Через некоторое время немцы повторили атаку. Всего перед фронтом 1-го и 2-го танковых батальонов шло до 70 танков и самоходок врага. На левом фланге батальона занимал оборону взвод старшего лейтенанта Анатолия Мельникова, его соседом слева была рота лейтенанта Александра Пильникова из 1-го батальона. Уступом за ними стояли артиллеристы капитана Кирмановича.

Старший лейтенант Мельников доложил по радио:

– Снарядом заклинило башню машины, остальные танки подбиты, противник продолжает атаку.

– Выходи на меня.

На этом связь с ним прервалась. Как потом мне рассказали, его танк был подожжен. Экипаж покинул машину, но продолжал вести бой в рядах пехоты. Мельников и механик-водитель Константин Жуков погибли. Позиция взвода Мельникова была захвачена, и немцы подошли к позициям артиллеристов. Я принял решение ввести в бой резерв – взвод лейтенанта Шустова. Отослал заряжающего к месту расположения резерва и продублировал по радио Шустову контратаковать с фланга

прорвавшиеся танки. Сам сел на место наводчика, а наводчика поставил заряжающим. Расстояние до танков противника было 200–400 метров, да к тому же они шли бортами ко мне. Довольно быстро я поджег два танка и два самоходных орудия. Тут подоспел взвод Шустова. Он контратаковал во фланг прорвавшиеся танки. Я сжег еще два танка. Брешь в нашей обороне была ликвидирована, положение стабилизировалось.

Надо отдать должное пехотинцам – без их помощи отразить атаки мы бы не смогли.

Вот что пишет в своей книге «Так шли мы к победе…» командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал армии И.Х. Баграмян:

«Командир бригады полковник М.Г. Фещенко ночью успел окопать свои танки и на рассвете 22 августа дал решительный отпор гитлеровцам. Потеряв 13 танков, они отступили. Но это была, видимо, только разведка.

Вскоре фашистские танковые части сплошным бронированным валом ринулись в атаку. В течение пяти часов 19-й танковый корпус и стрелковые части отбили шесть мощных танковых атак.

Особенно ожесточенный бой разгорелся в районе деревни Букайши, где насмерть стояли 1-й и 2-й танковые батальоны 202-й танковой бригады под командованием лейтенанта Казакова и капитана Падукова, а также батарея противотанковых орудий капитана В.Н. Кирмановича». Это был тот самый редкий случай, когда командующий фронтом прибыл на наблюдательный пункт бригады.

Позднее из письма заместителя командира 202-й танковой бригады полковника Окопного я узнал следующее. Когда командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал армии Баграмян прибыл на наблюдательный пункт бригады, он в первую очередь спросил командира:

– Какое подразделение ведет бой?

В бригаде полностью в боевом строю был только 2-й танковый батальон. Командир ответил:

– 2-й батальон капитана Падукова.

Командующий сказал:

– Срочно отправляйте реляцию на представление его к званию Героя Советского Союза.

Что и было исполнено.

Корпусная газета «Вперед» за 24 августа в статье «Немецкие танки не прошли» писала:

«На нашем участке немецко-фашистские захватчики

предприняли ряд ожесточенных атак, чтобы прорвать нашу оборону. Наши воины стойко отражали атаки противника, проявили мастерство бить наверняка. На правом фланге гитлеровцев встречали огнем танкисты Падукова, на левом – Казакова, а в центре громили врага артиллеристы Кирмановича. Танкисты и артиллеристы подпускали немецких «тигров» и «фердинандов» на близкое расстояние и били их в упор. В яростных атаках танкисты, артиллеристы и минометчики наших подразделений нанесли врагу огромные потери и не пропускали ни на один метр.

В бою, в районе Букайши, погибли многие танкисты. Старший лейтенант Анатолий Мельников и старшина Константин Жуков пали смертью героев, но клятву «Ни шагу назад» выполнили.

Так могут драться люди, перешагнувшие барьер страха, люди, горячо любящие свою Родину, до глубины души ненавидящие коварного врага, верные патриоты, готовые отдать свою жизнь на алтарь победы».

После боя в первую очередь отоспался, так как эти трое суток не смыкал глаз. Экипажи приводили в порядок материальную часть. Вечером принялся устанавливать потери и писать представления на награды. В этом бою батальон потерял только один танк сгоревшим. В нем погибли командир взвода Мельников и механик-водитель Жуков. Командир бригады сказал, что я могу представить двоих отличившихся к званию Героя Советского Союза. Я так и сделал.

В ночь на 23 августа я перегруппировал свои силы, сменил позиции танков Т-34, а приданные батальону два танка ИС-2 поставил на самом угрожаемом направлении.

23 августа немцы перенесли направление основного удара на Добеле, но и там ему прорваться не дали танкисты 79-й танковой бригады. Тем не менее утром 23 августа фашисты еще раз попытались «проверить» нашу оборону. В атаку пошли «Тигры», их поддерживали «Фердинанды». Удар пришелся на позиции, где раньше стояли в обороне «тридцатьчетверки». Теперь там находились ИС-2. В коротком бою они уничтожили пять танков противника. Я перехитрил фашистских танкистов!

За эти бои капитану В.Н. Кирмановичу, старшим лейтенантам А.П. Пильникову, А.В. Мельникову, старшине К.И. Жукову и мне было присвоено звание Героя Советского Союза. В них 19-й танковый корпус уничтожил 266 танков, но и сам, как писал бывший начальник штаба корпуса И.Е. Шавров, понес большие

потери (40 танков сгорели и 30 были подбиты).

К концу сентября 1944 года общая обстановка на 1-м Прибалтийском фронте в основном стабилизировалась. Учитывая сложившуюся обстановку и возросшее сопротивление на подступах к Риге, Ставка приказала командующему фронтом перенести главное усилие войск на новое, Мемельское, направление и провести здесь наступательную операцию с целью отсечь от Восточной Пруссии группу армий «Север», а затем, во взаимодействии со 2-м Прибалтийским фронтом, разгромить ее.

Для решения этой задачи потребовалась сложная оперативная перегруппировка всех сил и средств 1-го Прибалтийского фронта. Она началась в ночь на 25 сентября 1944 года. В ней принимал участие и 19-й танковый корпус.

Передвижение войск и всех видов транспорта разрешалось лишь ночью, с 20.00 до 6.00, а с рассветом колонны сходили с дороги и укрывались в лесу. Все радиостанции опечатывались, исключалось общение с местным населением. Штаб фронта строго контролировал всякое перемещение войск. Чтобы создать видимость большого наступления на Ригу, совершались перегруппировки днем. Войска из мест дислокации ночью шли от фронта в тыл, а с рассветом те же части создавали видимость движения в прежние районы дислокации. В местах дневок запрещалось всякое движение не только транспортных машин, но и личного состава. Хорошая маскировка и ненастная погода мешали противнику производить воздушную разведку. Все проводимые мероприятия обеспечивали своевременный выход войск в указанные районы сосредоточения.

Выведенный в район Добеле наш 19-й танковый корпус, совершив 80-километровый марш, к утру 1 октября сосредоточился в полосе 6-й гвардейской армии, в районе Шакино.

Он получил задачу войти в прорыв, наступать на Тришкяй и разгромить подходящие к фронту резервы противника. Перерезать рокаду Межекяй – Тельшай.

5 октября части 6-й гвардейской армии после артиллерийской подготовки перешли в наступление. Бригады первого эшелона 19-го танкового корпуса были введены в прорыв. 202-я танковая бригада, при подходе к реке Вирвичай, действовала в направлении города Тришкяй. 3-й танковый батальон Дмитрия Щербина следовал в передовом отряде бригады. В 6–8 километрах от города он был остановлен огнем противотанковой артиллерии. Часть танков попала на заболоченный участок местности, и наступление застопорилось. Мой 2-й танковый батальон с десантом роты автоматчиков,

следуя в голове колонны главных сил бригады, несколько уклонился от направления действий передового отряда и вышел к рокадной дороге. Сориентировавшись на местности, я понял, что нахожусь севернее города Тришкяй. Выслал разведку – взвод лейтенанта Лаврова из роты Егорова. При подходе к реке Вирчивай Лавров был обстрелян из противотанковых орудий с высоты перед шоссе. Видя, что силы противника незначительные, я поставил задачу роте Егорова сбить немецкий заслон. В бою за высоту сгорел один из танков взвода Лаврова, но и немцы потеряли две пушки и взвод пехоты.

Выйдя на шоссе Векшняй – Тришкяй, севернее последнего на 6–7 километров, я доложил по радио командиру бригады: «Нахожусь севернее города Тришкяй». Он не поверил моему докладу, считал, что я ошибся в ориентировании, и приказал мне еще раз точнее сориентироваться и обозначить местонахождение серией ракет, что я и выполнил.

При подходе к городу нас опять обстреляли, но в сумерках по быстро двигающимся танкам попасть очень сложно. Город мы захватили. Немцы даже мост через Вирвичай не взорвали. С южной окраины вошел батальон из 26-й мотострелковой бригады корпуса. Как только город был захвачен, противник оставил позиции, и 3-й танковый батальон вошел в Тришкяй с восточной окраины без сопротивления.

Наутро командир корпуса генерал Васильев прибыл в расположение бригады. На разборе досталось всем. Командиру 3-го батальона за то, что не произвел разведки и загнал танки в болото, мне – за то, что заблудился. Но, учитывая тот факт, что я: «Принял исключительно правильное дерзкое решение по захвату города Тришкяй и плацдарма на противоположном берегу реки Вирвичай, то заслуживаю поощрения. Победителей не судят. А вот кофе пить не надо было, он мог быть и отравлен» – так подвел свой разбор командир корпуса. Слов на ветер Васильев не бросал – я был представлен к ордену Александра Невского.

Про кофе такая история. Когда мы заняли город, то в немецкой офицерской столовой нашли еще горячий кофе. Ну, я и решил выпить чашечку, тем более что сварен он был отменно. Сам же и рассказал Васильеву про это.

Наутро батальон в составе передового отряда получил задачу действовать в направлении Седа – Лиепая. В течение ночи все танки были заправлены горючим и боеприпасами.

Я принял решение двигаться на Седу по грунтовой дороге через лес. Выслал вперед взвод танков лейтенанта Шустова. Быстро проскочили по лесу и вышли на шоссе Седа – Тельшай. Ввязваться в бой за Седа не стал – пехоты было мало, а танки в

таком крупном населенном пункте без нее сожгут. Приказал роте Егорова обойти город справа и двигаться на Александрию.

Одиночные очаги сопротивления быстро подавили и вскоре вышли к Александрии. Буквально перед носом походной заставы был взорван мост через реку Ауоба. Тут же я получил приказ командира 202-й танковой бригады действовать в направлении Приекуле – Лиепая. Времени на подготовку практически не было – только успели дозаправиться горючим. Я собрал командиров рот и поставил им боевую задачу. К вечеру батальон вышел к станции Озолы. Единственная железная дорога, связывающая Курляндию с Восточной Пруссией, была перерезана.

Утром 7 октября батальон вел бой за высоту 80.0, которая прикрывала подступы к Приекуле. В батальоне осталось всего 9 исправных танков Т-34. Мой танк находился в центре боевого порядка.

Ворвались на позиции немецкой пехоты и стали их утюжить. В этот момент выстрелом из фаустпатрона танк был подбит. К счастью, фаустпатрон пробил кормовую броню и лишь повредил коробку передач. Танк не загорелся, и экипаж остался невредим. К утру 8 октября 1944 года мой батальон был выведен из боя. Оставшиеся 5 танков были переданы в 3-й батальон.

По окончании Мемельской операции и выходу к морю в начале ноября 1944 года 19-й танковый корпус был выведен в резерв. К 12 ноября мы сосредоточились юго-восточнее Елгавы. Там получили пополнение личным составом и технику.

Несколько командиров батальонов корпуса получили направления для поступления в бронетанковую академию. Я тоже обратился к комбригу с просьбой направить меня, но получил от ворот поворот:

– Кончим войну, тогда и будем учиться, а пока надо воевать.

Честно говоря, я уже навоевался. Опять сколачивание подразделений, огневая подготовка, вождение и прочие дисциплины. Чтобы как-то развеяться в серую, туманную, дождливую погоду, я даже пытался учиться играть на баяне. Мне кажется – получалось недурно.

Однажды из штаба бригады позвонили и приказали прибыть для получения награды. Командир корпуса прибыл в бригаду и вручил мне «полководческую» награду – орден Александра Невского. Получили награды также командир 3-го танкового батальона майор Дмитрий Щербин и командир мотострелкового батальона капитан Паша Гусев. Комкор поздравил нас и пожелал боевых успехов в предстоящих боях по разгрому врага в Курляндии.

Я вернулся в расположение своего батальона. Начальнику

штаба Василию Кузьмину сказал:

– Надо обмыть, а то заржавеет.

Он понял, что надо съездить в Елгаву и там купить у латышей спиртное. Проблем с этим особых не было. Я позвонил Щербину и Гусеву, пригласил к себе, чтобы обмыть «Александра»… Собрались в штабной машине. Повар приготовил добрую закуску, и мы приступили.

После первой – оживленный разговор. Вдруг стучат. Открываю и свои глазам не верю – стоит родная сестра Клава! Как она меня нашла? Оказывается, мы были на одном фронте. Я ей написал, что мой командир Фещенко. Она смотрела на указатели с фамилиями и, когда увидела знак «хозяйство Фещенко», стала останавливать машины. Одна из них оказалась машиной бригады, с ней она и приехала в батальон. Сколько радости! Клава легко вошла в нашу компанию, и мы выпили еще за встречу. Пришлось потесниться. Надо было решить вопрос с уведомлением ее части, что она не дезертир и находится в воинской части. Были оформлены документы на имя командира зенитно-артиллерийского полка, в котором она служила.

Но вскоре я был тяжело ранен и попал в госпиталь на длительное время. Сестра подумала и приняла правильное решение, ведь ее с 202-й ничего не связывало, а поскольку в строю нет брата, то и не было смысла оставаться в бригаде. Она попросила командование, чтобы ее вернули в свою часть, где служили ее фронтовые подруги. Командование ходатайство удовлетворило.

Надо сказать, что кадровики постоянно проводили работу по возвращению раненых в родную часть, ездили по армейским и фронтовым госпиталям, оформляли документы. Люди, закаленные в боях, обстрелянные, очень были нужны.

А что значит после ранения вернуться в родную часть?! Это как вернуться домой. Я сам это испытал! Когда в 1945-м корпус был переброшен в Румынию, а я только выписался из госпиталя, мне предложили остаться в Прибалтике, направили в отдел кадров фронта. Но я уговорил, чтобы меня направили в родную часть. Пришлось даже показать газету, где было написано, что я получил звание Героя Советского Союза.

После завершения всех подготовительных мероприятий был произведен строевой смотр бригады. А финалом явился сбор всего офицерского состава корпуса до командира батальона включительно 16 ноября 1944 года, на котором выступил лично командующий 2-м Прибалтийским фронтом генерал армии А.И. Еременко. На этом сборе он дал конкретные указания по ведению боя. Ознакомил с задачами, которые предстояло решить фронту.

Он был уверен в успехе, ведь 19-й танковый корпус решал в предыдущих боях более сложные и ответственные задачи, так как он был резервом Ставки Верховного главнокомандующего.

Задача была весьма серьезная – рассечь курляндскую группировку противника ударом направления Джутсте – Тукумс. Неожиданно командующий фронтом спросил командира 19-го танкового корпуса:

– До какой из ваших бригад ближе всего отсюда?

– До 202-й.

– Объявить бригаде готовность номер один.

Это значит, что личный состав и вся боевая техника должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи в максимально короткий срок.

По прибытии в расположение бригады командующего фронтом генерала армии Еременко командир бригады полковник Фещенко доложил ему:

– 202-я танковая бригада находится в готовности номер один.

Командующий приказал выстроить весь личный состав бригады на опушке леса, примерно в центре дислокации всех подразделений. Танкисты были в боевой форме, подтянуты, стройны. Чувствовалось, что сбор и внешний вид танкистов оставили хорошее впечатление у командующего фронтом. Он прошел вдоль строя, спрашивал у некоторых солдат и офицеров знание обстановки, задавал и другие вопросы. Особенно его интересовало, много ли в строю опытных фронтовиков.

В своем выступлении командующий говорил о том, что пора кончать с курляндской группировкой врага. Надо действовать в предстоящем бою смело и решительно. Не ввязываться в бои за крупные населенные пункты, а обходить их.

Приезд командующего в часть – на фронте редкий случай, и это воодушевляло, люди поняли, что командующий настроен решительно, по-боевому и уверен в успехе.

Много было разговоров в подразделениях после отъезда командующего. Все ждали, что вот-вот будет дана команда на вступление в бой. Но ноябрьские дожди задерживали активные боевые действия. Надо было ждать улучшения погоды, чтобы наша авиация могла поработать. Только 22 декабря начался штурм немецких позиций.

Более часа продолжалась артиллерийская подготовка. Авиация работала. Стоял сплошной гул, страшное зрелище, и не дай бог попасть под такой натиск огня.

И тем не менее прорвать оборону не удалось. Полоса обороны противника на направлении наступления состояла из четырех линий сплошных траншей полного профиля, кроме того, в

глубине обороны были созданы мощные противотанковые заграждения.

Перед железной дорогой, на рубеже Джутсте – Берзупе, был отрыт противотанковый ров, заполненный водой. Из-за отсутствия морозов заболоченные участки местности не замерзли, что сковывало маневр.

202-я танковая бригада вела наступление на левом фланге корпуса. Слева постоянно контратаковал противник. Я вынужден был не столько наступать, сколько думать, как бы закрепиться на достигнутом рубеже, а приказа на оборону не получил. Ночью рота Егорова оказалась отрезанной от главных сил бригады. Тем не менее ему удалось с оставшимися прорваться к батальону. Егоров разыскал мой танк и доложил:

– Противник подтянул до 20 танков и, вероятно, с утра будет контратаковать нас крупными силами.

Надо выбирать удобные позиции для боя и закрепляться на достигнутом рубеже. Доложил о сложной обстановке командиру бригады полковнику Фещенко. Он приказал мне вступить в командование сводным танковым батальоном:

– Примите оставшиеся танки от командира 3-го танкового батальона.

Вот так! Командующий фронтом генерал армии Еременко недооценил противника, считал, что удастся сокрушить его оборону, но увы… Кроме того, дошли слухи, что при рекогносцировке местности был захвачен начальник штаба артиллерийской части с топографической картой, на которой была нанесена обстановка с данными огня по целям в период артподготовки, и противник, имея такие данные, внес соответствующие коррективы в систему огня.

Бои приняли затяжной характер. Противник, подтянув резервы, стал проводить ощутимые контратаки. Корпус нес большие потери. Погибли комбриг Фещенко и начальника политотдела Калугина. Все танки 202-й танковой бригады были сведены в один танковый батальон, который был передан под мое командование вечером 6 января.

С рассветом 7 января немцы после короткой артподготовки перешли в наступление на позиции батальона. Вблизи моего танка в хорошем блиндаже располагался наблюдательный пункт артиллерии. Я выбрался из танка и вошел в землянку. Спросил радиста, есть ли по радио связь. Он ответил, что есть. Попросил его связать меня с командиром. Я доложил, что батальон контратаковал силой до 30 танков и пехотой противника. Прошу огня по такому-то квадрату:

– Так в этом же квадрате находится ваш НП!

– Именно так и есть. Я как раз с него веду разговор.

– Но ведь это же, выходит, огонь на себя?

– Да, я веду бой, и расстояние до врага 100–200 метров.

После первых выстрелов внесли корректировку. Разрывы снарядов нашей артиллерии накрыли наступающих немцев, и в итоге нам с трудом удалось отбить атаку.

Доложил заместителю командира бригады, вступившему в должность комбрига, подполковнику Воякину, что с трудом отбиваю атаки, и попросил подкрепление самоходками. Вскоре подошла батарея орудий и пехота Латышской дивизии. В очередной раз я вышел из танка и снова за помощью к артиллеристам, чтобы дали огня. Осколок разорвавшейся неподалеку мины раздробил пятку правой ноги. Заряжающий помог наложить жгут. Отползли с ним по траншее до дороги. Там увидели самоходное орудие. Боец подошел к его командиру, сказал:

– Тяжело ранен командир батальона, помоги.

Меня быстро подняли на броню самоходки и вывезли из зоны огня, а вскоре я был уже доставлен вначале в медснабат, затем в полевой госпиталь. Так бездарно закончился мой последний бой в Прибалтике.

Это, я считаю, был самый неудачный бой. Не потому что мы плохо воевали, а потому что так нельзя использовать танковые части. Ну кто бросает танки на эшелонированную противотанковую оборону по заболоченной местности? Буквально в августе я сам в такой обороне двадцатью танками держал около семидесяти немецких. Теперь ситуация повторилась ровно наоборот! Да и вообще, зачем было трогать отрезанных от основных сил немцев – война-то уже катилась к концу.

В госпитале я узнал о присвоении мне звания Героя Советского Союза. Газета «Красная Звезда» поместила указ, но не полностью, а до буквы «Н» включительно, а продолжение указа почему-то печатали во фронтовой газете. В «Красной Звезде» я нашел фамилии Жукова и Кирмановича, значит, решил я, дальше должны быть и наши – Падукова, Пильникова и Щербина.

Вскоре пришла фронтовая газета. Сосед по больничной палате спрашивает:

– Как твоя фамилия, скажи отчетливо?

Я сказал.

Он как закричит на всю палату:

– Ребята, с нами Герой! – и читает выдержку из газеты: – «Присвоить звание Героя Советского Союза…» – Пожал мне руку, остальные, кто мог ходить, подошли, поздравили.

Не обошло вниманием и начальство. Входит в палату

начальник госпиталя, поздравляет меня и говорит:

– Давайте мы вас переведем в отдельную палату.

Я ему:

– Спасибо, мне здесь хорошо. Я никуда не пойду.

Предложил изменить меню, улучшить питание. Но я и от этого отказался, ведь, слава богу, в военных госпиталях фронтового масштаба в 1945 году питание было вполне сносное, жаловаться не приходилось. И вообще, принимать дополнительные услуги мне просто было неудобно, я не хотел никаких привилегий. А вот четвертинку водочки с соседями по палате я принял…

Рана долго не заживала. Уже была назначена операция по ампутации, но мне повезло. В госпиталь, который находился в Митаве (Елгава), приехал хирург фронта, убеленный сединой опытный специалист. Меня показали ему, он внимательно осмотрел и сказал: «Этому парню, герою, ногу надо бы сохранить». Назначил лечение, а через 2–3 недели я встал на ноги и выписался. А впоследствии, когда учился в академии, за сборную факультета бегал пять километров. А ведь мог остаться инвалидом.

Тем не менее мне пришлось еще долго долечиваться, и это выбило меня из боевого строя – лишь в конце апреля 1945 года меня выписали из госпиталя.

Сколько труда мне стоило, чтобы после излечения направили в родную бригаду! Все же кадровики вняли моей настойчивой просьбе и выписали проездные документы до Москвы. Когда я прибыл в Москву, 28 апреля 1945 года, обратился в управление к командующему Бронетанковыми войсками, и мне выписали проездные до станции Команы (Румыния), где дислоцировалась в то время родная 202-я танковая бригада.

Быстро доехал до Бухареста. Оттуда ходили типа электричек скорые поезда. Сел в поезд Бухарест – Джурджу. Сошел на станции Комана. Обратился в военную комендатуру. Комендантом был инженер бригады – знакомые лица! Тут же звонок по телефону, и за мной прислали машину. Через десять минут я в бригаде. Дома!

Сразу в казарму. Общий коридор. Справа 2-й танковый батальон, слева – 1-й. Отдельные кабинеты для командира, замов, штаба. Казарма отличная, везде порядок. Тут же прибежали командиры, обнялись.

Пошел представляться новому командиру. Он пороху не нюхал, в боях не участвовал. Когда война была на западе – отсиживался на Дальнем Востоке, а как кончилась – он здесь, на западе. Типичный строевик. У меня сразу испортилось

настроение: я вижу птицу по полету. Но, так как я вернулся, ему пришлось представить меня батальону, и тут началось. Я, конечно, показал газету, в которой был Указ Президиума Верховного Совета от 25 марта 1945 года, где были фамилии Героев Советского Союза старшины Жукова Константина Николаевича, капитана Кирмановича Владимира Николаевича, старшего лейтенанта Мельникова Анатолия Васильевича, капитана Падукова Леонида Степановича, старшего лейтенанта Пильникова Александра Павловича, майора Щербина Дмитрия Петровича.

Щербин, Кирманович и Пильников, как только услышали, что я приехал, сразу же пришли. Они про указ ничего не знали. Разумеется, это дело мы изрядно отметили. Благо вина было в достатке. Дня через три в нашу бригаду из Джурджу прибыли командир корпуса генерал Васильев и начальник политотдела полковник Кистанов. Они нас поздравили. Правда, комбриг был явно недоволен, что комкор открыто проявил уважение к героям 202-й танковой бригады. Скрыть выражение недовольства на лице он не потрудился, а может, и не захотел.

Я вступил снова в свою должность 3 мая 1945 года. Бригада боевых действия не вела, находилась во фронтовом тылу.

Мы чувствовали, что война вот-вот закончится, постоянно прослушивали сводки Совинформбюро и радовались успехам наших войск.

Войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в логове фашистского зверя, в городе Берлине, заканчивали уничтожение врага. Была освобождена Прага. Остатки вдребезги разбитого рейха доживали последние дни. Фюрер и Ева покончили с собой, Геббельс расправился жестоко со своей семьей и тоже покончил с собой. Это и многое другое давало основание считать, что победа близка.

9 мая включаем радио и слышим голос диктора Центрального радиовещания Синявского: Победа!

Что тут началось! Стреляли из чего только можно! Из танков, пулеметов, автоматов, даже пистолетов. Непрерывная стрельба шла минут десять-пятнадцать.

Конечно, решили отметить Победу. Я приказал заместителю по хозяйственной части приготовить для всего личного состава праздничный обед и норму установил не по 100 грамм, а двойную, или, как тогда говорили, «под копирку».

Я, командир 3-го танкового батальона Щербин со своим замполитом, мой замполит Саша Матвеев, командир мотострелкового батальона Павел Гусев с майором Акопяном – все собрались в ленинской комнате. Хозяйственники накрыли

роскошный стол. На шесть человек поставили на стол шесть бутылок румынской водки, на этикетке которой красовался крестьянин в красной рубахе. Не выходя из-за стола, мы осушили каждый по «крестьянину». Такой дозы я лично никогда за свои 25 лет не принимал, но, как говорится, мы были «ни в одном глазу». В полном сознании взяли по фляжке спирта и поехали купаться на Дунай в Джурджу – решили продлить праздник.

Вода была еще холодной, но мы, подогретые алкоголем, холода не почувствовали. На обратной дороге заехали в корпусной медицинский батальон, где удалось еще и потанцевать с девушками из медсанбата. После всего этого благополучно вернулись в расположение бригады.

Комбриг Тимохин был в ярости. Его возмутила наша отлучка без разрешения. После этого случая наши пути совсем разошлись.

Я попросил, чтобы мне предоставили отпуск с поездкой на Родину. Отпуск закончился, и я вернулся в свою бригаду, но в ней я уже оказался неродным. Комбриг хотел избавиться в первую очередь от меня и от Щербина – Героев Советского Союза. Два комбата-фронтовика и не нюхавший пороху за всю войну комбриг в мире служить никогда бы не смогли. Так что вскоре Щербин был направлен в Ленинград на курсы офицеров бронетанковых войск, а мне дали направление в 19-ю механизированную дивизию в Болгарию.

Я прибыл в штаб, который дислоцировался в Старой Загоре, вблизи города Пловдив в Болгарии. Мне предложили штабную работу, но я хотел на командную должность и отказался.

Побыл за штатом некоторое время, затем попросился, чтобы меня откомандировали в отдел кадров Южной группы войск, который дислоцировался в городе Крайова в Румынии.

Прибыл в отдел кадров Бронетанковых войск, но по дороге решил сначала зайти в парикмахерскую. И тут произошла важная для меня встреча. В парикмахерской находился генерал Рязанский, которого я знал – он был преподавателем тактической подготовки на казанских курсах. Генерал тоже пригляделся ко мне, вижу – узнает. Уходя, сказал мне:

– Закончите стричься – зайдите!

Разумеется, через час я уже сидел у него в кабинете. Он занимал должность заместителя командующего по Бронетанковым войскам армии. У меня появилась надежда, что я буду снова при деле.

– Я вас хорошо помню, доложите, где воевали, в каких частях.

Я все доложил. Он остался доволен, да и Золотая Звезда придавала моим словам вес.

– Согласитесь на должность командира танкового батальона

в 125-й гвардейский танковый полк 24-й гвардейской стрелковой дивизии? Батальон отстающий, много придется потрудиться, но, зная вас, вашу подготовку как танкиста, надеюсь, что справитесь.

Я с готовностью ответил:

– Трудностей я не боюсь. Приложу все силы и умение и постараюсь оправдать ваше доверие.

– А я в этом и не сомневаюсь: вы молоды и энергии у вас достаточно, – заключил генерал.

Так я оказался снова в должности командира 2-го танкового батальона 125-го гвардейского танкового полка, которым командовал подполковник Радько.

Полк дислоцировался в городе Сибиу. Батальон размещался в добротной казарме. Довольно сносная по тому времени материальная база, наличие полигона и танкодрома обеспечивали занятия по боевой подготовке, можно было по-настоящему взяться за дело.

В первую очередь я познакомился с офицерским составом батальона: заместителем по политический части был капитан Маношин, начальник штаба – капитан Гериев Махмуд, заместитель – капитан Румянцев, а заместителем по технической части – капитан Петраков. Был неплохой и командир 1-й танковой роты М. Ройтман. Несколько слабоват – командир 2-й танковой роты. Непонятно, почему генерал Рязанский считал батальон слабым и почему была получена неудовлетворительная оценка на инспекторской проверке.

Да, пришлось во всем разбираться, искать причины неудач. Я сам показывал, как надо делать, а если у кого-то не получалось, то требовал, чтобы неумеха тренировался больше других, и он, подчиненный, знал, что через какое-то время я с него спрошу. И всегда спрашивал. А это принцип – доверяй, но проверяй.

Так, повседневный упорный труд дал свои результаты. Ровно через год, как я вступил в должность командира, батальон на инспекторской проверке получил хорошую оценку, а я получил поощрение, сфотографирован у знамени части. Обещание, данное генералу Рязанскому, я выполнил. Батальон был лучшим подразделением не только в дивизии, но и в армии.

В начале 1947 года, где-то в феврале – апреле месяце, стали расформировываться многие корпуса, дивизии, в том числе и наша. После расформирования я получил направление войти с мая 1947 года в состав Грузинской стрелковой дивизии, которая дислоцировалась в Ахалцихе и Ахалкалаки Грузинской республики (Закавказский военный округ). Дальше служба пошла своим чередом.

Бараш Анатолий Михайлович

(Интервью Григория Койфмана)

Родился 10/9/1920 года в Петрограде. Мой отец, коренной петербуржец, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета, был адвокатом, при советской власти являлся одним из основателей городской коллегии

адвокатов Петрограда.

Отец всегда был истинным патриотом России, но коммунистов и советскую власть не любил. Жили мы в районе Сенной площади. В 1929 году у нас отобрали квартиру и сделали из нее коммунальную, мы перебрались жить в квартиру бабушки, но и там нас «уплотнили» власти, в итоге на две наши семьи оставили только две комнаты в нашей же квартире.

В 1937 году отца арестовали, он просидел в тюрьме НКВД девять месяцев, а потом, когда сняли Ежова с поста наркома внутренних дел, отца внезапно выпустили из заключения, из тюрьмы он вернулся измученным инвалидом. Я учился в средней школе Е 38, находившейся в бывшем здании Александровской гимназии, и после десятого класса поступил в Ленинградский строительный институт. В комсомол не вступал, с моей анкетой и «непролетарским социальным происхождением» в ВЛКСМ не принимали. Тогда вообще творился невообразимый шабаш, комсомольские деятели выискивали среди студентов «социально чуждых», ЧСИРов (членов семей изменников Родины), студентов исключали «за фамилию», за «репрессированных родных», за «непролетарское происхождение», и я старался держаться подальше от всяких активистов. Через год из нашего института сделали Ленинградское военно-инженерное училище, и студентам, не желавшим становиться курсантами, предложили переводиться в другие вузы. Я поступил в Политехнический институт, на гидротехнический факультет, и до войны закончил три курса. В июне сорок первого, после ноты ТАСС, я был уверен, как и многие другие, что война скоро начнется, и, когда ночью 22 июня в воздухе был слышен гул самолетов, я не был удивлен или потрясен внезапностью германского вторжения.

Войну ждали… Я сразу пошел записываться в истребительный батальон, формируемый из студентов Политеха, но уже примерно 30 июня меня вызвали по повестке в военкомат и спросили:

– Где желаете служить?

– На флоте.

– С этим проблем не будет. Идите домой, мы вас вызовем.

Дней через десять меня призвали и отправили в Ленинградское танковое училище, которое было развернуто на базе Ленинградских бронетанковых КУКС (курсы усовершенствования командного состава).

До этого в Питере было только танко-техническое училище. Я плохо себе представлял, что такое армия и танки. Помню, шел первый раз в училище, по дороге зашел в парикмахерскую, постригся, чтобы выглядеть прилично, но только попал в

училищную казарму, как на входе столкнулся с сержантом с ножницами, который всех стриг под «нулевку». Весь наш курсантский набор состоял из образованных и взрослых людей: студентов и аспирантов городских вузов, инженеров ленинградских заводов, и только когда нас 20 августа вывезли в эвакуацию, в курсантские батальоны добавили восемнадцатилетних ребят. Нам объявили: срок обучения ускоренный – 9 месяцев.

– Куда было эвакуировано училище? Какие знания успели получить курсанты-танкисты за столь небольшой срок обучения?

Училище эвакуировали в Магнитогорск, наш набор – всего два курсантских батальона.

Толком нас воевать не научили, весь период пребывания в училище запомнился совершенно нерациональным использованием времени для подготовки танкистов.

Техники для обучения не хватало, в училище было всего несколько танков Т-26, и только ранней весной 1942 года, прямо перед нашим выпуском, в училище прибыли Т-34, Т-50 и БТ-7.

Тренировки на Т-26 тоже «дорогого стоили», из-за маленького размера башни при стрельбе из пушки локти девать было некуда, на этом танке стрельба ведется скрещенными руками, при этом левая рука поворачивает орудие, а правая – башню. Учебных классов было мало, почти все время мы проводили в поле, на морозе, где занимались «изучением тактики боя», ходили «пешим по-танковому». Хоть и кормили нас три раза в сутки, но питание было скудным, и можно сказать почти без натяжки, что мы влачили полуголодное существование. А про холода первой военной зимы и сейчас вспоминать страшно, у нас были только тонкие «курсантские» шинели и кирзовые сапоги, и когда начались морозы, то, сами понимаете, чем для нас являлся каждый выход в поле на занятия. Кроме того, курсантов могли запросто послать выкапывать из-под снега гнилые кочерыжки капусты с колхозных полей или отправить на заготовку леса, так что наша подготовка была откровенно слабой. Перед выпуском из училища каждый из нас имел всего 2–3 часа вождения танка, и мы провели только одну учебную стрельбу боевыми снарядами – в составе экипажа курсанты стреляли по три снаряда…

Наше моральное состояние тоже оставляло желать лучшего, и не только из-за голода, была еще одна причина – курсантский набор был сплошь «питерский», и когда до нас дошли слухи, что происходит в блокадном Ленинграде, то многие из-за переживаний за своих родных места себе не находили, ведь наши

семьи остались в блокаде. Я на какое-то время потерял связь с родителями. Не знал, что с ними, что с моей одиннадцатилетней сестрой Женей.

Командиром курсантской танковой роты был капитан Погорельский, довольно приличный человек, а взводным нам поставили пехотинца, лейтенанта Василия Коробова, который с каким-то исступленным усердием лично занимался с нами штыковым боем… Вот вы, например, понимаете, зачем это было нужно танкистам на фронте? Я лично до сих пор понять не могу.

Коробов ежедневно перед строем, как «Отче наш», повторял свою любимую поговорку: «Армия – великая вещь! Она воспитывает воров, бандитов и хулиганов. И вас, студентов, она перевоспитает!» Еще одно явление стало для меня откровением. Резко менялось поведение тех, кого только вчера переодели в военную форму. Вроде собрали в батальоне «отборный человеческий материал», весьма образованных людей, но когда мы увидели, как «бывший интеллигент», поставленный на должность командира отделения или помкомвзвода, за считаные дни превращается в «шкуру» и «солдафона», начинает «рычать» на своих товарищей-курсантов и выслуживаться, то поняли, что способность сохранить в суровых армейских условиях культуру, порядочность и свои «довоенные» нравственные установки дана далеко не всем… Меня сначала назначили командиром отделения, но через пару месяцев сняли с этой должности. Я оказался «слишком мягким»: на своих ребят не орал как резаный и начальство «глазами не ел»… Не все ребята выдерживали «армейскую лямку», один наш курсант, парень из бывших аспирантов Ленинградской консерватории, полностью деморализованный голодом и тяжелой физической нагрузкой, стал «опускаться», и после очередной отсидки «на губе» его исключили из училища и списали в пехоту…

В училище я подружился с тремя ребятами. Впоследствии с двумя из них я получил назначение на фронт в одну танковую бригаду: Зяма Фукс, Витя Ястребов, а третий наш товарищ, Лева Пайор, попал в другую танковую часть.

О Викторе Ястребове надо рассказать отдельно: в его семье было семь братьев, и шестеро из них погибли на фронте. Витя погиб шестым из братьев, в своем первом бою.

Мы с ним служили в одной роте. Перед атакой он отдал свои документы комиссару роты, видно, чувствовал, что из боя уже не вернется… Так и получилось…

В марте 1942 года состоялся наш выпуск, мы получили звание лейтенанта и прибыли в Нижний Тагил, где формировались и отправлялись в действующую армию маршевые

танковые роты.

На конвейере работали почти сплошь женщины и подростки, все голодные, и я отдал все свои продовольственные талоны рабочим. Затем – погрузка в эшелон, танки ставили на платформы, и по «зеленой улице» мы поехали на запад. Командование роты: командир, политрук и зампотех – присоединилось к нам по пути. На какой-то станции танкисты обнаружили в тупике цистерну со спиртом, побежали к ней с ведрами и котелками, набрали «горючего» на дорогу, и на фронт мы ехали весело, как говорится, «спаивание личного состава» состоялось само собой.

За несколько дней мы добрались до места назначения, где формировался 5-й танковый корпус, которым командовал Герой Советского Союза Семенченко.

А дальше – передовая: Западный фронт, 70-я танковая бригада. Здесь мне достался танк под номером 777. Перед своим первым боем я не боялся, что меня сегодня могут убить, совсем об этом не думал, настроение у всех ребят было боевым, нас было много, а в коллективе страха не чувствуешь.

– Кто командовал 70-й бригадой и конкретно вашей ротой?

Бригадой командовали: сначала Коротеев, а потом его сменил Абрамов, молодой и смелый полковник. После Абрамова был какой-то майор, но и он быстро выбыл из строя по ранению. Фамилию своего первого комбата уже не помню.

Ротой командовал старший лейтенант Александр Фомин, политруком роты был неплохой парень, бакинец Григорий Задов, а зампотехом был техник-лейтенант Чайка.

Зампотех Чайка у нас считался «слегка контуженным». Как-то рота шла в бой по узкой гати, проложенной через болото, и три танка, один за другим, сползли с гати в «кювет». Следующим должен был идти мой танк. Чайка подскочил ко мне с пистолетом в руках и заорал: «Если в кювет слетишь – застрелю!» Но обошлось, мой танк прошел по гати без ЧП…

Экипажами в моей роте командовали Ястребов, Бухтин, Морозов, Яровой, Гнедаш, Кондратьев, Бибиашвили, и никто из них не дожил до сорок третьего года… Сорокалетний лейтенант Яровой был в роте самым старшим по возрасту, и он сгорел в танке в первом наступлении. Других ребят, командиров танков, сейчас уже точно по фамилиям не помню. В нашей бригаде были танки Т-34 и Т-70.

– Свой экипаж в 70-й ТБр помните?

Когда из тыла мы прибыли в бригаду, то многие экипажи маршевой роты поменяли.

Ко мне в экипаж пришел опытный механик-водитель Василий Конкин, который своим мастерством в бою не раз спасал себя и нас. Заряжающим у меня был очень хороший человек по фамилии Павлик. Стрелком-радистом был молодой парень, «западник», родом откуда-то из Бессарабии, а вот его фамилию я сейчас запамятовал. Мы были как одна семья.

Летом 1942 года меня хотели перевести в соседний батальон бригады, поменять местами с моим товарищем Зямой Фуксом. Фукс был очень прямой и принципиальный человек: кто-то его «задел по нации», а он не смолчал, поднялся шум, и комбриг приказал «рокировать евреев местами», видно, хотел в духе интернационализма вместо «плохого буйного Фукса» прислать «хорошего спокойного Бараша». Я, как только узнал об этом, пришел к комбригу и начал его просить, чтобы он не отлучал меня от моего экипажа, а если перевод в другой батальон неизбежен, то пусть переводят весь экипаж вместе с танком, мы же как братья стали.

Комбриг меня услышал, понял и отменил свой приказ.

Экипаж танка действительно должен быть как семья, как монолит, иначе – не выжить…

Все у танкистов делится на всех поровну: и кусок хлеба, и смерть…

Все лето и осень 1942 года нас постоянно перебрасывали с места на место вдоль нашей передовой линии, а на каждой стоянке экипажу надо вырыть аппарель для танка – 28 кубов земли для боевой машины и еще 8 кубов земли под землянку. По негласному правилу механик-водитель в земляных работах не участвовал, он приводил танк в порядок, проверял механизмы и натяжку гусениц. А мы втроем копали землю, и даже мысли не возникало, мол, я – командир и лейтенант, чего вдруг я лопатой должен махать? Стреляли по немцам со своих позиций, но наши танки часто бросали в разведку боем или в настоящие лобовые атаки.

– Хотелось бы услышать про наступление на Сычевку в конце 1942 года.

Посмотрел сводки донесений по 5-му ТК… Просто по цифрам потерь можно представить накал боев. 5-й Танковый корпус на 11/12/1942 в своем составе имел 131 танк, через два дня всего 24 танка в строю. 5-я МСБр за два дня наступления превратилась в усиленную роту: из 1700 человек личного состав в строю осталось 160 бойцов и офицеров…

Как наступали на Сычевку?

Так на Сычевку мы наступали и летом, и еще в ноябре, и потери тогда были ничуть не меньше декабрьских… А дело было так: на узком участке, на месте предполагаемого прорыва, собрали сразу два танковых корпуса, наша бригада оказалась на левом фланге.

Нам передали приказ: «Прорваться вперед и захватить рокадную железную дорогу, ветку Ржев – Сычевка».

Поддерживать нас должна была какая-то стрелковая дивизия, но, когда появилась эта пехота, мы сразу поняли, что «с ними каши не сваришь», пехота подошла к исходным позициям после длительного марша по заснеженным дорогам, стрелки от усталости еле передвигали ноги, а винтовки волочили за собой как плуги, за ремни…

Все танки выстроились в две линии, как на параде, потом была жиденькая артподготовка минут на пять, затем, по сигналу ракеты, танки рванули вперед, и моментально немецкая артиллерия открыла по нам огонь. Наступление не было подготовлено должным образом, разведка проворонила немецкие противотанковые минные поля, и батальон, который шел в атаку слева от нас, почти все свои танки потерял на подрывах на минном поле.

Немцы открыли огонь из ПТА, а когда мы все-таки прорвались вперед, то они поставили на прямую наводку 88-мм орудия… Одним словом, до линии железной дороги из двух корпусов дошло всего двадцать танков, и тут выясняется, что мы отрезаны от своих, пехота нас не поддержала, а немцы уже «подсуетились» и закрыли брешь в обороне за нашей спиной…

Мне ротный Фомин приказал погрузить на броню тяжелораненого комбата и еще нескольких раненых танкистов и прорываться к своим, иначе комбат истечет кровью. Через немцев мы прошли на скорости, как нож через масло, в нас не смогли попасть. Мы сгрузили раненых в санчасти, и я прибыл к штабу бригады. Мне приказали взять в танк какого-то незнакомого старшего лейтенанта, вернуться к месту прорыва на левом фланге и найти на минном поле подорвавшийся танк комбрига, сказали, что комбриг ранен и его надо срочно вывезти с поля боя.

А старший лейтенант оказался стажером из тылового училища и племянником командира корпуса. Тут еще подбегает наш интендант и закидывает в танк доппайки для офицерского состава. Я сказал стрелку-радисту, чтобы он оставался при штабе, сел в танке на его место, а старший лейтенант занял мое, командирское. Мы поехали на это минное поле, противотанковые мины в ящиках были видны из-под снега. И тут я заметил справа

от нас немецкое орудие на пригорке, и только успел крикнуть: «Пушка справа!», как болванка пробила броню. Старшего лейтенанта, сидевшего на моем месте, разорвало на две части, и вся кровь с него, оторванные куски его тело – все это на меня! Болванка разбила противовес орудия, и этот противовес раздробил ногу Павлику. Мне достался в ногу мелкий осколок от брони, который я потом сам смог вытащить, а Конкину осколок попал в плечо. Но танк еще оставался на ходу, и Конкин, одной рукой переключая рычаг скоростей, вел «тридцатьчетверку». Мы выползли с минного поля и тут увидели, как в глубокой воронке завяз наш Т-34, это был экипаж Фукса. Мы еще вытащили их из воронки и только тогда вернулись к штабу бригады. Кстати, Фукс выжил, после войны я встретил его в Ленинграде, он уже работал зубным врачом.

Санитары забрали Конкина и Павлика, потом вытащили из танка все, что осталось от «стажера», а я снегом и водой пытался смыть с себя чужую кровь и куски мяса.

Мне сразу дали нового механика-водителя, украинца по фамилии Кульвиц, это был неприятный нахальный тип, законченный алкоголик и жулик. Пока я смывал с себя кровь возле штаба бригады, Кульвиц погнал танк к ремонтникам, а потом быстро вернулся. Орудие и пулемет танка были безнадежно разбиты, отремонтировать их на скорую руку было невозможно, вооружение надо было менять полностью. Тут «нарисовался» комиссар бригады Черный и первым делом спросил:

– А где доппайки?

Посмотрели – а их в танке нет. Да после всего пережитого в этот день разве мог я еще думать о каких-то доппайках, когда на моих глазах людей разрывало на части прямо в башне моего танка, а другие мои товарищами заживо горели в танках на черном от копоти снегу?! Я ответил Черному:

– Не могу знать, товарищ комиссар!

Ведь только потом я узнал, что эти дополнительные командирские пайки стырил механик-водитель Кульвиц, пока гнал танк к ремонтникам, а потом он потихоньку их жрал и менял на спирт…

Затем комиссар спросил:

– Что с танком?

– Орудие и пулемет раскурочены!

И тут я услышал его приказ:

– Вперед! Иди и дави немцев гусеницами!

Я залез в танк, мы уже двинулись с места, и тут до комиссара дошло, что он сейчас ляпнул, и Черный, обуздав свою сволочную

комиссарскую сущность, отменил свой приказ… И ведь не людей он пожалел, которых отправлял на гибель в безоружном танке, а, скорее всего, побоялся ответственности за загубленный по его приказу Т-34, который нуждался в ремонте. Мне эти доппайки потом еще боком вышли. Когда наступление закончилось тем, чем оно закончилось, командир корпуса приказал наградить всех выживших командиров танков, чьи машины прорвались к «железке», орденом боевого Красного Знамени, а членов экипажей – отметить орденами ступенью ниже.

Но тут вмешался комиссар Черный, заявил, что я должен понести серьезное наказание за «утрату пайков», потребовал отменить мое награждение, и вместо ордена Красного Знамени мне дали медаль «За отвагу». Васю Конкина наградили орденом Отечественной войны, а заряжающего Павлика – орденом Красной Звезды…

– Что было с бригадой после этого неудачного наступления?

Я не знаю, что дальше происходило с 70-й ТБр, поскольку впереди меня ждала долгая «кочевая жизнь» по «безлошадным» танковым резервам. В декабре 1942-го я со своим покалеченным танком находился при ремонтниках, которые обещали привести танк в порядок, но дело стояло на месте. Механик-водитель каждый день нажирался антифризом и спиртом, который пил кружками, и мне надоело видеть его пьяную рожу. Бездействие угнетало.

Поступил приказ – меня вместе с танком, а также всех безлошадных танкистов передать в другую бригаду, которая должна получить технику. Не помню уже точно номер бригады, я там долго не задержался по следующей причине. Нас собрали в этой бригаде, и тут я «приобрел» себе врага в лице замполита батальона старшего политрука Костенко. Он евреев ненавидел, этого не скрывал и решил сделать из меня «жертву», стал ко мне придираться по разным мелочам, его не устраивал «жидок с гонором», и он меня «доставал до предела», но поломать не смог. Костенко бесился, я тоже. Я решил его пристрелить. Мне было все равно, плевать: расстреляют меня за этого комиссара или через трибунал отправят в штрафбат. Когда я сказал этому Костенко при всех, прямо в лицо, что он последние дни по нашей грешной земле ходит и что я его обязательно застрелю, то меня сразу «сплавили» из бригады в распоряжение отдела кадров ГБТУ, а оттуда я попал, кажется, в 95-ю ТБр. Но и в этой бригаде не было матчасти для всех, никто не знал, что делать с нами, «безлошадными». Мне сказали, что я назначаюсь командиром

танка командира корпуса, но где этот танк? Уже началась весна, начал таять снег, бригада стояла считай что в открытом поле, а я ходил в мокрых валенках, ночевал то на снегу, то на земле. Колонна бригады все время куда-то передвигалась, и мне почему-то запомнилось, как на одной из ночных стоянок я лег спать на снег под ремонтную «летучку» и слышу, как оружейный мастер «разоряется» в адрес «проклятых жидов в Ташкенте». Я вылез из-под машины и пошел ему бить морду, но оружейник начал «оправдываться»: «Лейтенант, ты меня не так понял, ты же наш еврей, наш, свой в доску, понимаешь, а вот остальные…»

Наступил апрель, новая матчасть для нас так и не прибыла, ребята стали говорить, что наше фронтовое направление стало второстепенным и танков мы еще долго не дождемся.

Как в воду глядели. В один прекрасный день всех «безлошадных» офицеров отправили в Москву, в отдел кадров штаба БТ и МВ РККА, и здесь я получил назначение в 19-й танковый корпус.

– И что ждало вас в новой части?

В штабе корпуса, в отделе кадров, после того как я заполнил анкету по учету личного состава, кадровики, увидев, что я бывший студент и имею боевой опыт, сразу отправили к начштаба корпуса полковнику Шаврову.

Полковник Шавров был неординарной личностью во всех отношениях, в возрасте 26 лет он уже имел звание полковника, являлся смелым танковым командиром, а когда в 1943 году был назначен на должность начальника штаба корпуса, то удивлял всех своими организаторскими способностями и глубоким знанием дела во всех аспектах штабной службы.

После войны Шавров стал генералом армии и командующим округом.

Его заместителем, ПНШ по оперативной части, был майор Яков Беркман, очень умный и достойный человек. Мы с ним стали товарищами. Беркман недавно ушел из жизни.

Полковник Шавров после короткой беседы со мной сказал, что ему нужны толковые офицеры на должность «офицер связи штаба бригады» и что приказом по корпусу я назначаюсь на эту «работу» и направляюсь в 202-ю танковую бригаду.

– Что включает в себя понятие «офицер связи штаба бригады» или «штаба корпуса»?

Функции весьма простые: держать связь с батальонами во время боя, передавать приказы и проверять исполнение этих приказов, проводить колонны танков по назначенным

маршрутам, вести разведку в районе боевого соприкосновения с противником.

Эту должность еще называли так – «офицер для особых поручений». Я числился по спискам в штабе 19-го корпуса, но почти все время находился в 202-й танковой бригаде.

– Как восприняли новое назначение – как «карьерный рост» или как «отсрочку от неминуемой смерти»?

Честно скажу, что я об этом тогда не задумывался, поскольку был еще молодой и плохо представлял, в чем будут заключаться мои функции. Мне приказали вступить в должность – и я беспрекословно выполнил приказ, это же армия. Весной 1944 года я уже был капитаном и помощником начальника штаба бригады по оперативной работе, и с этой должности я отправился на учебу в Академию БТ и МВ. Для офицера, начинавшего воевать простым лейтенантом, командиром танка, – это являлось безусловно карьерным ростом, но я на войне «теплых мест» и сытой спокойной жизни не искал… Шансов выжить у офицера связи бригады в сравнении с командиром танкового взвода, конечно, было намного больше, но тут все зависело от действий комбрига – куда он тебя сегодня пошлет: в самое пекло, к черту на рога, туда, где не поймешь, где немцы, а где наши, или комбриг не будет тобой попусту жертвовать, как «пешкой на шахматной доске», и подумает, перед тем как отдать офицеру связи очередной приказ.

У офицеров связи смерть была другой, чем у рядовых танкистов – они обычно погибали не в горящих танках, а от пуль и осколков в чистом поле.

Даже личное отношение комбрига к тебе играло свою роль. Не понравился ты ему как человек, так он тебя уже завтра пошлет туда, откуда живым никто не возвращается.

Но вот еще одна особенность этой должности – офицер связи штаба бригады всегда, как говорится, «под рукой», и когда из строя выбывали командиры рот и заместители комбатов, то комбриг мог со спокойной душой приказать принять под командование остатки танковой роты и повести их в атаку. У меня такое было. Или, к примеру, взять роту танков и провести разведку боем.

Могли приказать находиться в головном дозоре, впереди передового рейдового отряда, как это было у меня в Крыму. От смерти я не был застрахован, разница только в том, что, оставаясь командиром танка или взвода, я бы обязательно сгорел в танке еще на Курской дуге или в боях на реке Молочной, а так судьба и слепой случай оставили меня в живых.

Кстати, почти все офицеры связи 202-й ТБр, как и большинство других офицеров бригады, погибли осенью 1944 года в Прибалтике. В Латвии – это место, кажется, называется Добеле, – наша бригада была брошена на помощь двум нашим стрелковым дивизиям, оказавшимся в окружении, и здесь бригада сама попала в западню, была разбита, и очень многие мои товарищи погибли в те дни.

– Как проходили такие танковые разведки боем?

Одна из таких мне хорошо запомнилась. На Курской дуге дело было. Комбриг вызвал меня к себе: «Возьми роту танков, пойдешь в разведку». Я повел семь танков по широкой «нейтралке» вдоль линии фронта, вызывая огонь на себя, и тут на очень низкой высоте над нами появились два немецких истребителя и стали облетать нашу колонну.

По какой-то непонятной причине немцы не стали открывать по нам огня, а иначе всех нас там сожгли бы к такой-то матери… Когда задача была выполнена, я повернул колонну по направлению к своей передовой. Мой танк был головным, и тут вижу, как к моему танку бежит офицер с пистолетом в руках, орет: «Не сметь!» Это оказался командир артиллерийского полка, который испугался, что его бойцы подумают, что это то ли наши танки отступают, то ли немецкие наступают, и побегут в панике. Пришлось выводить танки с «нейтралки» в свой тыл по одному.

– Бригаду на Курской дуге сильно потрепало?

Там всем танковым бригадам досталось…

Потери были ужасными. На Курской дуге бригада имела «ленд-лизовскую» матчасть – в основном «Валентайны», и когда бригаду отвели в тыл на переформировку, то в ней оставалось всего пять танков. Мы стояли левее Понырей километрах в пятнадцати, и был момент, что штаб бригады был вынужден отойти на два километра на восток, но на следующий день наши батальоны отбили свои позиции. Здесь погиб командир батальона Петренко, хороший товарищ и командир…

Меня все время посылали с приказами из одного батальона в другой, огонь не затихал ни на минуту, но особенно врезалось в память, как «стая» бомбардировщиков бомбила поле, по которому я бежал в передовой батальон. Бомбы ложились очень плотно, и я как заяц петлял между разрывами, а потом сам не мог поверить, что меня не задело осколками.

Я был свидетелем одного курьезного эпизода. Комкор орет на одного комбрига, который отступил с занимаемых позиций, а комбриг оправдывается: «Так это я не отступаю. Это я так

маневрирую задним ходом». С тех пор в нашем корпусе эта фраза стала крылатой.

На переформировке мы были под Наро-Фоминском, там мы простояли недели две, а затем нас отправили на мелитопольское направление, где в районе реки Молочной шла очередная бойня. Мы ждали, пока пехота пробьет немецкую оборону и наш корпус войдет в прорыв, но когда мы увидели, сколько там нашей пехоты погибло, то настроение у всех сразу стало похоронным. Здесь мы увидели целые немецкие танки, брошенные экипажами из-за отсутствия горючего. Смотрели, как колонны сдавшихся в плен немцев конвоируют в наш тыл такие же военнопленные, только румыны, – это вообще казалось «театром абсурда».

На подходе к Мелитополю произошел один бой, о котором стоит рассказать.

Бригаде был придан кавалерийский полк, мы подошли к какому-то селу, которое немцы остервенело обороняли. Сначала кавалеристы пошли в атаку в конном строю, но немцы прицельным огнем их быстро завернули назад. Потом пошли наши танки и нарвались на немецкие 88-м орудия, три машины сожгли за минуту. Тогда комбриг приказал выстроить в линию все танки, автомашины, мотоциклы, все что есть, вплоть до полевых кухонь, кавалеристы тоже выстроились в одну линию. Своего рода психическая атака.

Когда немцы увидели эту цепь, от края до края, то не выдержали подобной «демонстрации» и без боя бежали из села, бросив орудия и машины. Мне там достался трофей – мотоцикл «Цундап» с коляской, который мне, как говорится, служил верой и правдой, а то раньше приходилось все своими двумя ногами топать из роты в роту под немецким огнем, «трамвай Е 11», а теперь стал «королем на именинах» – с личным транспортом. Этот «Цундап» проходил по любой грязи лучше, чем американский «Виллис».

– Кто командовал бригадой в этот период? Что за люди служили в штабе 202-й ТБр?

В 1943 году комбригом был подполковник Лебедев Николай Михайлович, говорили, что он из гражданских, а не кадровый. Лебедев был интеллигентным спокойным человеком, сам лично в бой не ходил, и, прямо скажем, люди с таким мягким характером, как у него, не очень подходили на роль танковых комбригов. Затем его сменил полковник Фещенко Михаил Григорьевич, грубый, смелый, решительный офицер, пользовавшийся всеобщим уважением в бригаде. Фещенко на своем танке шел в Крыму впереди передового отряда, рисковал жизнью, как простой

танкист. Люди в бригаде это видели и ценили смелость полковника. У меня с ним сложились хорошие отношения. Начальником штаба бригады был подполковник Байков, его сменил подполковник Баривский Борис Григорьевич, еврей, который в 1944 году ушел на повышение, его назначили командиром бригады на Дальнем Востоке. Начальником политотдела бригады был подполковник Калугин, который меня ненавидел и, как мог, пытался подставить, а когда на мое имя заполняли наградные листы, то Калугин порывался их отменить, под предлогом что «Бараш числится в списках штаба корпуса, пусть там его и представляют».

Два раза ему это не удалось сделать, я получил орден Красной Звезды за Курскую дугу и орден Отечественной войны за бои под Мелитополем, а за Крым меня представили к ордену боевого Красного Знамени, но я не успел его получить, поехал на учебу в академию, при этом знал, что мой наградной лист, подписанный Фещенко и комкором, был уже в штабе армии.

А потом этот наградной лист куда-то «потерялся», не иначе как Калугин постарался.

Когда я оставлял бригаду, то замполит мне написал «нейтральную» партийную характеристику, мол, не совсем «наш человек»…

Замполитехом бригады был майор Окопный.

Командиром противотанковой батареи в бригаде был отличный парень по фамилии Федоскин. Офицерами связи от штаба 19-го корпуса в бригаде, кроме меня, были капитаны Черкасов, Бойко и старший лейтенант Рак. С Черкасовым я случайно встретился после войны под Хабаровском, когда попал служить в полк, которым он командовал.

Штаб танковой бригады – это очень небольшая группа людей, примерно 8—10 офицеров, несколько писарей и пара девушек-машинисток. В тылах бригады также находились ремонтники, автовзвод, санрота, еще несколько малочисленных вспомогательных и специальных подразделений: химики, саперы, службы ГСМ и ПФС и хозяйственный взвод.

– 19-й ТК в официальной истории ВОВ отмечен как первая армейская часть, ворвавшаяся в Крым со стороны перешейка. Насколько это соответствует действительности?

Так и было, все честно и правильно написано. Комкор генерал Васильев 1/11/1943 лично с 18 танками и группой кавалеристов и саперов в составе штурмового передового отряда прорвался в Крым в районе Турецкого вала, где был окружен. Немцы их сильно прижали, и дошло до того, что Васильев, собрав

уцелевших бойцов и офицеров, сам повел их в атаку в пешем строю, был ранен, но благодаря его решительным действиям бойцы пробили коридор из окружения к своим, и так возник первый плацдарм. Через два дня к ним на помощь пришла 101-я танковая бригада.

Я, кстати, на мотоцикле шел впереди колонны отремонтированных танков из 101-й ТБр, идущей на помощь к окруженным, но сел в коляску, а не за руль. На каком-то ухабе водитель не справился с управлением, мотоцикл перевернулся, и меня там здорово побило…

В декабре 1943 года нас перебросили под Никополь, к Днепру, где до конца января корпус вел бои, а потом нас вывели на переформировку и пополнение на станцию Партизаны.

Но основные боевые действия в Крыму корпус вел в апреле – мае 1944 года, когда мы, освободив Джанкой, Зую, Симферополь, с севера полуострова с боями дошли до моря, до Севастополя.

– Что особенно запомнилось из «Крымского рейда»?

11 апреля бригада пошла в прорыв, в передовом отряде, кроме танкистов, были приданные нам самоходчики, рота мотоциклистов и две роты мотострелков.

Внезапной для немцев атакой был взят Джанкой, на подступах к станции были захвачены немецкий бронепоезд, в котором находился генерал-майор вермахта, и эшелон, составленный из нескольких пассажирских вагонов, в котором ехали только немецкие офицеры.

На самой станции стояли целыми сотни вагонов с различным имуществом и боеприпасами и, как всегда, несколько цистерн со спиртом. Все, как водится, сразу перепились, и если бы немцы очухались, собрались бы с силами и захотели бы без промедления отбить Джанкой, это бы не составило для них большого труда. Появились крымские партизаны, началось братание, а затем партизаны показали нам уязвимые места в немецкой обороне и дорогу на Зую.

Утром мы оставили взятых в Джанкое пленных немцев под охраной партизан и двинулись дальше. И тут мы увидели, как внизу, по шоссе на Симферополь, проходят немецкие колонны. Комбриг Фещенко приказал устроить засаду: две самоходки прошли несколько километров вперед, еще две «сушки» сместились назад, и, когда самоходчики своим огнем «закупорили» огромную колонну с двух сторон, то наши Т-34 по сигналу стали бить сверху по попавшим в ловушку немцам, а потом танки ринулись давить и расстреливать всех, кто был на шоссе. Это было настоящее избиение! Истребление «до

последнего немца»!

Но там не только немцы были, к нам в плен попались и «власовцы», которых сразу расстреляли на месте, и даже одна баба, жена полицая, но и ее пристрелил какой-то сержант из роты мотоциклистов. Затем мы с боем захватили Зую, а когда стали прочесывать этот райцентр от спрятавшихся недобитых немцев, то я в темноте отстал от своих. Весь отряд ушел вперед, а я один, с пистолетом в руке, пошел по дороге. Подхожу к мосту через реку и чувствую чей-то взгляд, явно ощущаю, что кто-то на меня смотрит. Впервые на войне мне стало страшно именно в эти минуты. Я прошел через мост, а потом меня догнал «Студебекер» с нашими бойцами, в кузове – шесть пленных немцев. Спрашиваю:

– Немцев в Зуе выловили?

– Нет, тут совсем рядом взяли, под мостом поймали…

И почему эти немцы меня на мосту не убили, ведь я же шел совсем один?

Затем последовал приказ снова оседлать шоссе на Симферополь и не дать немцам отойти к городу. Танки встали в засаде слева от дороги, а роту автоматчиков посадили в скалах, над дорогой. Никто не ожидал, что на третьи сутки рейда мы окажемся в ста с лишним километрах за линией фронта. Рядом с нами на поляне сел на вынужденную посадку По-2, летчики приняли нас за немцев и приготовились стреляться из личного оружия, хорошо, что не успели покончить с собой, вовремя разобрались. В темноте нас окружили партизаны, но с атакой не торопились, засомневались, а вдруг это свои?! Послали вперед пленного румына, и когда наш часовой крикнул: «Стой, кто идет?!», партизаны себя обнаружили, поверив, что перед ними не отступающие немцы. Но и немцы не дремали, у них тоже впереди шла разведка. Заметив танки, они решили бесшумно пройти по горам, по тропе в скалах, по-тихому стали вырезать наших мотострелков, убили ножами нескольких, включая ротного, но кто-то поднял тревогу, и завязался ночной бой.

Запомнилось, как старшина роты автоматчиков привел на рассвете шестерых немцев, взятых в плен, все они были из войск СС. Старшина после гибели своего ротного озверел и стал убивать немцев по одному. И только один из пленных валялся на коленях и умолял о пощаде, а остальные эсэсовцы принимали свою смерть молча, не отводя глаз, в которых горела ненависть к нам… Потом мы разбили еще одну автоколонну немцев, отходящих к Симферополю. Когда стали осматривать, проверять, что осталось от этой колонны, вдруг из-под обломков выползает толстый немец и бросается ко мне с криками: «Гитлер капут! Я пекарь, я австриец! Гитлер капут!» В этот момент прямо над моим ухом

просвистела пуля, и австриец упал замертво: убит наповал. Я обернулся назад, а это наш бригадный врач в него из пистолета выстрелил.

У нашего врача немцы всю семью уничтожили, и, значит, он имел личное право мстить и убивать, даже если немец сам поднял руки и сдался в плен.

Ворвались в Симферополь и чуть не ошалели – по всем канавам текло вино, только от одного запаха можно было опьянеть. Оказывается, кто-то уже распорядился вылить на землю все запасы вина с местного винзавода, чтобы наступающие части не перепились…

Затем была недолгая передышка, а далее мы пошли на Севастополь.

– Кстати, по поводу Севастополя. Один ветеран корпуса, бывший штабной работник, в своих мемуарах написал, что 19-й ТК еще в конце апреля мог свободно захватить город, но по непонятным причинам этого не произошло. Вы бы не хотели прокомментировать подобное утверждение?

– Это не более чем пустые слова… Понимаете, после освобождения Севастополя офицеры обсуждали между собой этот момент, мол, почему мы город не взяли с ходу, в конце апреля. Все считали, что причина была в следующем – генерал Васильев был ранен осколками бомбы еще 10 апреля, и вместо него в командование корпусом вступил его заместитель по строевой полковник Поцелуев, человек нерешительный, не смевший самостоятельно принимать серьезные решения в боевой обстановке, и якобы поэтому Поцелуев испугался ответственности за возможную неудачу и не отдал приказ «…без промедления, пользуясь паникой и неразберихой у немцев, на «плечах противника» ворваться в город и захватить его», тем самым упустив момент. Не пошел на самоубийственную авантюру. Возможно, что так и было… Не могу ничего утверждать… Все штабные офицеры потом говорили: вот если бы кто-то из комбригов, например Хромченко или Фещенко, заменил бы раненого генерала Васильева, все было бы иначе. Хромченко, как и Фещенко, был хорошим человеком, смелым и толковым офицером. Погиб комбриг 101-й ТБр Хромченко в самом конце севастопольских боев – то ли свой, то ли немецкий легкий бомбардировщик, похожий по силуэту на По-2, ночью скинул бомбу прямо в открытый люк танка, в котором находился Хромченко.

Но если не заниматься пустой демагогией, то возникает такой вопрос: в 19-м корпусе на тот момент оставалась только

половина танков, пехота еще где-то плелась сзади по крымским степям – разве могли танкисты такими малыми силами захватить Севастополь и удержать его до подхода стрелковых частей? Вряд ли, тем более если принять во внимание информацию, которая сейчас стала известной из архивных документов – в Севастополе в этот момент скопилось свыше семидесяти тысяч немцев, эвакуация которых шла полным ходом.

Да немцы бы все наши танки перебили на раз-два, костьми бы легли, но продержались до подхода своих кораблей! Я своими глазами видел, как пытались взять Сапун-гору фактически с ходу, еще в двадцатых числах апреля. Пригнали несколько батальонов штрафников, послали бедолаг в атаку на Сапун-гору, а немцы их полностью истребили за первые десять минут боя, а потом нам сказали, что это не штурм был, а так, просто «разведка боем», но все знали, что это была самая что ни на есть попытка прорваться к Севастополю.

Но когда через десять дней был предпринят новый штурм, то для артподготовки собрали всю артиллерию из двух армий: артиллерийские орудия, поддерживающие атаку, стояли в первом ряду вплотную друг к другу, колесом к колесу, настоящим «частоколом», во втором ряду вели огонь сотни минометов, поставленных в линию, а сразу за ними стояли цепью наши танки и непрерывно стреляли по немецким позициям. Да еще добавьте ко всем перечисленным стволам полки реактивной артиллерии и волны штурмовиков Ил-2 – один полк отбомбился, сразу на штурмовку прилетает другой. Это был шквальный залповый непрерывный огонь, настоящий смерч, казалось, что после каждого залпа на Сапун-горе не должно остаться ничего живого, но куда там, несмотря на сильнейшую артиллерийскую поддержку, наши бойцы немцев целый день выкуривали с этих позиций…

– Что происходило на Херсонесе 12 мая?

Я лично не был на Херсонесе в этот день, но наши офицеры из штаба корпуса мне на следующий день рассказывали, что там немцам устроили… Офицеров и «власовцев» выстраивали на краю обрыва, затем расстреливали или скидывали с кручи в море, топили с камнями на шее, точно так, как в фильме «Мы из Кронштадта» белогвардейцы топили балтийских матросов… В Крыму весной 1944 года немцев в плен брали по возможности, не было приказа или общей установки – «воюем без пленных», но Херсонес… Это отдельная история… Это была заслуженная кара за июнь – июль сорок второго года…

В самом начале рейда, в только что захваченной нашим

передовым отрядом деревушке, местные жители нам выдали место, где прячутся двое немцев, и мы поймали двух здоровых бугаев в маскировочных халатах и с рацией. И сначала никто не собирался их убивать, но мы находились в рейде по немецким тылам, куда нам было их девать? Поставили их к стенке…

– Как местное татарское население встречало бойцов Красной Армии?

О том, что большинство татарского населения в Крыму поддерживало немцев, мы узнали от партизан, а до этого я только слышал от ребят, воевавших в Крыму в 1942 году, что татары к красноармейцам относились негативно, но значения этим словам не придавал.

И что получилось? Веду колонну танков к Севастополю, на пути татарская деревня. Спрашиваю у одного местного жителя дорогу – как лучше и быстрее проехать, он мне рукой показывает направление. И надо было его взять с собой, посадить в коляску мотоцикла, а я этого не сделал. Поехали дальше, а эта «дорога» постепенно переходит в узкую горную тропу… За моей спиной батальон танков, которым там не развернуться, а за задержку с выводом колонны в указанную точку, на исходные позиции, меня запросто могли отдать под трибунал… Но тогда все обошлось…

Захватываем другую татарскую деревню, где танкисты поймали не успевшего сбежать местного полицая и сразу его повесили на столбе, а утром проснулись, а в петле вместо трупа полицая уже висит наш боец… Из Севастополя 202-ю бригаду отвели на отдых в татарское село, нас распределили на постой по домам, и я попал на ночевку в дом к одному старику-татарину, который выглядел славным человеком, обычным сельским тружеником. Старик накормил нас от всей души, показывал фотографию своего сына, который служил еще до войны матросом на Балтийском флоте. Утром просыпаюсь, слышу, как корова мычит, а в доме никого нет. Оказывается, ночью всех татар из села выселили пограничники, а я даже на шум не проснулся…

– Давайте перейдем к «стандартным и общим» вопросам. Как вы оцениваете роль политработников в танковых частях?

А тут мне долго не надо думать над ответом. По моему личному мнению, в танковых частях политработники были «лишним балластом», толку от них не было никакого.

Для поддержания дисциплины в бригаде хватало одного заместителя комбрига по строевой части – «старпома на корабле».

В тех танковых бригадах, в которых мне довелось служить, политработники танковых батальонов в атаки в составе экипажей

не ходили! Точка… Один-единственный раз, в конце сорок второго года, в наступлении на Сычевку, о котором я вам уже рассказывал, я увидел, как бригадные политруки пошли вместе с танкистами в бой. В штабе перед наступлением они выпили грамм по двести с гаком, посмотрели, как танки сразу двух корпусов своей стальной армадой изготовились к атаке на исходных позициях, и, видимо, настолько уверовали, что такой силищей мы всем немцам быстро кишки на траки намотаем, что, подогретые водкой и общим наступательным порывом, наши политработники и несколько штабистов по своей воле вскочили на броню танков и вместе с танкодесантниками поехали с нами в атаку. Но немцы весь танковый десант быстро покрошили пулеметным и орудийным огнем, я потом из этой группы никого в штабе не видел, скорее всего, они все полегли на поле боя… Там перед наступлением действительно был такой мощный массовый душевный порыв разбить врага, что, наверное, последний обозник из хозвзвода прибежал бы с винтовкой в первую цепь и пошел бы в атаку…

В мотострелковом батальоне бригады были свои комиссары, которые шли в атаку по своей должности, им иначе было никак нельзя. А в танковых ротах и батальонах нам политрук толкнет «зажигательную речь перед боем» – потом мы в атаку идем погибать, а он в бригадный тыл, обедать. Все уже поделено, кому сегодня помирать, а кому газету в штабной избе почитывать. Как можно было верить таким людям? Это же был верх лицемерия!

Я стараюсь выразить свое личное мнение беспристрастно, не оглядываясь на свой печальный опыт общения с комиссарами, с такими типами, как Черный, Костенко и Калугин, но хоть бы раз кто-то из политруков в своих «беседах» с танкистами прямо и открыто сказал: «Мы воюем с сильным, хорошо подготовленным, стойким, опытным и жестоким врагом…» Так нет, им такие слова нельзя было произносить, во всех этих политбеседах обязательно присутствовали нотки шапкозакидательства, мол, немцы все «дебилы и недоноски», да мы их в следующий раз одной левой и так сделаем и этак, под «руководством великого мудрого вождя всех народов»…

Я на фронте вступил в кандидаты ВКП (б). Пришли из политотдела к танкистам и сказали: «Пишите всей ротой заявления на прием в партию: хочу в бой идти коммунистом!» И куда деваться? Откажешься, сразу начнут копаться в личном деле, а там «полный набор»: и отец был под следствием по 58-й статье, и дед – «далеко не пролетарий». Я и написал…

– Наличие «особистов» в танковой бригаде как-то влияло

на боевой настрой личного состава?

«Особисты» себя сильно не «акцентировали» в танковых бригадах, я по крайней мере с ними на войне столкнулся всего один раз. У нас стрелок-радист танка, находясь не в боевой обстановке, без приказа включил танковую рацию, вышел с кем-то на связь и якобы что-то передал по рации. Сразу пришли два особиста, один из них был в звании старшего лейтенанта, и арестовали его, но что там было дальше, я не помню. Простые танкисты панического страха перед особистами не испытывали, а самые отчаянные лейтенанты могли их просто ко всем матерям послать, сами подумайте – ну что они могли нам сделать, если мы и так уже считали себя смертниками и наша судьба заранее предопределена свыше – сгореть в очередной танковой атаке. Но чем дальше от передовой, тем более чувствовалось, что «эти» товарищи «не дремлют, бдят»… Показательных расстрелов у нас в бригаде не было, случаев явной трусости в бою тоже не припомню, так что у нас смершевцам особо негде было развернуться.

Тот факт, что чекисты моего отца сажали в 1937 году, я им в душе не припоминал, но есть одна вещь, которую нельзя простить энкавэдэшникам. Благодаря этим чекистам психология людей была деформирована, атмосфера всеобщего тотального доносительства уже после войны стала вообще «правилом хорошего тона», «нормой жизни». «Стучали» на своих товарищей не только ради должностей, званий, а уже просто так, «по зову сердца»…

Вот вам два примера. На последнем курсе учебы в Академии БТ и МВ нас послали на преддипломную практику и подготовку дипломного проекта, которая могла продлиться до полугода. Меня направили в Ленинград, на Кировский завод, и со мной вместе поехал в Ленинград на практику один из наших офицеров, Киселевский. Я-то сам питерский и сказал Киселевскому: «Ну что ты будешь мыкаться в заводском общежитии, живи у нас, в нашей квартире».

Дома показал ему семейную коллекцию марок, среди которых советских было мало, сплошь заграничные марки. Закончилась практика, вернулись в Москву, а потом узнаю, что Киселевский на меня донос накатал «особисту» академии, доложил, что Бараш – «космополит», имеет коллекцию заграничных марок и, видимо, держит связь с «за бугром». Этому доносу не дали ход, мы уже выпускались в войска. Получаю распределение в ЛВО, но мой однокурсник по фамилии Золотой стал меня слезно упрашивать, чтобы я поменялся с ним распределением, так как ему в Ленинграде есть где жить с семьей и маленьким ребенком, а если

его зашлют «в Тмутаракань», то он будет маяться по съемным углам. Мне было все равно, где служить, я с ним поменялся, и в Москве мне дали новое назначение, еще лучше прежнего – в ОГСВГ, в Германию. Я стал служить в Берлине в городской военной комендатуре, в отделе автотранспорта города.

Один из новых сослуживцев повел меня к себе в гости. Жил он в добротном красивом двухэтажном особняке, в котором до мая 1945 года проживал чуть ли не простой немецкий заводской слесарь. Я впервые увидел, «как буржуи жили на Западе», и, глядя на обстановку в квартире и архитектуру дома, сказал, не подумавши, несколько добрых слов в адрес немцев, мол, умеют работать и жить. Сослуживец сразу донос на меня написал в Особый отдел: «восхваление капиталистического строя». Меня предупредили, мол, товарищ майор, будь осторожен в следующий раз в своих высказываниях, тебя взяли в разработку. Но когда через месяц-другой я окунулся в атмосферу берлинской комендатуры, мне просто стало противно, здешние офицеры строчили доносы друг на друга в погоне за званиями и должностями и в страхе, что их из этого «райского места» вернут служить в Союз. Убирали «конкурентов на продвижение» проверенным в 1937 году методом: «стукнул чекистам», а уж за ними дело не встанет, рукава закатают, и «пошла писать губерния»…

Я написал рапорт с просьбой перевести меня на службу обратно в СССР, и мой рапорт был моментально удовлетворен: кому-то я «освободил кресло» и был направлен служить на Дальний Восток. В Хабаровске, в окружном отделе кадров, меня спрашивают:

– Где хотите служить? Здесь или на Курилах?

– На Курилах.

За мной заходит другой офицер за назначением и ему задают тот же вопрос, на который он ответил, что хочет остаться в Хабаровске, так как у него двое маленьких детей. Но ведь как «кадровики» над людьми издевались – его отправляют служить на Курильские острова, а меня оставляют под Хабаровском. Так зачем было такой вопрос вообще задавать?

– А как вас в академию приняли? Насколько я знаю, с 1945 года существовал полный запрет на прием евреев в Бронетанковую академию имени Сталина?

Запрет на прием евреев в эту академию распространялся на первых порах только на командный факультет и действовал только с 1946 года, и то соблюдался он частично, даже в 1947 году на командный факультет могли принять еврея, если он

Герой Советского Союза. Так, например, взяли Маковского и Кравеца. На том же факультете был капитан Лейбович с шестью орденами. Офицеров-евреев тем не менее без ограничений принимали на учебу на Высшие бронетанковые курсы в Ленинграде.

Но начиная с 1948 года двери очных отделений Бронетанковой академии, «ленинградских курсов» и Академии имени Фрунзе захлопнулись для евреев окончательно, после того как Сталин всех евреев бесповоротно зачислил в «безродные космополиты».

Однако на заочное отделение инженерного или автотракторного факультета евреев еще иногда принимали по «процентной норме», как при царе-батюшке в гимназии – не более двух человек на курс… После смерти Сталина «процентная норма» на прием в академию была сохранена.

Я во время войны всего пару раз сталкивался с открытым проявлением негативного отношения к евреям и не чувствовал себя ущербным «инвалидом по 5-й графе».

Там, где мне довелось служить в военные годы, не было махрового антисемитизма.

Обычно отношение к евреям среди танкистов было хорошим, нормальным, тем более что вся инженерная служба и связь в танковых бригадах по традиции держалась на евреях.

В 202-й бригаде даже Калугин хоть и «давил» меня, но не рисковал сказать вслух кому-то из нас что-нибудь в стиле: «Ты, …, жидовская морда».

После войны я честно служил там, где Родина прикажет, тянул свою армейскую лямку, не имея никаких карьерных амбиций, не стремясь к должностям и званиям.

Но никто из моих товарищей по службе не мог объяснить один факт: почему офицер Бараш, фронтовик, трижды орденоносец, имеющий высшее академическое военное образование и не имеющий ни единого взыскания по службе, уже 14 лет ходит в звании майора, несмотря на занимаемые должности, и почему все представления на звание подполковника без каких-либо объяснений «заворачивают» еще в штабе округа? Я не умел заводить нужных для продвижения наверх связей, не пил в компаниях с «важными» людьми из штаба округа, поскольку вообще был непьющим, и, возможно, чтобы выбиться в полковники, надо было себя «прогнуть», но я так не мог, не хотел и не умел… Даже когда генерал армии Шавров стал командующим нашим округом и в первый раз с проверкой приехал к нам в часть, я не стал подходить к нему и напоминать о себе, чтобы никто из офицеров не подумал, что я пытаюсь

воспользоваться «старыми фронтовым связями» для продвижения по службе.

– Где после войны служить довелось?

После перевода из Германии на Дальний Восток я прослужил до 1955 года под Хабаровском, есть там такой городок – Завитинск. Потом меня направили служить в Ленинградский военный округ, служил на танковой рембазе под Выборгом, затем помощником начальника техслужбы полка, инженером на окружном танковом полигоне ЛВО, а последним моим местом службы до увольнения из армии в 1972 году было ОКБ танкового завода, и, уже будучи военным пенсионером, я продолжил трудиться инженером технического отдела на этом заводе.

– А как именно проводился набор в Академию БТ и МВ в 1944 году?

В конце мая 1944 года меня вызвали в штаб и объявили, что я отправляюсь на учебу в академию в Москву. Я отказался, сказал, что война еще не кончилась и мне в Москве сейчас делать нечего, но меня стали уговаривать:

– На корпус пришла разнарядка на одного человека, и только ты под ее требования подходишь. Требования к кандидату на учебу: офицер-танкист в звании от капитана и выше, обязательно имеющий кроме военного танкового училища образование – как минимум два-три курса института за спиной, участник боев, отмеченный наградами. Из бывших студентов подходишь только ты. Не мнись! Да любой бы на твоем месте согласился, такая удача раз в жизни бывает! Мы на тебя представление на Красное Знамя послали, хватит тебе воевать. Давай, соглашайся!

Я сразу не дал согласия, но в следующий вызов в штаб мне вручили направление на учебу уже без каких-либо новых разговоров со мной. Мне кажется, что мое место помощника начштаба бригады по оперативной работе начальник ПО полковник Калугин просто пообещал дать Бойко, и тут подвернулась эта разнарядка на учебу. Приехал в Москву, никаких экзаменов для поступления от нас сдавать не требовалось, поскольку наш набор был полностью из бывших студентов. Я был зачислен слушателем на инженерно-танковый факультет. Единственный «официальный» еврей в группе. Весь наш набор фронтовой, за исключением одного слушателя, попавшего на учебу прямо «с гражданки».

Фамилия «гражданского» была Маслобойщиков, и многие офицеры не могли ему простить, что он, наш ровесник, не был на фронте, и его просто игнорировали, но мне он понравился как

человек, и я с ним сдружился. В группе был один Герой Советского Союза, получивший звание за захват первого немецкого «Тигра» в болотах под Ленинградом.

Нам объявили, что поскольку мы все имеем неполное высшее образование, то курс нашего обучения составит три года – вместо положенных четырех лет.

Начальником факультета был генерал Бинович, а его заместителем – Волин.

– Существовал антагонизм между теми, кто воевал на передовой, и теми, кто провел войну в тыловых частях или на Дальнем Востоке?

Несомненно, но после войны эта острая грань постепенно стерлась.

Академия БТ и МВ с осени 1941 года находилась в эвакуации в Средней Азии и только через два с половиной года вернулась в Москву. Когда мы поступили в нее на учебу, то с недоумением и брезгливостью смотрели на слушателей автотракторного факультета – почти весь этот факультет (курсы, набранные в эвакуации, в тылу, в 1942–1943 годах) состоял из сыновей партийного начальства и генералов. Всю войну они проторчали в академии, прячась от фронта и полируя своими галифе скамейки в лекционных залах, а после окончания войны их под разными предлогами отправляли на демобилизацию, армия им была уже не нужна. Если в войну на командном и танково-инженерном факультетах были ускоренные выпуски, то автотракторный не трогали, дали «отпрыскам» пережить лихую годину в спокойном месте.

Там было всего несколько ребят, после фронтовых ранений признанных «ограниченно годными» и попавшими на учебу в академию из госпиталей, а остальные…

У меня почти все одноклассники погибли еще в первые два года войны, из моего набора в танковое училище выжили считаные единицы, и поэтому мне сразу после войны трудно было общаться с теми сверстниками, кто не воевал, хотя был должен по возрасту и по совести…

– Какие фронтовые эпизоды вам тяжелее всего вспоминать?

– Есть два эпизода, которые, как ни стараюсь, а забыть не получается.

Один раз в наступлении мы прорвались вперед и отрезали от передовой и от немцев примерно 200 человек мадьяров (то, что это были мадьяры, а не немцы, мы узнали уже после боя, когда

выяснилось, что на этом участке у немцев в обороне стоял венгерский полк).

Мы остановили свои танки перед толпой окруженных, думали, что, находясь в безвыходной ситуации, они поднимут руки вверх. У них был шанс сложить оружие, сдаться в плен и остаться в живых, но мадьяры, имея только стрелковое оружие, разъяренные, выкрикивая какие-то ругательства и потрясая кулаками, кинулись прямо на наши танки, на верную смерть. И мы начали их давить танками, расстреливать из пулеметов… Никто из мадьяр не смог уйти…

Но смотреть на то месиво, на то, что там от них осталось… было страшно…

И иногда эта предельно кровавая картина встает перед моими глазами…

Но весь ужас, вся трагедия войны для меня воплощена в другом фронтовом эпизоде…

В ноябре сорок второго года роте приказали атаковать какую-то деревню, на исходный рубеж для атаки вела только одна лесная дорога. И когда мы выехали из леса, то перед нами была большая поляна, метров пятьсот в ширину и в длину, и вся эта поляна, как камнями, как мостовая булыжником, была сплошь устлана трупами наших солдат. Шинели, припорошенные снегом… Слева и справа от нас был сплошной лес, эту поляну никак не обойти… Ротный, старший лейтенант Фомин, находившийся в головном танке, после недолгой паузы отдал приказ:

– За мной, точно по моей колее, по одному танку. Вперед!

Мы пошли в атаку по трупам…

Я не думаю, что кто-то потом похоронил эти сотни павших бойцов, тогда не до этого было…

Так, наверное, и остались гнить в земле, на этой поляне, кости неизвестных героев, простых пехотинцев, не пожалевших своей жизни ради свободы нашей Родины…

Стычинский Сергей Александрович

(Интервью Артема Драбкина)

В июне 1941 года наш курс 13-й Киевской артиллерийской спецшколы находился в лагере 2-го Киевского артиллерийского училища в районе Бровары, на левом берегу Днепра, за Дарницей. 21 июня у нас проходили соревнования по волейболу, которые мы

решили продолжить и в воскресенье. Легли спать, а ночью, в 4 часа, проснулись от взрывов. Мы решили, что это проводят стрельбы курсанты училища, но оказалось, что Бровары бомбили немцы. Когда мы после завтрака вышли из столовой, нас всех построили, сообщили, что началась война. Потом, в 12 часов, мы выслушали речь Молотова.

Почему я пошел в спецшколу? В Киеве в то время была мода учиться в спецшколах. Артиллерия была мне ближе, чем авиация и флот, вот я и поступил в артшколу. Занятия в ней отличались от занятий в обычных школах прежде всего военной подготовкой. Мы изучали стрелковое оружие, материальную часть артиллерии. Очень большое внимание уделялось строевой подготовке, изучению воинских уставов. 13-я специальная артиллерийская школа, так же как и 12-я, дважды в год участвовала в параде в Киеве, в одном из которых посчастливилось участвовать и мне. На этом параде я видел генерала армии Жукова, в то время командующего Киевским округом.

Из лагерей мы вернулись в Киев, и нас всех послали на рытье окопов. Примерно неделю мы рыли западнее реки Ирпень, а затем нас сняли, сказав, что спецшкола эвакуируется в Днепропетровск. На барже по Днепру доплыли до Днепропетровска. Там, кроме нашей, находились еще и московские спецшколы. В конце июля немец подошел к Днепропетровску, и в первых числах августа нас эвакуировали сначала в Харьков, но в нем наш эшелон даже не разгружали, а повезли дальше, в Пензу. Проехали Пензу, потом Куйбышев и в конце концов оказались в Чкаловской области.

– После начала войны вашу школу эвакуировали, родители тоже эвакуировались?

Моя мать умерла в 1940 году, а отец вместе с сестрой эвакуировался, а потом ушел на фронт и в 1941 году погиб под Харьковом.

– Как отступление воспринималось, ведь говорили, что воевать будем «малой кровью на чужой территории»?

Может быть, такой возраст был, но от первого до последнего дня войны я никогда не думал, что наша страна проиграет войну. И все, кто меня окружал, верили в нашу победу.

В июне 1942 года я окончил 10 классов. К нам приехал командир батареи 2-го Киевского артиллерийского училища, которое курировало нашу спецшколу, старший лейтенант Налимов и забрал весь наш выпуск в училище, которое после начала войны было эвакуировано на станцию Разбойщина Саратовской области. Весь наш выпуск попал в одну батарею.

Когда немцы подходили к Сталинграду, нашу батарею стали готовить на Сталинградский фронт. Мы с моим другом Валей Волошиным стали расчетом противотанкового ружья. Мы тщательно его изучали, стреляли из него, но в конце концов наша отправка на фронт не состоялась.

– Какую матчасть в училище изучали?

76-мм полковую пушку, но главным образом – 122-мм гаубицу. Готовили нас хорошо – занимались круглые сутки. Были и стрельбы. До сих пор помню артиллерийскую команду: «По пулемету гранатой, взрыватель осколочный, заряд полный, прицел 5, уровень 32, первому два снаряда беглым! Огонь!»

В конце 1942 года я окончил училище. Меня направили в 362-й гвардейский Тернопольский тяжелый танкосамоходный полк. На Челябинском тракторном заводе мы получили самоходные артиллерийские установки СУ-152, переучились на эту новую технику и отправились на фронт.

– Как восприняли назначение на самоходку?

Положительно. Назначили, и все. Орудие в ней 152-мм, но прицельные приспособления такие же, как и у обычной пушки. Так что в основном приходилось изучать не орудие, а танк, ходовую часть, рычаги управления, прицельные приборы для стрельбы прямой наводкой. В экипаже сначала было пять человек: командир и механик-водитель – офицеры, наводчик, заряжающий и замковый. Уже на фронте должность замкового ликвидировали.

– Когда экипаж попал на фронт, взаимозаменяемость была?

Конечно, была. Когда в Тернополе погиб наводчик Коля Лобачев, то я выполнял функции и командира, и наводчика.

– Вождение давали как командиру?

Я не водил, но изучал. Освоил уже на фронте, но не очень. Вот когда в 1946 году поступил в Академию бронетанковых и механизированных войск, там уже освоил полностью. В академии была кафедра вождения. Мы регулярно выезжали на полигон под Солнечногорском, где водили и стреляли. Позже, уже будучи командиром дивизии, я водил новый танк Т-62.

Наш полк расположился возле станции Чернявка, южнее Нового Оскола, и вошел в состав Степного фронта, которым тогда командовал генерал-полковник, позже генерал армии Конев Иван Степанович. В составе Степного фронта я принимал участие в Курской битве.

Во время наступления на Белгород моя самоходка была подбита. Мы пошли в атаку с закрытыми люками. Стреляли с коротких остановок, а потом по нам ударило. Погиб лейтенант механик-водитель, уроженец Челябинска, окончивший Челябинское танко-техническое училище. Погиб еще один член экипажа, а мы трое: я, наводчик и замковый Паша Базылев, 1900 года рождения, – сумели выскочить. После этого Паша, у которого была семья и двое или трое детей, попросил меня, а я, в свою очередь, попросил командира полка не назначать его в экипаж самоходки. Его просьбу удовлетворили и назначили поваром.

После Белгорода наш полк пошел на Харьков. Во время боев за Харьков я был ранен. Мы вели бои уже на окраине города, и к нам приехал командир полка, майор Гончаров, вместе с ним заместитель командира 1-го гвардейского механизированного корпуса полковник Погодин. Когда они ставили мне и еще одному командиру самоходки задачу, начался сильный минометный обстрел. Мина разорвалась прямо у наших ног. Я был легко ранен в ногу, командир полка был убит. Он только успел крикнуть адъютанту лейтенанту Вьюнику: «Адъютант! Меня ранило» – и скончался. Тяжело ранило Погодина и еще несколько человек. Поскольку у меня ранение было легкое, то, побыв несколько дней в медсанбате, я вернулся в свой экипаж.

Наш полк наступал на Полтаву, форсировал Днепр в районе Кременчуга. Здесь нас опять пополнили самоходками. Я принял новое орудие, поскольку мое сгорело. Наш полк участвовал в Корсунь-Шевченковской операции в составе 31-го танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии. Мы принимали участие в боях на внешнем фронте окружения.

В конце января 1944 года я получил задачу от командира полка (как правило, нам ставил задачу командир полка, потому что полки были маленькие – сначала по 12, а потом по 16 самоходок). Мне было приказано из деревни Андрушевка, где располагался штаб полка, выйти на западную окраину деревни Зотовка и не допустить прорыва немецких танков, которые пытались деблокировать корсунь-шевченковскую группировку.

Вечером я получил задачу, а утром начал выдвигаться на огневую позицию. Въехал в деревню Зотовка. В ней уже постреливала наша пехота. На западной окраине занял огневую позицию у перекрестка дорог, точно в том месте, где мне приказали. Стоял густой туман – ничего не было видно. Постепенно он стал рассеиваться, но в приборы наблюдения по-прежнему ничего не рассмотреть – они были посредственного качества. Прицельные приспособления хорошие, а приборы наблюдения – нет. В общем, вылез по пояс из самоходки,

наблюдаю. Вижу – на поле передо мной несколько немецких танков, которые уже начали разворачиваться в нашу сторону. Я опустился в самоходку и приказал открыть огонь. Первым стоял «Тигр». Открыли огонь по нему. Подбили. Перенесли огонь на другие танки. Немцы открыли ответный огонь, но не попадают. Я выстрелов 10 сделал, опять выглянул, потому что из самоходки сквозь дым и пыль, поднятые стрельбой, ничего не видно. Только я высунулся из люка, как по самоходке ударила очередь, и меня ранило в лицо и в руку. Я упал в люк. Кровь хлынула потоком на только что полученный со склада новый белый полушубок и на белые питьевые бочки… Самоходка немного отъехала в тыл, и меня отправили в медсанбат.

В 1989 году я работал в главной инспекции Министерства обороны СССР. Мы проверяли воздушную армию, штаб которой находился в Виннице. Я на карту смотрю, а там Зотовка… Я рассказал эту историю командарму, начальнику штаба армии. Командарм говорит: «Ну, надо съездить». На следующий день мы проехали по тому маршруту, по которому я входил. Я смотрю – ничего не изменилось, ни одной новой хаты, а может, они были новые, но выглядели как старые. Только появилось два кладбища – на одном были похоронены местные жители, а другое воинское, небольшое, могил пятнадцать. Я его осмотрел – с нашего полка никого нет, фамилии незнакомые. Поехали дальше. Приезжаем на перекресток дорог, где моя самоходка стояла, а там обелиск стоит…

В медсанбате я пробыл недолго и снова вернулся в полк. Освободили Винницу, Острополь, Пининко, Полонное, Грицев и пошли на Тернополь. Тернополь наш полк освобождал в составе 60-й армии, которой в то время командовал Иван Данилович Черняховский. Бои в городе продолжались больше месяца.

Помню, под вечер моя самоходка вышла на площадь и вдруг взрыв! Самоходка остановилась, но не загорелась. Дым рассеялся. Немцы стрельбу прекратили. Я говорю своему экипажу:

– Ребята, сидите.

А наводчик, Коля Лобачев, говорит:

– Разрешите, товарищ лейтенант. – Надо сказать, у нас хорошая дисциплина была – командира самоходки никто на «ты» не мог назвать. Только «товарищ лейтенант». – Я посмотрю.

– Коля, не высовывайся. – Он не послушался, люк открыл и высунулся.

Выстрел, и Колю убили…

Я вылез с автоматом и сразу к дому, который был справа. Возле него было много трупов, больше немецких. Я зашел на первый этаж – опять трупы, на второй этаж поднимаюсь, а немец

на меня автомат наставил! Но я первым успел нажать на курок.

Вернулся в самоходку. Я по радио передал в штаб полка, что самоходка подорвалась на мине. Как стемнело, подошла летучка, которой командовал старший лейтенант Смирнов, мою самоходку оттащили к батарее. Оказалось, что немцы заминировали выходы на площадь.

В Тернополе была тюрьма, в которой немцы оборудовали мощный укрепленный пункт. Командующий 60-й армией Черняховский перед нашим полком поставил задачу – выйти поближе к этой тюрьме и, не целясь, вести огонь по стенам, чтобы их разрушить. Мы загружали в машины полный боекомплект, 20 снарядов, подъезжали к тюрьме и вели огонь. Потом откатывались пополнять боекомплект. После такого обстрела, буквально на наших глазах, немцы стали вылезать из тюрьмы и сдаваться.

В Тернополе я воевал от звонка до звонка. К концу боев из всего полка исправной осталась только моя самоходка – все остальные были подбиты. За бои в Тернополе наш полк получил почетное наименование Тернопольский.

Уже после войны, когда я инспектировал Прикарпатский военный округ, меня приняли первый секретарь горкома партии и председатель горисполкома. Мы посетили кладбище, на котором похоронены солдаты, погибшие во время освобождения города. Там стояла стела, на которой были выбиты имена погибших из нашего полка, но имени Коли Лобачева там не было. Я попросил первого секретаря и председателя горисполкома выбить фамилию Коли. Не знаю, была ли моя просьба выполнена? Потом мы смотрели хронику боевых действий в Тернополе, и там есть такой эпизод, когда по разрушенному городу едет самоходка с закрытыми люками. Может, и моя.

После Тернополя наш полк получил новые самоходки и пошел дальше на запад. Участвовал в Львовско-Сандомирской операции. Во время наступления моя самоходка были придана стрелковому полку. В первый день наступления мы прошли несколько километров, а на второй день наступление войск приостановилось – оборона у немцев была крепкая. Это же предгорье Карпат, там местность пересеченная. Немцы поставили танки на обратных скатах высот и не пускали нас. Командиром стрелковой дивизии была поставлена довольно сложная задача – подняться на высоту и огнем уничтожить танки на обратном ее скате. В течение нескольких часов я вел бой. Поднимусь, сделаю несколько выстрелов, спущусь с высоты, сменю позицию, опять на высоту поднимусь, и снова несколько выстрелов. В результате боя я уничтожил 7 немецких танков. Когда вышел из боя, командир

стрелкового полка и комдив меня буквально на руках качали. Вызвали начальника отдела кадров бронетанковых войск 60-й армии капитана Гомона и тут же приказали ему представить меня к награде. В результате я был награжден орденом Красного Знамени, а моя фотография с маленькой заметкой была напечатана в армейской газете: «Командир самоходной установки лейтенант Стычинский подбил 7 немецких танков». Во Львов моя самоходка вошла одной из первых.

В августе 1944 года я был назначен командиром 4-й самоходной батареи и в этой должности продолжал войну. С Сандомирского плацдарма мы перешли в наступление на Краков. Кстати, именно наша 60-я армия освобождала Освенцим. После Кракова мы пошли дальше на запад, в Силезию. Прошли Гжанум, Тыхи, Микалум, Рыбник, Ратибор.

За форсирование Одера я был награжден орденом Александра Невского. Потом наступали в глубь Германии, в общем направлении на Либниц. За бои в районе Либница я был награжден орденом Отечественной Войны 1-й степени. 1-й Украинский фронт пошел на Берлин, 2-й Украинский – на Прагу, а между этими фронтами образовался разрыв. Этот разрыв заполняли сначала 1-я Ударная армия Гречко, потом 38-я армия Москаленко, а затем наша 60-я армия. Конец войны я встретил в Нимбурге, в 28 километрах от Праги.

Надо сказать, что к концу войны я был третьим, после командира полка, по количеству орденов. Но заместитель командира полка подполковник Красиков, у которого было столько же орденов, сколько у меня, был тяжело ранен в последние дни войны и 9 мая 1945 года скончался в Ламоуце. В результате меня и старшину нашей разведроты, у которого было два или три ордена Славы, отобрали для Парада Победы, который проходил 24 июня 1945 года в Москве. Так закончилась война.

– Мне самоходчики рассказывали, что они возили с собой немецкий пулемет. У вас он был?

Нет, у меня не было. Из трофейного оружия у меня был «вальтер», который я после войны сдал в артвооружение. А личным оружием был ППШ. Сперва с диском, потом с рожком.

– Какие снаряды брали?

И осколочно-фугасные, и бронебойные – разные. Что начальник артвооружения привезет, то и брали. У этой самоходки любой снаряд мощный, что осколочный, что бронебойный.

– У вас сначала была СУ-152, а потом ИСУ-152. Они

сильно отличались?

Разница небольшая… Ну, пулемет ДШК наверху, и все, пожалуй. Когда пришли ИСу, я уже комбатом был.

– Когда вы были комбатом, у вас была своя самоходка?

Нет. Я в одной из самоходок батареи ездил. Самоходок в батарее было сначала две, потом четыре, а в 1945 году – пять.

– Насколько надежна была самоходка?

Надежная.

– Сколько она могла пройти без ремонта?

Мы не фиксировали, потому что их раньше подбивали.

– Как действовал ваш полк?

Его придавали стрелковым и танковым корпусам, а те, в свою очередь, придавали нас бригадам и полкам. Например, в 31-м танковом корпусе нас придали одной из танковых бригад, номер сейчас не помню, ею Макаров командовал. Мы напрямую подчинялись командиру бригады или полка. Некоторые командиры полков мне запомнились.

Например, Танкаев, осетин, красивый молодой командир стрелкового полка. Очень следил за внешним обликом, даже во фронтовых условиях. Помню, он меня вызывает и говорит:

– Видишь Тростянец Вельки?

– Вижу.

– Видишь церковь?

– Нет, не вижу.

– На бинокль.

– Вижу.

– Вот это твое основное направление, понял?

– Так точно, понял.

– Выполняй, а вечером встретимся у церкви. Там будет мой НП.

– В наступлении у вас основные цели какие? Вам пехота их указывала?

Целеуказания как такового не было. Было, как я уже сказал, направление наступления, в полосе которого требовалось подавить сопротивление противника. Приоритетом, естественно, были танки противника, противотанковые орудия, которые могли подбить самоходку, и пулеметы, мешающие продвижению пехоты.

– Пехоту на броню сажали?

Сажали, но не всегда. Были случаи после Тернополя, когда Вислу форсировали, перед Краковом… Я тогда командовал передовым отрядом, в котором, кроме моей батареи, были батарея СУ-76 и рота автоматчиков. Автоматчики сидели на броне.

– Как вообще к СУ-76 было отношение? Как к зажигалке?

Да, но мы не смеялись. Мы видели свое преимущество и жалели этих ребят, если честно.

– Была какая-то гордость, что служите на такой мощной машине?

Я себя чувствовал уверенно. Страх, разумеется, был, но кто не боялся?! Единственное – я, да и весь экипаж тоже перед атакой кушать не могли и поэтому не завтракали. Только потом, к вечеру, нам привозили пищу, и мы уже ели как следует.

– Насколько рубка самоходки задымлялась при выстреле?

Не очень. К тому же люки мы открывали. А вот глохли мы сильно, я вот сейчас из-за этого плохо слышу на правое ухо, которое было ближе к орудию.

– Погрузка снарядов трудоемкая была?

Трудоемкая. В ней участвовал весь экипаж от командира и механика до замкового. Как командир, я и пушку чистил, и капонир копал. Разумеется, основная нагрузка по обслуживанию машины ложилась на механика-водителя, которому помогали зампотех батареи и механик-регулировщик. В случае чего приходила армейская летучка. Кстати, командир этой летучки, старший лейтенант Смирнов, сопровождал меня половину войны.

– Часто приходилось закапывать установки?

Как только прекращалось наступление и мы переходили к временной обороне – все, копай, это был закон. Требовалось выкопать капонир чуть ли не под пушку, но мы только до боевой рубки закапывали.

– Основная дистанция стрельбы самоходки?

Дальность прямого выстрела у нашей гаубицы-пушки 700 метров, но чаще всего стреляли с 300–500. Имея хорошее артиллерийское образование и хорошо зная стрельбу с закрытых огневых позиций, я готовил свой экипаж, но нам ни разу не пришлось стрелять с позиций вне видимости цели. Не привлекали

нас и к артиллерийской подготовке. Так что установленными артиллерийскими прицелами мы не пользовались – только прямая наводка.

– Каково было взаимодействие танков и самоходок?

Начался бой, и все пошли вперед – пошли танки, пошли самоходки, пошла пехота. Кто когда впереди оказывался – это от обстановки зависело. Танки, конечно, вырвались вперед, а мы должны были идти в боевых порядках пехоты, но чаще всего мы шли впереди пехоты, потому что командиры стрелковых полков берегли своих пехотинцев.

Вот такой пример. Когда мы овладели Тернополем, на противоположной стороне реки находилась деревня Янувка, расположенная на горе. В ней засели немцы. Пошли с пехотой в атаку. Я зарядил пушку, а ее заклинило! Я остановился. Пехота меня обогнала, а потом залегла и лежит. По ней немцы лупят. Командир стрелкового полка ко мне подбегает, кричит:

– Вперед!

– Не могу! У меня пушка не работает!

– Не можешь стрелять, так иди так, дави гусеницами, главное – чтобы пехота пошла!

И все, и я пошел! Хорошо, что немцы после Тернополя были ослаблены и по нам артиллерия не стреляла…

– Под Корсунь-Шевченковским как вам передвижение? Там же все раскисло?

– Мы там воевали в конце января, а раскисло в феврале – марте, когда мы наступали севернее и северо-западнее Винницы. Шли по дорогам. Иногда застревали, но никто не лез специально в болото, смотрели за обстановкой. Но, конечно, приходилось и бревном самовытаскивания пользоваться.

– Немецких фаустпатронов боялись?

– Опасались. Они в массе появились, когда мы вошли в Германию.

– А как был ранен командир полка Кузнецов Иван Григорьевич?

Не могу сказать точно. Когда его ранили, обязанности командира полка исполнял полковник Пряхин, заместитель командующего бронетанковыми войсками 60-й армии по самоходной артиллерии. Перед самым концом войны Кузнецов вернулся и направил меня на Парад Победы. Мы с ним потом много раз встречались. Он был очень порядочный, исключительно

честный, бескомпромиссный человек.

Еще я помню Ивана Владимировича Фролова. Он после войны работал заместителем главного редактора журнала. Александр Васильевич Епихин – работал главным инженером завода в Жуковском. Володя Гуляев воевал в моем экипаже, когда я еще самоходкой командовал. Потом всю жизнь слал мне поздравительные открытки с Днем Победы и с Днем Октябрьской революции и подписывался «солдат Гуляев».

Старшина Титоренко Александр Иванович воевал механиком-регулировщиком в батарее. В боях под Краковом ему оторвало обе ноги. Мы его, полуживого, погрузили на трансмиссию самоходки и отправили в тыл, в госпиталь. Поскольку о нем ничего не было известно, то в журнале боевых действий записали, что Александр Титоренко погиб в бою под Краковом. Когда я служил начальником штаба Прибалтийского военного округа, я получил письмо от Александра Ивановича, в котором он описал все, что с ним произошло. Он после ранения года два лечился в госпиталях. Первая жена его оставила, он женился второй раз. В Белгороде окончил юридический факультет и потом длительное время работал народным судьей. Умер в конце января 1993 года.

– Сергей Александрович, а как кормили на фронте?

В 1941–1942 годах пищи не хватало, особенно в училище. Пайки хорошие были, но нагрузка была очень большой – целый день в поле. Да и одеты мы тогда были плохо – нам в училище дали обмундирование, бывшее в употреблении, перешитое. На фронте уже гораздо лучше было.

– Трофеи брали?

Я не брал. Желание что-то привезти для своей девушки было, но так и не взял. Однажды в Миколуве я зашел в дом, а там стоял незакрытый чемодан, видимо, немец хотел убежать, а на столе лежал фотоаппарат. Вот его я и взял. Потом, в конце войны, мы много снимков сделали этим фотоаппаратом. Так что, когда я вернулся, у меня, кроме «вальтера» и фотоаппарата АГФА, ничего не было.

В Гжанове, западнее Кракова, наткнулись на кожевенный завод. Зашли на склад, а там кожа – и черная, и желтая, и голубая. Я взял пару рулонов и положил на трансмиссию, а старший лейтенант Смирнов полную летучку набил. Говорит:

– Половина твоя, а половина моя.

В Миколуве из этой кожи командир полка пошил себе кожаное пальто, а я сапоги с кантом – у меня до того были кирзовые.

– С женой вы познакомились на фронте?

Да, в декабре 1944 года. Я по легкому ранению был отпущен

командиром полка в Киев. Я зашел в гости к двоюродной сестре 17 декабря, а 18-го я уже должен был ехать на фронт. Там я познакомился с дочерью ее мужа. Мы стали переписываться, а после войны поженились.

– Как узнали о Победе?

Моя батарея была на марше. В Шепенковице узнали, что война кончилась. Но пошли дальше, вошли в Градей-Кралевский. Это уже было через день или два после окончания войны. Нас очень тепло встретили чехи. На площадь высыпал народ, обступили нас, обняли. Меня и моих офицеров пригласили в дом, налили коньяк.

В 1978 или 1979 году, когда я инспектировал Центральную группу войск в Чехословакии, я и мой помощник по разведке заехали в Градец-Кралевский, в комитет по дружественным связям с Советским Союзом. Я им рассказал об этом эпизоде, мне предложили на эту площадь съездить. Приезжаю, смотрю – стоит дом, похожий на тот, в который меня пригласили, но когда мы зашли, то выяснилось, что тех, кто в 1945 году там жил, уже нет.

Матусов Григорий Исаакович

(Интервью Григория Койфмана)

В мае 1941 года я пришел в свой военкомат города Артемовска и поинтересовался, почему меня так долго не забирают в армию, большинство моих сверстников 1922 г. р. уже призваны, а я до сих пор остаюсь гражданским. Я же был

активным комсомольцем, работал с 14 лет, и мне, как патриоту Советской Родины, было стыдно не служить в РККА. И через пару дней пришла повестка на призыв – 17/5/1941.

Мать устроила у нас дома небольшие проводы, пришли мои товарищи: Вася Большаков, Гриша Чудный и Петя Лященко, другие ребята, а на станции меня провожали мать с отцом. Призывников разместили по вагонам, мы простились с родными, и поезд тронулся в путь, оставляя позади Донбасс. В моем отделении вагона оказалось два Николая, и по их разговорам я быстро понял, что оба они призваны в армию сразу после освобождения из мест заключения. Старшему Николаю лет тридцать, фамилия его была Буслаев, но по национальности он был татарином, а второй «уркаган» был помоложе. На каждой остановке они выбегали на перрон, возвращались с бутылками и всю дорогу пили водку и безбожно матерились, проклиная тех, кто «забрил» их в армию. Через пару дней пути мы увидели вдали белые пески, и «старший» Николай, с верхней полки увидев вдали «белую землю», сказал, что нас везут в Сибирь, и начал ругаться со своим младшим тезкой, мол, как это? В Сибири они уже сидели, и снова туда их везут? И он, мол, не согласен.

Я молча слушал их перебранку, мне было все равно, где придется служить. Выгрузили нас в городе Ново-Хоперск Воронежской области и строем повели в часть. Навстречу едет подвода с солдатом. Мы кричим ему:

– Ноги подыми! – Он поднял одну ногу, мы увидели на ней кирзовый сапог и обрадовались, что с обмотками мучиться нам не придется. Но пришли в часть, нас переодели в красноармейское обмундирование, выдали армейские ботинки и… обмотки, которые мы назвали «гусеницами». Свои «гражданские» вещи нам приказали сложить в вещмешки и чемоданы и сдать. Нас сводили в баню, остригли наголо. Ботинки мне достались на три размера больше, других не было, и я к тому же слишком туго намотал обмотки, но от ощущения гордости, что я наконец-то в рядах Красной Армии, у меня все оттаяло в душе. Выяснился, что мы попали в новый формируемый артиллерийский полк на конной тяге, часть № 1894, и вскоре нам приказали построиться. К нам вышел командир полка, невысокого роста шустрый майор, и приказал:

– Сапожники, повара и портные, два шага вперед!

Оба Николая стали ругаться, кому из них «выходить в повара», и «старший» Николай просто вытолкнул вперед из строя своего «младшего товарища». На призыв майора отозвался еще ряд новобранцев, а нас, «не обладавших блатными специальностями», повели в большой пакгауз, где находились

наши казармы. Стояли рядами раскладушки с постельными принадлежностями. Мы разместились, и так началась моя служба. Незадолго до моего призыва из армии демобилизовался мой старший брат Лева, который советовал по прибытии в часть сразу написать заявление с просьбой о направлении в военное училище, но сказал:

– Примут тебя в училище или нет, это вопрос, но, пока суд да дело, это займет время службы.

И на второй день я подал просьбу о направлении меня в танковую командирскую школу. Пока ждал ответа, «впрягся в армейскую лямку». Направляют на дежурство по конюшне, а я в этом деле мало что понимал, я ведь был городской парень. Один сержат мне приказывает: «Сделай это!», другой – «Сделай то!», распоряжение, отменяющее первое, и я решил вообще ничего не выполнять, за что сразу схлопотал внеочередные наряды, и, находясь при конюшне, давал лошадям сено, водил их на водопой на протекающую в песках небольшую речушку Хопер. Меня определили во взвод управления дивизиона, комсоргом которого был немец по фамилии Майер. Люди в формируемый полк прибывали постепенно, было много новобранцев с западных областей, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах, они плохо говорили по-русски, а в начале июня к нам привезли «приписников», взрослых семейных мужиков, призванных из запаса. Один из них, бравый тамбовский дядя лет сорока от роду, стал командиром нашего отделения. Начались полевые занятия, мы уходили в поле со стереотрубой, шли мимо железной дороги и видели, как по ней часто, на открытых платформах, везут на восток семьи, «гражданских», и бойцы-приписники говорили нам, молодым, что это ссылают в Сибирь «бессарабцев» и «прочих западников».

Дисциплину в полку старались поддерживать на уровне. Я как-то шел по дороге в санчасть, увидел, что мне навстречу движется какой-то командир, моментально отдал ему честь, и пошел дальше. Вдруг скрип тормозов, рядом на дороге останавливается легковая «эмка», и мне сидящий в ней военный приказывает:

– Боец, быстро позови сюда этого командира!

Я подбежал к нему:

– Товарищ лейтенант, вас зовут!

Подходим с ним вместе к легковушке, оба откозыряли, а внутри машины сидит большой начальник с двумя «ромбами» в петлицах. Начальник стал ругать этого лейтенанта:

– Почему вы не отдали честь красноармейцу?! Он вам честь отдал, почему вы не откозыряли в ответ?! Я все видел. Вам Устав

напомнить?

Мне приказали следовать в часть, а начальник продолжал «распекать командира».

Но вот пример другого характера. Как-то меня позвал Николай Буслаев пойти с ним в столовую, «навестить» второго Николая. Вообще-то кормили нас в полку неважно, давали простую армейскую еду и черный хлеб без ограничения. Буслаев часто ходил выпивший и в тот день был «под мухой», и когда мы показались в столовой, то он стал орать на кухонный наряд, на поваров, и проклинать маршала Тимошенко, заставившего его после отсидки на нарах служить в армии, и «младший» Николай сразу достал ему из борща, из общего котла, большой кусок вареного мяса. И все молчали, никто не хотел связываться с «зэками».

Нас вооружили десятизарядными винтовками СВТ, выдали каски и сабли (до сих пор помню номер на своем клинке – Е 200), подсумки для патронов и вещмешки.

22 июня я с Майером повел лошадей на водопой к реке. Вдруг мы услышали сигнал тревоги. Майер сразу сказал:

– Война!

– С кем? – спросил я.

– С немцами.

Мне это послышалось странным, ведь как это так, у нас же с ними «Договор о ненападении» подписан. Погнали коней обратно к себе, ездовые впрягали лошадей в орудийные упряжки, по четыре лошади на каждое наше 76-мм орудие. Командир отделения сказал нам:

– Мы фашистов на третий день в пух и прах разобьем!

Накрапывал мелкий дождь. Весь полк вышел из части, но, пройдя километров пять, был объявлен «Отбой тревоге». Через два дня все повторилось: тревога, выход полка из района дислоцирования, ночной марш по степи и снова приказ вернуться.

И тут выстраивают наш дивизион. Выходит к нам начальник штаба:

– Кто подавал заявления в военные училища? Выйти из строя! Остальные, кругом!

Вышло человек двенадцать, нас отдельно построили и привели в штаб полка. Здесь выдали предписание прибыть в город Ордженикидзеград Брянской области, назначили старшего нашей команды. Мы простились с товарищами по артполку, пошли строем на станцию, сели в поезд и через два дня прибыли в маленький городок, который и не на каждой карте разыщешь. Недалеко от реки Десна в двух больших четырехэтажных зданиях

разместилось военно-пехотное училище. Если подняться на возвышенность за рекой, то оттуда был виден сам город Брянск, к нему шла шоссейная дорога и вел мост через реку. За мостом в 4–5 километрах находилось стрельбище училища. Наша группа из двенадцати человек стала сдавать экзамены, но прошли их только два человека, остальных отправили в какую-то часть. Я удивился, ведь до войны успел закончить всего шесть классов, но экзамены сдал, видно, сильно хотел попасть в училище. Наш курсантский набор заново обмундировали, мы получали фуражки с красной пехотной окантовкой, всем выдали самозарядки СВТ, кирзовые сапоги, пехотные ранцы, по два подсумка, саперную лопатку, каждый получил противогаз с противоипритным плащом из промасленной бумаги и алюминиевую флягу. Касок не было. В казарме в комнатах стояли двухъярусные кровати, на каждую комнатку – одно отделение. Командиром нашего курсантского взвода был назначен недавно закончивший это училище лейтенант Володарчик, молодой светлорусый парень с интеллигентным «польским» лицом. Весь наш набор состоял из коренных русаков, хороших здоровых ребят из Тамбова, Рязани, Брянска, Унечи, Белгорода, Орла, и взаимоотношения между курсантами были нормальными, по-настоящему товарищескими.

Мы приступили к учебе, но вскоре наше пехотное училище поменяло свой профиль и было переименовано в автомотоучилище имени Сталина.

Почти каждый день происходили немецкие авианалеты на брянские аэродромы, над нашими головами появлялись немецкие двухмоторные бомбардировщики, и в небе их встречали наши истребители И-15 и И-16, завязывались воздушные схватки.

Когда случались ночные налеты, то из разных мест предатели-сигнальщики ракетами направляли немецких летчиков на цель – место дислокации нашего училища, сигнальщиков-корректировщиков было много, стреляли с разных сторон, и мы поражались – откуда столько предателей?

По ночам мы дежурили на крыше с пулеметами Дегтярева или нас посылали в оцепление вылавливать «ракетчиков»-сигнальщиков.

Что в самом деле происходит на фронте, мы не знали и не понимали. Нам приказали вырыть окопы полного профиля по берегу Десны, и ночью мы в полном боевом снаряжении там находились, «дремля вполглаза». Окопы в песке, стенки обваливались, и мы рубили молодую лозу, плели из нее «маты» и укрепляли ими стенки траншей.

И конечно, мы несли патрульную службу по городу.

Как-то идем мы в патруле, мимо нас проходит колонна

крупноствольной артиллерии, 152-мм гаубицы на тракторной тяге, и в этот момент к нам подходит женщина и говорит, что видела на углу мужчину в черном кожаном пальто, который, смотря на проходящую технику, что-то записывает в блокнот. Мы подошли к нему, потребовали документы, и он достал из кармана пальто удостоверение майора НКВД.

Несмотря на тревожную обстановку, нас несколько раз выводили на стрельбище, мы учились стрелять из «максима», а вскоре был совершен марш-бросок с полной боевой выкладкой до Карачева. Мы считали, что это «учебный» марш, но все обернулось иначе. За четыре дня мы прошли свыше 200 километров, многие сбили подошвы в кровь, и некоторые просто плакали от боли, но я терпел, хоть и еле ходил. Дошли до какой-то железнодорожной станции, нас разместили по домам, где спать пришлось на полу, укрываясь шинелями, и после короткого отдыха нас стали «гонять» на строевую подготовку. Через какое-то время на станцию подогнали четырехосные «пульмановские» вагоны, нас загрузили по взводу на каждый вагон, и приехали мы… в город Острогожск Воронежской области. Вышли из вагонов, построились в колонну, прошли по городу, поразившему нас обилием церквей, и оказались на окраине, в старых кавалерийских казармах, где и расположились. Снова началась муштра на строевой подготовке. Нашего лейтенанта Володарчика хлебом не корми, только дай нас помуштровать, ох как он обожал над нами поизмываться. В этом Острогожске мы только и делали, что занимались с утра до вечера строевой подготовкой. Уже вовсю шла война, а мы все… «выше ногу, четче поворот». На улицу выйдешь, навстречу идет раненый боец, так мы не знали, куда глаза от стыда спрятать. Страна сражается, а мы маршируем в тылу. 7 ноября 1941 года мы приняли присягу.

Я подружился с курсантом Жакаем Асилбековым, казахом по национальности, старше меня лет на двадцать. Когда нам разрешался выход в город, то мы всегда вместе с ним ходили в увольнительную, знакомились с девушками. Жакай был умным человеком, очень смуглый, невысокого роста, коренастый, широкоскулый, почти «без шеи», он очень плохо поддавался этой курсантской муштре, и на строевой подготовке его гоняли больше всех. Мы стали с ним настоящими друзьями. До войны Жакай работал вторым секретарем Кустанайского или Тургайского горкома партии, заместителем по промышленности. Он мне рассказывал, что у казахов есть три главных рода, «жуза», что-то вроде касты, и в каждый род входит множество племен. Роды, с его слов, делятся на род воинов, простого народа и черни. Так Жакай говорил, что он принадлежит к роду воинов, и когда он

убьет первого фашиста, то, по старинному обычаю, вырежет из груди врага сердце, слижет кровь с клинка и станет бессмертным. Самое смешное, что он искренне в это верил, и я над ним подшучивал по этому поводу. При знакомстве с русскими девушками он называл себя Женей, и когда во взводе об этом узнали, то стали над ним подшучивать, мол, Женя, как дела? Асилбеков сразу свирепел, бросался чуть ли не в драку:

– Я не Женя, я Жакай!

В конце сорок первого года нас снова погрузили в вагоны и повезли куда-то на восток. Ехали долго, несколько недель, и выгрузились на станции Абакан, в Сибири. Колонна курсантов училища совершила марш 30 километров, пройдя мост через Енисей, и мы оказались в старинном купеческом городке Минусинске, где нас ожидали пустые каменные казармы, служившие когда-то кавалеристам. И опять – только строевая подготовка…

Мы страшно замерзали, зима сорок второго года выдалась очень холодной, да и казармы наши отапливались с пятого на десятое, а нам выдали тонкие байковые одеяла, которые почти не согревали. Мы ухитрялись ночью, когда помкомвзвода заснет, укрываться еще и шинелями, но помкомвзвода, старшина (укрывавшийся вообще только одной простынью, видимо, сам из сибиряков), специально просыпался ночью и проверял, кто укрыт еще и шинелью – это строго запрещалось. Помкомвзвода поднимал нарушителя, выводил его в сапогах и нижнем белье на улицу на лютый мороз и гонял его там минут двадцать. И этот помкомвзвода так замучил насмерть нашего курсанта Киселева, который заболел и умер от пневмонии в нашей санчасти. Старшина, узнав о смерти Киселева, «захандрил» и сам ушел в санчасть.

Но нам хватало и издевательств Володарчика, пытавшегося показать училищному начальству, какой он «лихой командир». Ведет нас на обед, командует:

– Запевай!

А мы, злые до крайности на этого «шкуру»-взводного, шепчем запевале:

– Не вздумай.

Володарчик:

– Кругом, бегом!

И гоняет нас по площадке, пока запевала не затянет «Школу красных командиров». Володарчик требовал еще песен, в столовую мы опаздывали, и приходилось быстро, «на бегу», съедать нашу похлебку с бараньими яйцами, два ломтика положенного нам черного хлеба и компот. Когда успевали поесть,

а иногда, уже через минуту после захода в столовую, раздавалась команда: «Выходи строиться!»

За всю зиму нас только раз вывели на стрельбище, и один раз был проведен марш на 60 километров, в село Шушенское, где Ленин в ссылке куковал. По дороге, прямо в снегу, отрабатывалась тактика встречного боя.

Весной появились преподаватели и начались занятия в классах по автоделу. Нам стало полегче, нас меньше третировали. Сначала мы изучали матчасть машины ГАЗ-АА, но самих машин не было, а позже в училище стала прибывать автотехника, нам провели один урок вождения, рядом сидел инструктор и крыл нас матом, я понял, что это из зависти, что он простой солдат, а мы будущие командиры.

Начались занятия по топографии, нам давали компас и маршрут движения в небольшом лесу, и нередко бывало, что мой товарищ, степняк Асилбеков, и еще несколько курсантов просто где-то терялись в тайге и нам приходилось их искать.

Потом привезли мотоцикл АМ-600 с ременной передачей, сделали для нас первый урок вождения. Пригнали для нашего обучения броневик БА-10, и как-то у штаба мы увидели мотоцикл М-72, про который говорили, что немцы перед войной продали нам лицензию на выпуск этих мотоциклов. Я в свободное время часто залазил в башню броневика, разворачивал ее и вздыхал с тоской, ведь я всегда хотел стать танкистом. И тут мне повезло.

Сказали, что вышел приказ Сталина, и по нему два курсантских батальона нашего училища, примерно 800 человек (уже готовящихся к сдаче выпускных экзаменов на командирское звание и должность командира транспортных взводов), были отправлены в танковое училище. Нам не сказали, куда мы отправляемся, просто погрузили в «товарняк», и через несколько недель мы прибыли в Чирчик, где находилось в эвакуации 1-е Харьковское танковое училище имени Сталина. Повели за город, где за речкой стояли два четырехэтажных здания, рядом двухэтажное «техническое» здание, а возле него расположился танковый парк, на территории которого стояли различные танки, в основном Т-34, но были и БТ-7 и Т-26. Нам объявили, что ровно через полтора месяца мы станем командирами танков Т-34 и будем выпущены на фронт. Я был очень рад, что попал в танкисты, но мне не верилось, что за 45 дней из нас успеют подготовить танковых командиров. Не было никакой муштры или занятий в классах, мы усиленно изучали свою технику в танковом парке, проводились занятия по тактике танкового боя и по топографии. Начались даже стрельбы, мы выпустили по мишеням по три снаряда. На этих стрельбах один наш «курсантский»

экипаж в процессе отработки стрельбы с ходу повернул пушку на 90 градусов и пальнул все три снаряда по территории летного училища, расположенного от нас в трех километрах. За это курсанты удостоились кличек: «Эй ты, чуть-чуть правее!»

Оказывается, во время стрельбы один из двух курсантов, находившихся в башне танка, заряжающий, сказал другому, стреляющему:

– Эй ты, чуть-чуть правее стреляй!

Происходили и менее курьезные ЧП. Один курсант, закрывая люк башни, случайно отрубил себе люком фаланги на четырех пальцах правой руки.

Другому, нашему помкомвзвода, отдачей танкового орудия при откате лафета свернуло скулу. Меня и еще одного курсанта послали в окопы, где находились расставленные мишени, приказали осмотреть их, но оказалось, что один курсантский экипаж еще не закончил стрельбу и все три снаряда выпустил прямо по окопу, в котором мы находились. Но все обошлось…

В самом разгаре была битва под Сталинградом, с фронта приходили плохие вести, и мы надеялись, что успеем принять участие в боях на Волге, но выпуск из училища состоялся только в январе 1943 года. Тем, кто сдал выпускные экзамены на «отлично», присвоили звания лейтенантов, остальным – младших лейтенантов.

Мы получили командирские удостоверения и почувствовали себя свободными людьми, ходили по городу не строем, а кто как хотел. Нам приказали отправиться для получения техники в Нижний Тагил, на танковый завод. Отправляли группами по 30 офицеров, через Ташкент. В Тагиле из нас сформировали маршевые танковые роты, за каждым закрепили танк Т-34, сборку которого заканчивали на конвейере. Мы находились в цеху и помогали рабочим. На «личном» танке поехали на стрельбище, находившееся в пяти километрах от завода, выстрелили два снаряда, что-то отрегулировали в прицеле пушки, вернулись к заводу и танк поставили на его территории. Офицеры ждали экипажи, жили мы в казармах, кормили нас пресквер но, два раза в день давали какую-то похлебку из проса и по кусочку хлеба, твердого, как железо. Так некоторые из нас стали менять свои шинели за буханку хлеба, оставаясь только в ватниках. Я к голоду привык с детства, так что шинель менять на еду не стал. Вскоре нам выделили экипажи, прибывшие из сержантской танковой школы. Мне достался механик-водитель, старшина, чуваш Торгов, хороший мужик, и два сержанта, фамилий которых я уже не помню. Мы загнали свои Т-34 на платформы, с двух сторон под гусеницы подложили шпалы, забили скобы и к бортам платформы

прикрутили толстую проволоку. Рядом с моим танком встал танк Жакая Асилбекова. Ехали на фронт быстро, на каждой крупной станции к составу немедля подавали сменные паровозы. Доехал наш маршевый эшелон до станции Касторная, там мы разгрузились, совершили марш 20 километров, и в районе деревушки Мелковатка вырыли танковые окопы и встали в ожидании дальнейших приказов. Командирам танков разрешили разместиться в ближайших домах. Пошли с Жакаем искать ночлег, надеясь, что нас примут, скажут: «Проходите, садитесь, гости дорогие» – и покормят. Ведь всю дорогу мы питались одной «болтушкой». На каждый экипаж давали только 400 граммов темной муки. Сварим «болтушку» из нее, живот полный, а душа голодная. Зашли в одну из хат, попросились переночевать, а там молодая хозяйка говорит:

– Проходите. Я вам соломы принесу, можете на полу поспать.

Постелили солому, легли, накрылись шинелями, а я разговорился с хозяйкой. Беседовали долго, и тут хозяйка мне говорит:

– Все равно вас всех немцы перебьют. Вам с ними не справиться. У нас немец-офицер на постое долго находился, культурный и образованный человек, таких не победите. Ты, лейтенант, на мужа моего погибшего сильно похож, оставайся у меня в примаках, а то убьют тебя.

А я тогда даже не знал, что означает слово «примак». Хозяйка растолковала, что это значит, и я ей ответил:

– Я комсомолец и еврей, от фронта прятаться не собираюсь.

Утром хозяйка накрыла стол: масло, яйца, сметана, парное молоко, словом, все то, что мы почти два года в глаза не видали. На прощание хозяйка нам дала небольшой мешок с хлебом. Пошли к своим танкам, закопанным в капонирах, а там уже идет передача танков – прибыли «безлошадные» танкисты и забирают наши машины. Мою машину вместе с экипажем «принял» младший лейтенант с орденом Отечественной войны на гимнастерке. Мы разделили хлеб с голодным экипажем.

Команда: «По машинам!»

Прошли километров сорок-пятьдесят на запад, но я уже не командовал, все распоряжения отдавал младший лейтенант.

Потом нас, офицеров, прибывших с маршевой танковой ротой, построили, и все 30 человек отправили пешком в штаб Степного фронта, где мы получили назначения по частям.

Больше я своего друга Жакая Асилбекова не видел…

Меня и еще нескольких офицеров-танкистов неожиданно отправили со старшим команды за назначением в Москву, где в Лефортово, в Бронетанковой академии, находился офицерский

полк резерва БТ и МВ. Мы удивились:

– С фронта в Москву? Неужели не было вакансий на месте?

Но когда прибыли в Лефортово, то увидели, что там таких, как мы, больше 500 человек, ожидающих дальнейшего распределения по частям. Среди них я увидел своего товарища по курсантской роте Николая, у которого на другом фронте тоже отобрали танк, а его «отфутболили в столицу». Поселили нас в казармах, кормежка два раза в день, да такая скудная, что мы ходили голодные и злые. С десяти часов вечера мы были обязаны находиться в казармах. Бродили по Лефортовскому парку, иногда ночью подавались в самоволки во все еще находившуюся на осадном положении Москву.

Вскоре в штаб резерва вызвали меня и еще двоих офицеров и приказали отправиться за танками на Челябинский танковый завод. Дали нужные документы: предписания и продовольственный аттестат. Старшим нашей тройки назначили лейтенанта из «запасников», пожилого, немного горбатого мужика лет сорока – сорока пяти, родом из Тамбовской области. Мужиком он был битым и хитрым, провел больше года под оккупацией, то ли не успел призваться в Красную Армию и немцы пришли, то ли в окружении «осел в примаках», я так и не понял.

Всю дорогу он неутомимо рассказывал разные смешные истории, то как он влюбился и за одной красавицей-недотрогой долго ухаживал, а когда добился близости, так сразу «триппер поймал», то еще чего-нибудь забавное.

Тамбовский лейтенант «химичил» в дороге с нашими продовольственными аттестатами, и весь путь у нас было что выпить и чем закусить.

Вторым моим попутчиком оказался лейтенант Володя Чуйков, тридцатилетний блондин, хороший парень, призванный в армию из Махачкалы. Часть пути мы добирались на товарняках.

Прибыли в Челябинск, пришли к военному коменданту, и нас направили в здание школы № 38, где происходила формировка маршевых танковых рот.

На Челябинском заводе выпускали танки Т-34 весом 32 тонны, с лобовой броней до 60 мм, танки были оснащены рациями. Башни литые, с двумя люками и командирской башенкой с семью триплексами для кругового обзора.

Получили свои танки, прибыли экипажи из ЗАПа. Здесь, в Челябинске, у меня случился первый приступ малярии, меня всего трясло от высокой температуры. Врачи решили положить меня в госпиталь, но я был настырный дурак и отказался, нам ведь на следующий день было предписано грузиться с танками на платформы и отбыть на фронт. Врачи требовали, чтобы я назвал

свою фамилию и лег на лечение в госпиталь, они отказывались дать мне хинин в порошках, который тогда был единственным лекарством от малярии. С трудом вернулся к экипажу, который, накрывшись шинелями, спал на боеукладке. Уже по дороге на фронт на каждой крупной станции я ходил в медицинский армейский пункт и выпрашивал порошки, пил их, и за несколько дней малярия прошла. По пути к фронту офицеры по очереди дежурили на паровозе, и как-то, когда была моя очередь, я находился рядом с машинистами, вместе с сержантом, радистом-пулеметчиком из другого экипажа. Подъехали к станции Красногвардейская. И тут прибегает на паровоз этот сержант и говорит, что его экипаж весь лежит мертвым! Пошли мы с ним к платформе, залезли на нее, а на расстеленном брезенте лежат три скрюченных трупа. Рядом остатки еды, видно завтракали, и бутылка спирта, четвертая часть которого оставлена этому сержанту… Насмерть отравились…

Я доложил старшему эшелона, капитану, и он приказал сдать трупы так нелепо умерших танкистов коменданту станции. За тысячу километров до фронта они простились с жизнью… Комендант выдал расписку и сказал, что танкистов похоронят как должно.

Прибыли на фронт, и нас разгрузили в так называемых Тесницких лагерях, и опять меня с группой из 25 офицеров отправили в штаб фронта, где находился танковый резерв. Снова я остался «безлошадным».

Через несколько дней в резерв заявились «покупатели». Спрашивали, кто желает воевать на Т-34, и я записался у какого-то капитана, который пообещал, что возьмет меня к себе в бригаду командиром танка – «тридцатьчетверки».

Нас, человек двадцать, привезли в Ясную Поляну, где стоял штаб 69-й механизированной бригады и ее 53-й танковый полк. В штабе записали наши данные, повели в музей графа Толстого, который был разграблен и захламлен немцами. Потом капитан мне сказал:

– Я командир танковой роты, пошли со мной, познакомлю тебя с экипажем.

Мы пошли к железнодорожной линии, на которой стоял эшелон танков.

Я залез на платформу, и тут раздался гудок паровоза, капитан куда-то побежал и исчез. Смотрю, а на платформах стоят английские танки «Валентайн», которые мы в училище не изучали. Там нам показывали на плакатах только силуэты немецких танков, а ленд-лизовскую технику мы не знали совсем. С экипажем познакомился прямо возле танка. Механик-водитель

танка, старшина Мыкола Васильев. Заряжающий Чистяков. Он залез в танк и вытащил оттуда книгу в синем переплете: «Описание танка МЛ-2—7» на русском языке. Я сел на платформу и стал ее читать: «Танк «Валентайн», вес 18 тонн, пушка калибра 57 мм, спаренная с бельгийским пулеметом «Браунинг». Боекомплект – 60 снарядов, пулеметных лент – 15, по 250 патронов в каждой. Пулемет зенитный «Брен» с пятью дисками по 100 патронов. Дымовой курковый миномет 50 мм, и к нему 18 дымовых мин, два огнетушителя. Броня 60 мм, максимальная скорость танка 32 км/час, двигатель 160 л/с, горючее – газойль, как и у Т-34, бак на 160 литров топлива».

На танке было много ящиков с боеприпасами, накрытые брезентом.

Танкисты звали этот танк по-своему: «Валентина».

Механик Мыкола – видно, что был тертым калачом, – казался человеком многоопытным, старше меня лет на восемь-десять, но как механик-водитель он был совсем никудышный, а на передовой Мыкола показал свое истинное лицо – труса и последнего гада. Но ни он, ни заряжающий раньше, как и я, на фронте не были, так что в этом вопросе мы были все равны.

Мыкола, здоровый мужик высокого роста, был из донских казаков, но, видимо, жил на Украине и говорил со мной по-украински, и как-то он приволок в мешке какую-то розового цвета соль, наверное удобрения. На остановках мы меняли эту соль на еду, и у нас в рационе даже появилась курятина. Наш эшелон шел по Украине, и я узнал, что наша бригада входит в состав 3-й танковой армии генерала Рыбалко.

Вечером выгрузились, ко мне подошел лейтенант и сказал:

– Я твой командир взвода, моя фамилия Ребров. Твой танк будет на марше замыкающим в колонне, запиши маршрут движения.

Ребров назвал мне деревни, через которые предстояло проехать, сказал, что фары при движении не включать, и тот, кто зажжет фары, сразу пойдет под трибунал. Двинулись по маршруту. А уже стояла ночь, да такая темная, что хоть глаз выколи. Говорю механику:

– Машину не гони.

Сам сел на правое крыло, сержант на левое, нам дорогу лучше видно, чем механику-водителю, мы его движение регулируем по просвету дороги. Вдруг Васильев останавливает танк:

– Я мотор перегрел!

Мы постояли немного, но за это время колонна ушла вперед, мы от нее отстали.

Спрашиваю механика:

– Ты дорогу видишь?

– Мне абсолютно ничего не видно!

– Тогда не гони танк, мы на крыльях сидим и тоже ни черта не видим.

В небе появился просвет, и где-то в стороне, далеко от дороги, мы увидели огни, похожие на свет в окнах. Старшина сходил к этим хатам, узнал, какое это село и что за деревня впереди, и мы сверились с нашим записанным маршрутом. Подъехали к переезду, но путь закрыт, на 2–3 километра все забито железнодорожными вагонами. Видно, как самолеты немцев бомбят станцию.

Мы остановились и стали ждать. Сзади подъезжает танк, на нем наш командир полка с картой в руке, спрашивает:

– Чей танк?

– Вашего полка, товарищ полковник. Командир танка младший лейтенант Матусов.

– Почему стоите?

– Переезд закрыт, а станцию непрерывно бомбят.

Мы ведь уже второй час стояли у железнодорожных путей, а комполка, видно, сделал с другими танками большой круг, и только сейчас вышел к дороге. Он приказал:

– Через полчаса подойдет колонна полка, пристраивайтесь к своей роте.

Подошел полк, я с танком опять был последним в колонне. Добрались до леса неподалеку, уже стало совсем светло. Здесь нас дозаправили, дали поесть. Когда стемнело, полк снова начал движение. Я говорю своему механику-водителю:

– Ты только танк не гони, мотор запорешь.

Ехали до рассвета по грунтовой дороге, спрашивая в придорожных деревнях, правильно ли мы едем. На рассвете догнали свою колонну, впереди был какой-то мост, на него положили крупные бревна, и танки по очереди стали переезжать на другую сторону. Слышу, как наш начальник штаба майор Мороз кричит мне:

– Давай машину на мост!

Пошел рядом с танком. Я говорю Васильеву, чтобы не наезжал со всего маху на бревна и за рычаги не хватался, а ехал медленно, а он все сделал наоборот. Заскочил на мост на скорости, бревна стали расходиться, и одно из них чуть меня не задело, я еле успел отскочить от моста. А Васильев, гадина, танк то влево, то вправо разворачивет, а потом и вовсе заглушил мотор, оставив машину посередине моста. Майор Мороз стал психовать:

– Дезертир! Пристрелю! – кричит мне: – Дай ему ломом по башке!

Ору Васильеву:

– Вылезай!

Он выбрался, весь в поту, гимнастерка на спине вся мокрая. Подошел другой танкист, старшина, залез в танк и плавно вывел его с моста. Вскоре вся колонна прошла через мост, было совсем светло, моросил дождь. Полк снова укрылся в какой-то роще, нас опять заправили горючим.

Сержант принес завтрак: гороховая каша с тремя кусочками мяса. Хлеба не было, его не выдавали уже несколько дней. В танке был НЗ – шматок сала, две грудки сахара и несколько черных сухарей, но мы этот НЗ съели еще по пути следования.

Снова ждали сумерек, и в кромешной темноте наш замыкающий танк опять отстал от основной колонны. Мы с заряжающим сидели на крыльях и почти ничего не видели в этой темени. Вдруг я заметил слева перила моста… и мы, вместе с настилом, падаем набок! Я успел ухватиться за пушку, но лицом ударился об башню, почувствовал кровь во рту. Кричу Васильеву:

– Мотор заглуши!

Смотрю, танк лежит в канаве под мостом, но нам повезло – воды там не было. Несколько ящиков с боеприпасами слетели на землю, доски настила валялись в метре от танка. Дождь не переставал.

Васильев говорит:

– Мост кто-то точно подпилил.

И тут сзади появляется танк комполка. Я доложил командиру, что мост был подпилен и поэтому машина слетела с него. Командир полка приказал взять его «Шерман» и поставить мой танк на гусеницы, а сам пошел в сторону хат, видневшихся неподалеку. Двумя тросами, моим и с «Шермана», мы подцепили «Валентайн», потянули и поставили танк на гусеницы. Когда цепляли тросы, я слышал какой-то приглушенный взрыв. Побежал к хатам доложить комполка, что его приказ выполнен.

Полковник сел в «Шерман» и поехал догонять полковую колонну. Осмотрели машину, у нас только масло вылилось из коробки скоростей. Снова поставили слетевшие на землю ящики на танк и выехали из этой канавы. Уже светало, и мы по танковому следу догоняли своих. Немного проехали и увидели, как на дороге стоит наш «Валентайн», экипаж сидит сверху. У танка по левому борту сзади вырвано два катка, танкисты говорят, что наскочили на противотанковую мину и теперь «загорают». Я понял, что за взрыв тогда услышал, и подумал, что нашему полковнику повезло: не отдай он нам свой «Шерман» на

помощь, ехал бы комполка по этой дороге, и именно его танк нарвался бы на эту мину.

Ночью мы подъехали к Днепру, на том берегу горели хаты, и нам передали по рации приказ: вести огонь из пушки и пулемета по этим хатам. До Днепра было метров триста, наш берег был пологим, сплошной белый песок, а противоположный берег реки был гористым.

Я стрелял по хатам, пока не поступила команда прекратить огонь. Командир роты старший лейтенант Лосев по рации сказал, что мы отбили несколько немецких атак.

БУКРИНСКИЙ ПЛАЦДАРМ

Ротный Лосев по рации приказал:

– Давай свой танк, заводи на понтон.

Экипаж тоже слышит команду ротного по ТПУ (танковому переговорному устройству). Командую Васильеву:

– Давай, старшина, на понтон!

А он, сволочь, не доехав до реки метров сто пятьдесят – двести, вдруг так крутанул танк, что два катка выскочили и гусеницы слетели с катков. А траки у нас двухрожковые, в них забился песок, вот они и слетели, а на Т-34 такого произойти не могло, там траки однорожковые. Я увидел, как на понтон заехали два тяжелых танка и он пошел на тот берег. Мы стоим, кругом песок, до редкого лозняка метров двести и до реки столько же. Мимо проходят пехотинцы и орут нам:

– Теперь вам точно несладко придется! Теперь вы неподвижная мишень, как в тире!

Говорю экипажу, что надо танк замаскировать, положим брезент, а сверху накидаем белого песка. Васильев предложил убежать в лесок, в лозняк, пока нас тут не накрыли, а я ему говорю:

– Будешь у танка, и точка!

У нас одна лопата, а брезент скатывается с танка от тяжести песка, не держит его, да и высота танка с турелью пулемета почти три метра, как тут брезент закрепить?

Послал механика с ведром к Днепру. Он принес воды, мы стали поливать брезент водой, и мокрый песок на нем уже держался.

Залезли в танк, открыли люк и через прорези в брезенте смотрим, что вокруг творится. Слышим нарастающий гул: в небе появились немецкие «Юнкерсы». Я начал считать, сколько самолетов участвуют в налете, доходил до цифры «60» и сбивался

со счета.

Кругом грохот, шум, взрывы, бомбы срываются с самолетов. Потом стало тихо, но через пару часов авианалет повторился с еще большей силой. И так – целый день! Немцы бомбили наш берег, но моему танку везло, видно, хорошо мы его замаскировали и сверху мы летчикам ничем не напоминали цель.

Стемнело, мы натянули гусеницы, завели мотор и подошли к кромке берега, где стоял пустой понтон. Переправились через реку, с нами еще четыре танка. Только съехали с понтона, как налетели два самолета, похожие на наши «кукурузники». Пехотинцы кричали: «Воздух», и я стал стрелять по этим самолетам из пулемета Брена, и они вскоре улетели. Пехота сказала, что эти самолеты – «итальянские костыли». Подошел командир взвода лейтенант Ребров и поставил задачу проехать по дороге в деревню Григоровка и потом вернуться назад, но уже по другой дороге. На мой вопрос, зачем все это, Ребров ответил: чтобы немцы подумали, что у нас здесь много танков. Мы колонной из пяти танков пошли к селу, дорога шла по возвышенности, и нас стали обстреливать из орудий, и нам пришлось на максимальной скорости проскакивать через разрывы снарядов.

Назад возвращались почти по кромке берега. Потом снова проделали этот маневр, пошли к Григоровке, но, как только танки показались на возвышенности, немцы снова моментально открыли по нам огонь из орудий, снаряды рвались рядом с танком, как смерч.

Танк, идущий передо мной, взял чуть вправо, завалился и упал набок в небольшую балку, а остальные проскочили. Остановились «отдышаться», решили поесть, у нас еще оставалось немного гороха, но взводный приказал мне вернуться к свалившемуся в балку танку и поставить его на гусеницы, что мы и сделали, заведя два троса под танк. Командир этой машины сказал, что возвращается к реке, что-то у него в машине барахлит, а мы снова поехали в Григоровку. Не доезжая до деревни двух километров, нас остановила пехота, которая окапывалась рядом с дорогой:

– Вы куда?

– В Григоровку.

– Так немцы там, они нас из деревни выбили!

Какой-то солдат в телогрейке сказал:

– Здесь занимайте оборону.

Я подобрал возвышенное место, покрытое кустарником, и на обратном скате приказал рыть танковый окоп. У нас были лопата, кайло и лом, и мы втроем стали усиленно копать укрытие для

танка. Первый метр был мягкий грунт, потом пошел щебень, стало труднее копать, но мы углубили окоп по ширине гусениц еще на полметра. Загнали танк, выгрузили ящики с боеприпасами и сделали продольный ровик для них. Замаскировали танк ветками и приготовились к бою.

Уже светало, началась перестрелка. Смотрю в прицел, а на нас немцы бегут в атаку, и я стал вести огонь. Наши бойцы вырыли окопы в три ряда, так они то бегут назад из окопов, то снова бросаются вперед. Также и немцы, бегут в атаку, отходят под огнем и снова идут напролом. Так продолжалось несколько раз. Я стрелял из орудия по отблескам огня в кустах, но больше всего мне понравилось, как бил наш пулемет, строчил, как хорошая швейная машинка.

С наступлением темноты немцы прекратили атаковать. Мы стали пополнять боезапас, набивать ленты патронами, и тут выяснилось, что у нас нет трассирующих патронов, а в ящиках со снарядами лежали две металлических коробки, в каждой из которых было по два хорошо упакованных снаряда, а сами коробки были скреплены, обмотаны изолентой. Старшина посмотрел на эти коробки и сказал, что неплохой котелок для нас получится, тут же нашел кусок проволоки и сделал ручку.

По рации передали распоряжение от старшего лейтенанта Лосева, чтобы к трем часам ночи мы прислали человека за обедом. И я понял, что, видно, мой взводный Ребров так и остался у немцев в Григоровке, оттуда не выбрался.

Механик пошел с новым «котелком» за едой, принес опостылевшую гороховую кашу с тремя кусочками мяса и стеклянную фляжку с водкой. Мы были голодными как собаки и сразу все срубали.

Под утро опять началась стрельба. Я стрелял из пулемета, хотя в прицеле редко кто показывался. Так, в перестрелке, прошел еще один день, а к вечеру стала вести огонь наша артиллерия с другого берега реки. Вначале они по ошибке ударили по нашим передовым окопам, потом перенесли огонь дальше вглубь.

Ночью по рации меня вызвал ротный Лосев и сказал, что утром ко мне подойдут еще два наших танка, и по сигналу красной ракетой мы должны атаковать немцев, а пехота пойдет за нами. Утром – красная ракета в воздухе, мы проехали все три линии наших окопов, и из первой траншеи пехотинцы махали нам касками. Мы развернулись в линию – мой танк посередине, – и двинулись вперед. Я стрелял из пулемета по фрицам-пехотинцам и бил из пушки по отблескам пламени на немецкой стороне, рядом с танком рвались немецкие снаряды. Стали и мы непрерывно стрелять из танкового орудия. Чистяков, молодец, не

дожидаясь моей команды, сразу после очередного выстрела заряжал пушку. В бой мы пошли с открытым люком, он у «Валентайна» двойной, как этажерка, опускается на башню, и издалека даже не видно, что люк открыт, но я говорю Чистякову: смотри, чтобы нам немцы гранату в башню не забросили: мы ведь уже шли через их окопы, и немецкие солдаты мелькали тут и там. Я до того увлекся беспрерывной стрельбой, что, крутя башню, и не заметил, что мой механик-водитель находится позади меня. Кричу ему:

– Что, на немцев смотреть не можешь и танк развернул на 180 градусов?!

Я пнул его сапогом по спине, и тут Чистяков достает гранаты и с одной из них снимает чеку. Ору ему:

– Бросай!

Он кидает гранату из люка, и в это время по рации передают команду:

– Вернуться…

Весь экипаж слышал эту команду. Мыколе разворачиваться не пришлось, и он сразу двинул танк назад. Я приказал Чистякову стрелять из дымового миномета, и он выстрелил три мины.

Дымок нас немного прикрыл, и мы благополучно вернулись в свой танковый окоп. Загнали в него танк, быстро наломали веток с кустов и замаскировали свою машину.

Лосев по рации приказывает явиться к нему. Пошел не прямо, а между кустов, вышел к Днепру и вижу, что наши танки закопаны в возвышенностях берега в нескольких десятках метрах от реки. Отдельно стоит «Шерман», возле него командир полка и начштаба Мороз. Полковник меня увидел и говорит:

– Докладывай, сколько фашистов убил?

Я оторопел, но сказал, что стрелял по врагам из пушки и пулемета. Комполка говорит Морозу:

– Запиши, что он уничтожил 12 фашистов и две пулеметные точки. А ты, лейтенант, молодец, хорошо воюешь!

Я спросил:

– А почему пехота за нами не пошла?

На что командир полка ответил:

– У пехоты такого приказа не было. Мы вас в разведку боем посылали.

Я осмелел и сказал следующее:

– Товарищ полковник, мой танк на позициях пехоты закопан, а остальные наши танки в пятистах метрах сзади. Что-то мне это не нравится.

Полковник усмехнулся, похлопал меня по плечу и ответил:

– Чтобы тебе скучно там не было, я вперед еще один танк

пришлю.

Иду к пехоте через кустарник, а по возвышености в ту же сторону идет наш «Валентайн». Немцы стали бить из шестиствольных минометов. Добежал до своего танка, а идущая к нам «валентина» уже горит.

Схватил огнетушитель, побежал к горящей машине и стал поливать внутрь, благо люк у танка был открыт. Сначала прекратилось пламя, а потом и дым, я залез в башню – сгорел гильзоулавливатель – большой брезентовый мешок, идущий от орудия до днища танка, да еще на ящике с пехотными минами обгорела крышка. Я хотел выбросить мины из танка, схватился за одну и сразу обжег ладонь.

Внизу стоны механика-водителя. Командир танка, успевший выскочить из горящей машины ранее, вернулся к ней, и мы вместе вытащили раненого механика-водителя, у которого была большая рваная рана на спине. Лейтенант повел своего механика в тыл.

Я вернулся к танку, и снова все повторилось, как «дежавю».

Наша артиллерия бьет через Днепр, накрывая первым залпом свою пехоту, и только потом переносит огонь в сторону немецких траншей. Стреляет немецкая артиллерия, и пехота периодически тревожит друг друга огнем. И я стреляю из пушки, не экономя снаряды, по каждому отблеску пламени перед нами. К вечеру подбитую «валентину» отволокли в тыл.

Наступила ночь, мы немного стали замерзать, ведь на нас только летнее обмундирование, ни ватников, ни комбинезонов. Стали давить донимавших нас вшей. Ночью Чистяков сходил за нашим «завтраком-обедом-ужином». Опять горох с тремя кусочками мяса! Правда, еще принес немного водки.

Заряжающий сказал, что нам этот горох придется до самой смерти есть, поскольку полк захватил где-то у немцев целых два вагона гороха.

Немного подремали сидя, а на рассвете снова начался взаимный артобстрел.

Слева от нас появился танк Т-34, остановился в пятидесяти метрах и стал стрелять по немцам.

Говорю механику:

– Старшина, сходи узнай, кто такие? Как здесь очутились?

Васильев вернулся и говорит:

– Эти с другого фланга. У них атака сорвалась, вот они и прыснули в стороны, кто куда. Их лейтенант сказал, что у них машина повреждена. Сейчас весь боекомплект выпустят и поедут в тыл на ремонт.

Т-34 стрелял еще минут двадцать, потом ушел в тыл, но по

месту, где он стоял, немцы выпустили 15–20 снарядов, разорвавшихся близко от нас.

Обстрел прекратился, я вылез из танка. Вся маскировка сорвана, зенитный пулемет разбит, глушитель тоже, все ящики по левому борту искорежены, брезент разорван в нескольких местах!

Мимо пролетел снаряд, я поднял голову посмотреть, где он разорвался, и тут мне осколок, видно уже на излете, ударил в левую надбровную дугу. Кровь полилась по лицу и на гимнастерку. Чистяков обмотал мне голову индивидульным пакетом. Смотрю, а рядом с бруствером лежит неразорвавшийся снаряд от немецкой 105-мм пушки.

Снова замаскировали танк.

Опять Лосев по рации приказывает прибыть во вторую линию к Днепру. Дошел до «Шермана». Стоит комполка:

– Оказывается, это тебя ранило? А мне доложили, что твоего механика задело. Как себя чувствуешь?

А я же был патриот и «дурак», так отвечаю:

– Нормально все, товарищ полковник.

– Держись, Матусов, ты у нас молодчина.

Потом достает из кармана квадратное зеркальце и говорит, мол, посмотри на себя.

Я глянул – и сам себя не узнал: все лицо в копоти, кровь запеклась на лице и на гимнастерке. И тут крики:

– Немецкий танк!

Комполка – мне:

– Давай беги к своему танку, ты к немцу ближе всех будешь!

Побежал к своим, мимо меня пролетел один снаряд, и, когда я уже почти достиг своего танка, в немецкую сторону «пошел» еще снаряд и попал прямо в немецкий танк, который загорелся, и в горящей машине стали рваться снаряды.

Наступила холодная ночь, нас «жрали» вши, и в три часа я пошел за кормежкой для экипажа. Полевая кухня стояла где-то за бугорком, «сопкой», я уже слышал, как звякают котелки, разговоры, громкий шум, как немцы кинули сюда мины. Разрывы, дым, я закашлялся, смотрю, а одна неразорвавшаяся мина торчит в земле возле меня. Шум прекратился, все мины упали по эту сторону сопки, никого не задев у кухни. Я подошел – стоят солдаты, говорят, еще не сварили, вот, стоим, ждем. Я встал в очередь, мне налили в котелок гороха, кинули три дежурных кусочка мяса.

Вдруг кто-то меня подзывает:

– Товарищ лейтенант, идите сюда.

Сидит старшина, наливает мне полфляжки водки, дает «высокую» банку консервов, пару грудочек сахара и пару сухарей,

говорит:

– Это ваш доппаек.

А я тогда и не знал, что есть офицерский дополнительный паек. Я его впервые получил. Принес еду в экипаж, и мы первым делом открыли консервную банку, в ней оказалось завернутое в пергаментную бумагу сало, шириной в две моих ладони, да такое красивое – сантиметр сала, сантиметр мяса. Для нас это был шикарный деликатес, съели его под стопку водки, а опостылевший нам горох не тронули, и так эта каша уже в печенках сидела. Попили водички, которую механик принес из Днепра.

Утром немцы пошли в атаку, без артподготовки. Наша пехота открыла огонь, я начал стрелять из пулемета, но вдруг пулемет замолчал. Оказывается, одна гильза застряла в стволе, как бы приплавилась к нему. Мы с Чистяковым не смогли ее извлечь из пулемета.

Я стал по рации вызывать ротного, но на связь вышел наш помпотех Савиных и, услышав, что у нас приключилось, пообещал, что скоро доставят запасной ствол.

Уже в сумерках пришел какой-то солдат, принес в брезентовых чехлах два запасных ствола и сразу испарился. Я передал стволы Чистякову, он посмотрел на них и сказал, что стволы не подходят к нашему пулемету, они от английского танкового пулемета «Беза» (стоявший на некоторых танках в полку), а у нас на танке – бельгийский «Браунинг». Что делать? Вдали за нашими окопами стоял подбитый «Валентайн», днем его хорошо было видно, и я решил ночью пробраться туда и снять пулемет с подбитого танка. Даже не подумал, что вдруг на нем стоит не тот пулемет. Но тогда я был «настырный глупец», упрямый парень, и если что задумывал, то обязательно делал.

О своем намерении я ничего экипажу не сказал, и, когда Чистяков ночью ушел за нашим «обедом», я тоже вылез из танка, добрался до низины, увидел силуэт танка и пополз к нему. Из-под танка меня тихо окликают. Я сказал, что свой, заползаю, а под днищем три наших пехотинца вырыли себе окоп.

Через открытый люк залез в танк, снял пулемет с цапфы, взялся за ствол, надавил, развернул на 45 градусов, и ствол оказался у меня в руках и по виду подходил для нашего, вроде такой же, длиной где-то 60–70 сантиметров.

Пополз назад, сбился с дороги, наткнулся на труп, потом встал в полный рост и добрался до своего танка.

Поменяли ствол, и мой танк снова стал в полном боевом снаряжении. По рации передают, чтобы мы утром были готовы к атаке, по сигналу красных ракет. Передали открытым текстом, и

немцы тоже все, конечно, слышали.

Мы дозарядили пулеметные ленты, укомплектовали еще несколько ящиков со снарядами. Оставалось еще два ящика патронов, но среди них не было трассирующих. Говорю Мыколе, чтобы проверил работу мотора и прогрел его, и он что-то долго возился с переноской, свет есть, а мотор не заводится. Он пробовал несколько раз, ничего не получилось. Я подумал, что он чего-то мудрит.

Стал по рации передавать свои позывные, на связь вышел ротный, и я доложил ему, что у нас мотор не заводится, прогреть его не можем. Ротный ответил, что пришлет помпотеха, старшего лейтенанта Савиных.

Ждали помпотеха долго, он появился ночью, залез в башню, я с переноской рядом. И тут Савиных достает пистолет и направляет его на старшину Васильева и говорит:

– Тебя, сукин сын, трибунал судить будет!

И выясняется, что Васильев специально перерезал провода, а Савиных в этих делах, видно, был опытным человеком.

Старший лейтенант приказал Чистякову взять автомат, отвезти Мыколу в штаб и сдать под охрану. Васильев стал бледным, как стена. Помпотех пообещал прислать другого механика-водителя. Они ушли…

Я в загородке мотора открыл круглый ящик, и действительно – два провода аккуратно перерезаны. И когда эта сволочь успела сделать такое, ведь мы с Чистяковым вылезали из башни, только когда снимали и чистили гильзоулавливатель от стреляных гильз?

И тут я вспомнил, как начштаба назвал Мыколу дезертиром на мосту, и как механик крутанул танк в песках перед посадкой на понтон, так с танка аж гусеница слетела, и как в атаке развернул танк без команды, и как все время просился к Днепру за водой. Все сложилось один к одному, как стеклышки в калейдоскопе. Что интересно, но ведь мои команды он выполнял беспрекословно, меня всегда называл «лейтенант», хотя я был только младшим лейтенантом, и вообще, разве мог я подумать, что он сознательно пытается увильнуть от боя… Ошибся я в этом человеке.

Порылся в ящике, нашел складной нож, изоленту, зачистил обрывки проводов, скрепил, включил тумблер, и в танке появился свет. Сел на место водителя, проверил «нейтрал», нажал на педаль мотора, и танк сразу же завелся. Вернулся Чистяков, привел с собой старшину, который мне доложил, что он мехвод и прибыл в мое распоряжение. Не помню уже его фамилии.

Я ему сказал, что утром, «по красным ракетам», идем в атаку,

а старшина мне говорит, что этот приказ отменен и нас перебрасывают для атаки в другое место. Под утро мимо нас прошли наши «валентины» и три «Шермана», и мы присоединились к ним. Прошли мимо подбитого «Валентайна», стоящего лицом к нашей колонне. Возле него валялись разбитые ящики с патронами с красными наконечниками – «трассеры». За нами двигались еще танки.

Проехали мы колонной километра два-три по диагонали к фронту, остановились у какой-то возвышенности. Лосев приказал занимать оборону, и мы стали рыть окоп для танка. Потом под танком вырыли еще щель для себя, туда затолкали рваный брезент, набрали соломы из большой скирды и замаскировали машину. Подошел Лосев и рассказал, что вернулся мой командир взвода, он несколько дней скрывался на чердаке в одной из хат в занятой немцами Григоровке, а танки сожгли то ли немцы, то ли власовцы…

Рассвело, было тихо, никто не стрелял на нашем участке. За возвышенностью, за нашей спиной, была низина метров шестьсот-семьсот длиной, а за ней шел небольшой бугор и картофельное поле, а впереди низинка и небольшой лесок. Немецких траншей я не увидел.

Часов в одиннадцать я решил пойти за «трассерами», валявшимися в ящике у подбитой «валентины». У нас в танке был один на экипаж автомат «Томпсон», такой грубо изготовленный и неказистый, выглядевший как «обрубок», с рожковым магазином. Я взял автомат и пошел.

Проходил мимо расчетов ранцевых огнеметов, увидел много окопов, которых раньше тут не наблюдалось.

Добрался до подбитого танка, снял с себя гимнастерку, завязал за ворот и рукава, получился как бы мешок. Навалил туда штук триста патронов, взвалил «мешок» на спину, в одной руке держу автомат и пошел к своим. Слышу громкий шепот:

– Ложись, стрелять будем. Ползи сюда!

Я не пойму, в чем дело, но лег и пополз на голос. В окопе три наших бойца, спрашивают:

– Ты откуда взялся?

– За трассирующими патронами ходил.

– Да как ты через лесок прошел, там же немцы! Мы в боевом охранении.

– Но меня никто не остановил…

По ходу сообщения я двинулся дальше и тут решил проверить свой автомат, дать короткую очередь вверх. Нажимаю на курок – не стреляет. Я снова передернул затвор, и только с третьей попытки последовала очередь. И мне стало не по себе: ведь немцы

могли меня схватить, как котенка, я даже толком не смог бы оказать сопротивление.

Пришел к экипажу, мы вставили «трассеры» в пулеметные ленты, один через каждые 3–4 обычных патрона.

С тыла подъехала «катюша», из машины вышли два человека, поставили на треноге какой-то инструмент, наверное буссоль, замерили угол прицела, через пару минут дали залп по немцам и сразу же смотались. Немцы дали ответный залп из орудий, разрывы, крики раненых пехотинцев. Ночью из-за Днепра прилетели наши По-2 и без звука, выключив моторы, бомбили немцев с планирования.

Я заснул.

Под утро ребята меня разбудили, поел гороховой каши, выпил свои 100 грамм под кусок жесткого мяса. Начинался очередной день войны на плацдарме.

В лощине, в 100 метрах от нас, появились бойцы, которые ставили в длинную линию, в два ряда, ящики с РС наклоном к фронту, готовились к ракетному залпу.

Пришел Лосев, предупредил, что будет наступление, сразу после залпа РС. Мы были готовы к атаке, механик прогрел мотор.

В семь часов утра в небо взлетела сигнальная ракета и РСы, один обгоняя другого, полетели в сторону немцев, и мы рванули вперед.

Танк, идущий слева, подорвался на мине, но лавина «Валентайнов» шла по большому ровному полю на немцев. В это момент над нами появился самолет и сбросил на танки контейнер, из которого посыпались сотни гранат.

Идем по чужому танковому гусеничному следу и упираемся в стоящую «валентину»: вся башня в крови, гудит рация, внутри убитый механик-водитель, пахнет кровью и горелым. Рядом еще один наш застывший навеки танк. Запах гари.

Наши танки скапливались правее от нас, в балке, и я выехал к обрыву и увидел, как вдали, в клубах дыма и пыли, отходит колонна немецкой техники. Я выпустил по ним с десяток снарядов и отъехал от края балки, где тут же стали рваться снаряды.

Стоит метрах в ста от нас еще одна «валентина». Подбегаю к ней, снял с пояса гранату, стучу ею по броне. Вылезает из башни командир танка, спрашиваю:

– Где ротный?

– Убило Лосева. Теперь Савиных нами командует.

Пошел по тропке до края балки, где находилось несколько наших танков, увидел там Савиных, доложил ему, что по дороге отходит немецкая колонна. Он приказал мне бить по этой

колонне, пока остальные танки попытаются под немецким артогнем выехать из балки. Мой танк выехал на край, мы снова стреляли по колонне, которая скрывалась в громадных клубах пыли и дыма, пока Савиных с другими танками не вышел из балки, а потом и сами двинулись вперед, в направлении деревни Букрын.

Ехали по полю, я стрелял из пулемета по хатам, вышли на полевую дорогу, ведущую прямо в село, и заехали в проулок. Смотрю – справа от нас немецкое орудие, стал поворачивать башню, успел увидеть, как немцы отбегают от орудия, и тут… адская боль в руке, я сполз с сиденья, танк сильно качнуло, грохот, и машина остановилась. Мы наехали на пушку и раздавили ее. Меня вытащили из танка через башню, сзади уже подбегала наша пехота. Чистяков мне забинтовал кисть правой руки, кровь сочилась через бинты, и я сказал заряжающему, чтобы он взял у меня из левого кармана еще один индивидуальный пакет и наложил его на первый бинт.

Я сказал экипажу, чтобы ждали, кого-то пришлют мне на смену, попрощался с механиком и заряжающим и, стоная от боли, пошел в тыл, к Днепру, по грунтовой дороге. Навстречу мне шла цепью наша пехота. Смотрю – на дороге стоят два «Тигра», один против другого, слева резкое возвышение дороги, а справа обрывистый скат. Эти подбитые «Тигры» закрыли собой проход для колесных машин, которые догорали, окутанные чадящим дымом. Несколько грузовиков, легковушка, три покореженные разбитые пушки, трупы… и снова горящие машины… Все брошено впопыхах. Видимо, первый подбитый немецкий танк, стоящий поперек и уткнувшийся пушкой в возвышенность, собой перекрыл дорогу, и вся колонна оказалась в ловушке. Никто не смог развернуться – с другой стороны обрыв!

Я шел, и радость от увиденного немного приглушала сильную боль в раненой руке. Я думал, что тут и моя работа, ведь это был именно тот участок дороги, по которому я стрелял из танка.

Стал рассматривать первый «Тигр». Сзади, над мотором (у «Тигра» трансмиссия впереди), была натянута мелкая сетка, наверное, чтобы брошенные бутылки КС не разбивались, и покрытие, кажется, мягкий асбест.

Я сполз по обрывистому скату – вдали блестел Днепр – и пошел к реке…

На мосту стояли военные с красными околышами на фуражках, энкавэдэшники из заградотряда. Среди них был один капитан, который крикнул кому-то из своих:

– Проверь танкиста! Небось руку кровью обмазал и бежит!

Заградотрядовец стал разматывать бинты на руке, видит, из-под них сочится кровь, и говорит мне:

– Извини, браток, проходи.

– А где тут госпиталь?

– На той стороне, пройдешь прямо по дороге до села километра три, там увидишь.

Иду, вижу – несколько хат с соломенными крышами и большая брезентовая палатка с красным крестом. Мне в палатке сделали укол от столбняка, повели на санобработку, обмундирование кинули в прожарку, и я, кряхтя от боли, пытался как-то помыться.

Повели в палатку, сняли мои бинты, промыли рану, положили гипс до локтя.

Завели в хату, там на полу настелена грязная солома, и лежит на ней один младший лейтенант из пехоты, жизнерадостный и веселый татарин. Ему осколок попал в ягодицу, и я сказал:

– Ты, видно, драпал, если тебя в такое «интересное» место ранило.

Он рассмеялся, мол, точно драпал, да сзади мина разорвалась.

Из соседней комнаты раздавались стоны, и пехотинец сказал, что там лежит сильно обгоревший капитан-танкист.

Ночь я провел в стонах, боль в руке усиливалась, и мне казалось, что стоны помогают ее терпеть, а в соседней комнате орал от боли обгоревший танкист.

Пришла медсестра, сказала, что капитан не жилец и помочь ему медики уже не могут. Мне тоже хотелось кричать от невыносимой боли, рука под гипсом горела, я озверел и как ошалелый зашел в палатку, где находилась женщина-врач, капитан медслужбы.

Я кричу:

– Гипс снимите! Боль адская!

А капитанша заявляет, что гипс наложен на две недели и только потом его снимут. Я стал орать, что сам сорву этот гипс, тогда военврач говорит медсестре:

– Сними с него гипс.

Срезали гипс ножницами, а под ним кругом черный гной! Стали промывать рану, и из нее вываливается осколок. Мне стало легче, боль затихла.

Я лежал в госпитале, наши уже взяли Киев, но рана не заживала, а два крайних пальца скрючило контрактурой, они были загнуты к ладони.

Наш полевой госпиталь в ноябре перебазировали в Пуще-

Водицу, на окраине Киева. Разместили в хорошем уцелевшем здании, где уже были железные кровати с постелями. Рядом с госпиталем роща и конечная остановка киевского трамвая.

Стал осматривать меня главный хирург госпиталя, зондом тыкал в мою рану, пока не пошла кровь с гноем, и после сказал, что надо делать операцию по удалению осколков из руки. Привели в хирургическое отделение, привязали за руки и за ноги к операционному столу, сделали блокаду, обкололи всю руку, хирург сделал разрез и стал копошиться в ране.

Я только слышал, что он говорит ассистенту и операционной медсестре:

– Запишите: разрез длиной 13 сантиметров, чистка лучевой кости…

После этой операции мое состояние улучшилось, но тут пришло письмо из Артемовска, в котором кто-то мне сообщил, что вся семья Матусовых погибла от немецких рук. Мне стало тяжело на душе, не хотелось жить…

Я стал для себя никчемным человеком, который никому не нужен и которого никто уже не ждет. Только одна мысль – побыстрей выписаться и снова пойти воевать и мстить.

В ране оставалось еще сантиметра четыре незажившего шва, но я пошел к главному врачу госпиталя и попросился на выписку. Он ответил:

– Пока рано. Да еще и так бывает, есть такие ловкачи, которые специально выписываются с незажившим ранением пораньше, чтобы потом растянуть лечение в другом месте и не попасть на фронт. Я о вас так не думаю, но если вы хотите выписаться досрочно, то пишите заявление с просьбой.

Я раненой рукой кое-как написал заявление, и 5 февраля 1944 года меня выписали из госпиталя.

Выдали старую солдатскую шинель и направление в сторону Винницы, где в каком-то штабе я должен был получить назначение.

Добирался на попутках и как-то слез в какой-то безлюдной деревушке, где повсюду валялись трупы немецких солдат. Проехал до следующей деревни, машина дальше не шла, в какую хату дверь ни открою, все битком забито нашими солдатами. Смотрю – вдали лесочек, а на опушке стоит одинокая хата.

Пошел туда по полю, снегу по колено… Открываю дверь, в сенях никого нет, захожу в комнату и вижу, что за столом сидят двое. Один из них, здоровяк с наголо бритой головой, сидит ко мне спиной. Спрашиваю:

– Можно здесь заночевать?

А мне «спина» отвечает:

– Здесь расположена армейская штрафная рота, и посторонним тут находиться запрещено!

Я вышел из хаты, куда идти – не знаю. И тут за мной выходит этот бритый здоровяк:

– Извини, товарищ лейтенант. Зае…сь эти танки. У меня на Дону четверо ребят батьку ждут!

Я обернулся и сразу узнал Мыколу Васильева, своего бывшего механика-водителя! Он добавил:

– Я здесь в штрафной роте по ночам штрафникам на передовую обед доставляю. Заходите, товарищ лейтенант, не обижайтесь.

Я зашел в хату, Васильев говорит своему товарищу:

– Это мой командир танка.

Сели за стол, старшина достал бутылку самогонки, разлили ее по кружкам и молча чокнулись. Я подумал, вот гад, и в штрафной роте пристроился, чтобы не воевать, нашел теплое местечко. Постелил шинель на пол и заснул.

Ночью ушел из этой хаты, ни с кем не прощаясь. На дороге поймал попутку и доехал до города, явился в штаб БТ и МВ, показал документы и справку в одном из кабинетов и сказал, что разыскиваю свой 53-й танковый полк 69-й механизированной бригады.

Офицер взял мои справки, вышел из комнаты и, вернувшись, заявил:

– Твой полк давно на Урале, отправлен на переформировку. Мы решили направить тебя на другой фронт. Поедешь в Карелию, финнов бить.

У меня даже не было сил удивляться. Неужели на Украине нет танковых частей, нуждающихся в танкистах? Зачем гонять офицера через полстраны куда-то на север?.. Полнейший абсурд!

Мне выдали направление, продаттестат. На товарняке добрался до Киева, дальше – на Харьков, где мне предстояла пересадка на Москву. На вокзале встретил старшину-танкиста, который сказал, что помнит меня по мехбригаде и что меня за бои на Букринском плацдарме наградили орденом Красной Звезды.

Где сейчас наша часть, он точно не знал, поскольку тоже возвращался из госпиталя.

Пошел в Харькове на вокзальный медпункт поменять бинты на руке и встречаю там двух офицеров, один из них старший лейтенант из нашего училища. Говорит мне:

– Покажи награды.

А я ему показываю на бинты и думаю: «Вот наивный парень, спешит на фронт за орденами, а я на войне о них и не думал и не

стремился что-то получить…»

В Москве, в комендатуре, мне объяснили, на какой вокзал надо перейти, я залез в поезд, идущий на Мурманск, мне досталась узкая третья багажная полка, и, чтобы не слететь оттуда во сне, я привязывал себя поясным ремнем за трубу.

Через несколько дней я слез на станции Беломорск, и в каком-то штабе мне дали направление в часть в город Кемь, куда я и прибыл в начале марта 1944 года. (Бои на Букринском плацдарме были осенью 43-го.)

В трех километрах от станции Кемь находились бараки, в которых размещался танковый резерв.

КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ

В офицерском танковом резерве в городе Кемь нас разместили в бараках, где мы спали на нарах.

В нашей комнате находилось двадцать офицеров, все лейтенанты, за исключением одного капитана.

Познакомился с младшим лейтенантом Ивановым, парнишкой из Алма-Аты, еще не побывавшим на фронте. Я прибыл в Карелию в старом порванном «госпитальном» обмундировании, и меня в резерве переодели в сносную форму.

Ежедневно проводились четырехчасовые теоретические занятия, и после них мы были совершенно свободны. Кормили впроголодь, два раза в день.

Кругом сопки, болота и слякоть. В свободное время мы бродили в окрестностях, ходили в Кемь, знакомились с девушками.

Через несколько недель я получил предписание прибыть в свою новую часть – 38-ю танковую бригаду, дислоцированную в лесу, в пяти километрах от Кандалакши. В штабе 1-го танкового батальона меня встретил капитан Мельник и отвел к командиру первой роты капитану Михайлову.

Ротный, здоровый мурловатый мужик, привел меня в расположение роты, к моему экипажу и сказал танкистам:

– Это ваш новый командир танка.

Я представился.

Они посмотрели на мои две нашивки о ранениях, стали знакомиться. Механиком-водителем танка был старшина Мальцев, заряжающим был старший сержант, сибиряк, но его фамилии и имени стрелка-радиста я уже не помню. В боях они еще не участвовали, поскольку часть долгое время находилась во фронтовом резерве, занимая оборону во второй линии, вдали от

передовой. Как тогда говорили: «Есть три нейтральные страны: Швеция, Швейцария и Карельский фронт».

В батальоне были танки Т-34 с бензиновыми двигателями, еще первого выпуска Сталинградского завода, с одним общим люком в башне и авиационным мотором с Р-5 с мощностью 375 л/с.

Я тут же облазил всю машину. Рядом стоял танк командира взвода лейтенанта Саши Уткина, призванного из Саратова. Я доложил ему о себе. Лейтенант Уткин был белокурым молодым парнем, а по характеру – замкнутым человеком.

Уткин сказал, что предыдущий командир с экипажем не ладил, а сейчас лежит в госпитале с какой-то инфекцией в руке.

Пошли с Уткиным в офицерскую казарму – такая «полуземлянка» с окнами и нарами для сна.

Познакомился с командиром второго взвода старшим лейтенантом Виктором Валиновым. Мне рассказали, что наша бригада состоит всего из двух танковых батальонов, в ротах по 10 танков Т-34, и что бригада на Карельском фронте еще не воевала.

Комбригом был полковник Коновалов, пожилой человек, ему было больше 50 лет. Меня отвели к старшине, и я получил офицерский доппаек: две банки консервов – треска в масле, полкило печенья и несколько кусков сахара.

Вернулся к экипажу, говорю, давайте поедим, для нас все это было деликатесом, и эту провизию мы моментально приговорили.

Мальцев еще заметил, что прежний командир никогда доппайком с экипажем не делился.

Я начал входить в курс дела. Заместитель командира батальона по строевой капитан Мельник ко мне очень хорошо относился, часто приходил и подолгу беседовал. Это был немолодой человек, лет сорока пяти, бывший детдомовец, который всю сознательную жизнь служил в армии, на его груди висела медаль «20 лет РККА».

Я подружился с командиром одного из танковых взводов старшим лейтенантом Иваном Литовским, у нас было много общего во взглядах на жизнь. Он был простой, хороший, бесхитростный парень, с 1922 года рождения, родом из Златоуста, плотный здоровяк с простым открытым русским лицом.

В парковые дни мы находились у своих машин, проводили тренировки. А по воскресеньям отдыхали. Ходить в свободное время было некуда, город был далеко от нас.

Кругом негустые леса, в которых солдаты собирали ягоды – голубику и морошку. Нам выдали личное оружие, револьверы «наган». Шли дни спокойной службы вдали от передовой. Как-то

вызывает меня командир роты и говорит:

– Назавтра назначены показательные стрельбы, и в них будут участвовать твой танк и экипажи Уткина и Черногубова, стрельба по мишеням, всего три цели.

Отстрелялись мы на «отлично», за нашей стрельбой наблюдали с трибуны командир бригады и городское начальство.

После окончания показательных стрельб к нам подошла группа гражданских и военных, поблагодарили и каждому командиру танка дали по пачке папирос «Казбек». Я открыл коробку с папиросами, все закурили, а командир взвода Уткин сказал, что свои папиросы он откроет только в день окончания войны. И сколько мы ни пытались потом эту коробку с папиросами выиграть у него в карты, Уткин никогда ее на кон не ставил.

Но не суждено было моему взводному выкурить эти папиросы. В марте 1945 года немецкий снаряд врезался в башню уткинской «тридцатьчетверки», и ему оторвало голову. И меня в той атаке ранило…

В один из летних дней 1944 года нас подняли по тревоге, мы совершили марш к передовой, где через брешь, прорванную пехотой в обороне противника, пошли в рейд по его тылам. Мы двигались по бездорожью, по сопкам, болотам и валунам, некоторые танки застревали, у нескольких оторвались катки, но мой механик-водитель Мальцев был опытным, и нам удалось избежать подобных неприятностей.

Мы двигались беспрерывно больше десяти часов, пока не выбрались на какую-то магистраль. Моя машина вышла к ней пятой или шестой.

На этой дороге немцы или финны бросили 15 целых танкеток французского производства, и мы с Валиновым ходили на них смотреть, и когда увидели, что на танкетках стоят только 20-мм пушки, то нам стало ясно, почему их бросили. Ну что бы с таким вооружением они могли сделать нашим Т-34?

Мы продолжили движение по этой дороге, впереди оказался танк капитана Мельника. Перед нами мост. Мельник по нему проехал, и тут мост взлетел на воздух, а по нашей колонне начали бить из орудий. Один танк съехал с дороги и сразу зарылся в болото почти по башню, перед мостом рвались снаряды, и мы, не разворачиваясь, стали сдавать назад.

На той стороне оставался танк Мельника, а мы пятились, и по бокам отходила под артогнем наша пехота. Медсестра нашего батальона, спасаясь от осколков, подлезла под один танк, и он, разворачиваясь, ее покалечил.

Мы отошли в лесисто-болотистую местность, окопались,

замаскировали танки.

Так прошли сутки, над нашими головами изредка пролетала «рама».

Пришел ротный, сказал, что мы наткнулись на укрепрайон и что немцы ночью подбросили к мосту раздетый изуродованный труп капитана Мельника. Его тело выкрали наши разведчики и увидели, что на спине у Мельника были вырезаны звезды. А чуть позже с немецкой стороны выбрался старшина, стрелок-радист из экипажа Мельника, и его сразу взял в оборот СМЕРШ. И тут, с его слов, выяснилось следующее: наш комсорг, башнер в мельниковском экипаже, сразу после подрыва моста за спиной, из пистолета застрелил Мельника и механика-водителя, а его, радиста-пулеметчика, взял в плен и сдал немцам, и что этот комсорг на самом деле был немецким лазутчиком, засланным к нам давно, еще в маршевую роту, получавшую танки в Нижнем Тагиле.

Капитана Мельника похоронили в Кандалакше… Прошло еще несколько дней. Финляндия капитулировала и вышла из войны, немецкие части уходили на север, и наша бригада встала в районе станции Аллакурти, все железнодорожные подъезды к которой были взорваны при отступлении.

Город Аллакурти фактически существовал только на карте – на месте сгоревших домов торчали лишь печные трубы.

Экипажи стали валить лес, рыть землянки и танковые капониры в сопках. В землянках устроили топчаны с настилом из хвои, а дверь в землянку смастерили из немецких крестов. Рядом со сгоревшим городком Аллакурти находилось громадное немецкое кладбище, которому не было видно ни конца ни края. Десятки тысяч крестов.

Кресты на могилах были из дубовых досок, на тыльной стороне было выжжено клеймо изготовления «1939 год», а на лицевой стороне были написаны данные похороненного, вплоть до даты гибели, и прибита личная алюминиевая бирка овальной формы. Каждый крест имел свой порядковый номер, и я видел даже такую цифру – «№ 55208». Вот сколько немцев здесь полегло, воюя за финнов!

И мы, как варвары, обрубали поперечные доски и делали из них двери в землянку. Рядом с основным кладбищем я увидел несколько незасыпанных ям с убитыми немцами и отдельный саркофаг, видно из мрамора. Говорили, что тут захоронен большой немецкий чин, наверное генерал.

Мы жили в отдельной офицерской землянке: командиры танков Черногубов, Львов, Зуев, Киселев и я, командиры взводов Литовский, Уткин, Валинов.

Целый месяц мы «загорали», делать было нечего. Потом нас перевели в финские бараки с нарами в два яруса, где мы и встретили зиму.

Снега намело по пояс. Ночью наблюдали северное сияние. А потом начались теоретические занятия по изучению по плакатам тяжелого танка ИС-2.

Зимой нам вручили новое обмундирование, сказали, что это подарок английской королевы офицерам Красной Армии, мне досталась суконная гимнастерка и синие галифе, а сапоги у меня по-прежнему были кирзовые.

В феврале 1945 года мы начали тактические занятия в поле, «пеший по-танковому». Экипажи ходили по сопкам и валунам, и по-прежнему ежедневно в течение нескольких часов мы изучали ИС-2 по плакатам.

Как-то на полевых занятиях мы «находились на исходных» для атаки, и в двадцати метрах от меня стоял экипаж старшего лейтенанта Валинова. К его экипажу подошла группа штабных командиров во главе с комбригом полковником Коноваловым, и комбриг спросил у Валинова:

– Что будете делать на исходных позициях?

– Сброшу запасные баки и буду ждать сигнала командира роты на решительную атаку, товарищ полковник.

– А если я тебе скажу, стрельни с исходных из орудия в сторону противника?

– Я стрелять не буду. Это не по Уставу, товарищ комбриг, выстрел может меня демаскировать перед атакой.

И Коновалов, услышав такой ответ, стал орать на старшего лейтенанта, топать ногами и угрожать разжалованием, хотя права такого не имел: звание офицера давал Верховный, а не этот Коновалов. И на каждом собрании офицеров, при каждой возможности полковник Коновалов в присутствии личного состава оплевывал и всячески оскорблял старшего лейтенанта Валинова, мол, я ему приказал под шумок артподготовки выстрелить в немцев, а он отказался! Да я его в порошок сотру!»

Старший лейтенант Валинов весной 1945 года сложил свою голову на поле брани, а наш Коновалов, которого все мы звали «старый буденновец», наслаждался жизнью в штабе, в то время, когда его танкисты горели заживо в своих боевых машинах.

Коновалов всюду возил за собой корову с дояркой, личный финский домик и молодую ППЖ – медсестру, имея при этом семью в Москве.

Но как он унижал Валинова, я не могу забыть по сей день…

В феврале 1945 года нашу бригаду погрузили в эшелон и отправили на запад. Прибыли в Белоруссию, в город Осиповичи,

где происходила переформировка 38-й ТБр.

Здесь мы сдавали в учебный ТП свои Т-34, а взамен стали приходить ИС-2. Наша бригада стала называться 38-я гвардейская тяжелая танковая бригада прорыва, Коновалову присвоили звание генерал-майора, и на базе батальонов развернули танковые полки.

Мне предложили перейти адъютантом штаба в 109-й ТТП, но я отказался, считая, что предстоит возиться с бумагами, «тыловой холуйской крысой» я становиться не желал и на переформировке попросил оставить меня в должности командира танка или отправить в другую боевую часть, находящуюся на передовой. Тогда командир роты Михайлов меня успокоил:

– Ладно, Матусов, пойдешь в мою роту. Иди сдавай свою «тридцатьчетверку» и попрощайся с экипажем.

Я все сделал, и меня повели в ту часть танкового парка, в которой разместились прибывшие из тыла ИС-2 с экипажами. Познакомились: механик-водитель техник-лейтенант Николай Папков, командир орудия старшина Владимир Возовиков, заряжающий старшина Перкалов. На фронте, к моему большому удивлению, раньше никто из них не был и боевого опыта не имел.

Танк ИС-2 весил 46 тонн, имел 122-мм пушку с боекомплектом из 28 снарядов (14 фугасных и 14 бронебойных). Каждый снаряд был длиной 35 сантиметров и весом 25 килограммов, снаряды были раздельного заряжания: гильзы с порохом весом по 10 кг находились на днище танка в кассетах и по 5 зарядных гильз с двух сторон в боевом отделении.

На танке 4 пулемета: зенитный ДШК с боекомплектом 250 патронов, курсовой пулемет у механика, второй – спаренный с пушкой и третий у меня в командирской башне. К пулеметам мы имели 37 дисков, по 63 патрона калибра 7,62 в каждом диске. Экипаж имел личное оружие: 4 автомата, один револьвер и ящик гранат Ф-1 (20 штук).

Лобовая броня танка – 120 мм, бортовая – 90 мм, на днище – 20 мм.

Скорость – 40 км/ч, скорость при езде назад – 27 км/ч.

Ручной привод в башне у моторной загородки. Одним словом, не танк, а настоящий шедевр!

Единственное, что можно было считать недостатком: стрельбу с ИС-2 нельзя было вести с ходу, а только при короткой остановке. Роты танков ИС-2 состояли из пяти боевых машин, и после переформировки со мной в одной роте оказались старые товарищи: Литовский, Уткин, Черногубов.

Командовал нашим 109-м ТТП подполковник Ленков.

В первых числах марта переформированная 38-я бригада

была переброшена по железной дороге на данцигское направление, на 2-й Белорусский фронт. Мы совершили марш к передовой на 30–40 километров, нам вручили топографические карты района предстоящих боев.

БОИ ПОД ДАНЦИГОМ

Прибыли к передовой, и возле большого польского села наша колонна остановилась на последний привал. Я дал команду экипажу прочистить ДШК. Через десять минут зовут назад к танку. Оказывается, что при чистке пулемета раструбом затвора старшине Перкалову оторвало фалангу на указательном пальце правой руки. Кто виноват, я не стал разбираться. Перкалов и Возовиков, бранясь, показывали один на другого.

Доложил ротному по связи, что у меня ЧП, на что Михайлов ответил: «А что еще можно было ожидать от твоего старшины? Он же всю войну в штабных писарях просидел и сейчас туда же! На окраине села разместился бригадный резерв, иди туда, пусть тебе дадут нового заряжающего». Я дошел по мерзлой грязи до большой хаты, где находился резерв, и его командир, старший лейтенант, сказал, что в резерве 20 человек «безлошадных», все с Т-34, сейчас их построим, забирай к себе кого захочешь. «Резервных» построили, я подошел и сказал, что мне нужен заряжающий на ИС-2 и желающие пусть сделают два шага вперед.

И тут я был поражен: обе шеренги дружно шагнули вперед. Я сказал «Вольно!», прошел вдоль строя взад-вперед и выбрал к себе в экипаж одного старшину, здоровяка, возрастом лет под тридцать, что в рост, что вширь, и хлопнул его по плечу – «пойдем». Он представился: «Старшина Богданов Сергей, из Сибири». Пришли с ним к танку, завели мотор, подъехали к нашим артиллерийским позициям и стали ждать дальнейших указаний. Ротный вызывает на связь: «Разверни карту. За нашими пехотными позициями отмечено болото. Разведай, проход в болоте имеется или нет». – «Есть, товарищ капитан». Проехали километра два вперед и остановились прямо возле окопов пехоты. Неподалеку от нас пулеметный расчет, что-то нам орут. Папков заглушил мотор, я открыл в башне «револьверную пробку» и услышал, что мне кричит пулеметчик: «Танкист. Земляк. Стрельни по амбару за насыпью, там немцы сбежались, человек тридцать». Даю команду: «Вперед. Приготовиться к бою!», и Богданов загнал снаряд в орудие. Перед нами каменный мост, ведущий к насыпи, а сама насыпь высотой по башню, за ней идет роща, а дальше, на возвышенности, большой деревянный сарай

или амбар. Я крикнул: «Короткая!», и Возовиков сделал два выстрела, сарай загорелся. Едем дальше, дорога шла как бы по диагонали, через лесопосадку, к группе больших зданий из красного кирпича, откуда по нам стали вести орудийный огонь. Мы, стреляя «с короткой» по вспышкам орудий, пошли напролом через рощу. Откуда-то слева появились наши Т-34. От нашего огня над кирпичными домами поднялось зарево. Грунт плохой, и машина стала вязнуть в грязи, я только успел доложить ротному, как наш танк засел в грязь по днище.

Мы втроем моментально выскочили из танка, сняли с крыльев два толстых бревна и положили их поперек гусениц, одно в метре от другого. Папков надавил на газ, машина «вылезла» из грязи, и мы снова забрались в башню, и опять «вперед… короткая… выстрел». Но машина вязнет, еле двигается.

Я перелез к смотровой щели механика и кричу: «Не газуй, с выхлопных идет масса искр!» Где-то зарево огня, а справа звук от залпов шестиствольного миномета. Мины несколько раз разорвались прямо перед танком. Папков матерится, кричит, что танк «не тянет». Справа от нас траншея, видимо торфяная, и туда заскочил и застрял танк лейтенанта Уткина, пошедший в атаку справа от нас. Мы до этой траншеи не доехали всего метров пятьдесят. Смогли под углом градусов сорок подойти к уткинскому «ису», и он через полуоткрытый люк прокричал, что они «увязли по полной» и механик уже сидит в воде. Мы подогнали свой танк вплотную, вылезли и под огнем зацепили своим тросом застрявшую машину, но, сколько ни пытались, танк Уткина – ни с места, а еще глубже зарывался в траншею, уже по башню. Я к рации, передаю ротному, что нас надо вытаскивать, а Михайлов мне отвечает, что три остальных танка роты сейчас отходят по приказу, их заменит вторая рота, и приказывает мне охранять танк Уткина, чтобы немцы ночью не подобрались близко и не сожгли нас из фаустпатронов. Я отогнал свой танк в низину, Папков остался на своем месте, а остальной экипаж с автоматами вылез из танка, и мы заняли оборону. Из уткинского экипажа никто не вылезал. Под утро вдали по траншее – крики людей, немцы стали бить из пулемета. Я вскочил в башню, снял пулемет с диском с подвижной цапфы. Немного отошел на возвышенности, кинул на землю полушубок и залег сверху с пулеметом. Стал стрелять очередями на огонь немецкого пулемета, он затих. Отдаю пулемет Богданову – закрепи назад на место в башне, – старшина отходит к машине, и тут на меня выходят два немца. Я за револьвер, а немцы оказались безоружными. Один худощавый, в очках, второй – невысокий коренастый крепыш.

Руки подняты верх. Кричат: «Камрад, плен!»

У крепыша на мундире висит красно-черная муаровая ленточка. Немцы твердят в один голос – «кессел… кессел…», и я понял, что они говорят, что находятся «в котле». Хватаю рукой за эту муаровую ленточку и рву на себя, думал, что это какая-то награда. А немец говорит – «Москау». Понятно, значит, еще под Москвой, гадина, воевал. Ленточку до конца не оторвал, ее край остался висеть на кителе у пленного. Мой Возовиков сидел на крыле танка, и я с грустью смотрел на его обмотки. Четвертый год война идет, немцы до сих пор все в сапогах, а мы, как «голь перекатная», в обмотках. Говорю немцу, чтобы «поменялся» с моим старшиной обувкой, а немец делает вид, что по-русски ни бельмеса не понимает, но после тычка дулом револьвера в живот сразу скинул сапоги. Но Возовикову они оказались малы, он вернул их немцу, который не скрыл своей радости, бормоча себе под нос «зер гут». Я показал немцам направление, куда идти в плен, и они ушли в утренний туман. На передовой было тихо, «фрицы» не стреляли. Когда рассвело, со стороны домов к нам подъехал танк командира второй роты, майора с редкой и очень «армейской» фамилией Подполковников. Он посмотрел на уткинский танк и заключил, что танк можно вызволить двумя тросами. На мой совет не подъезжать к Уткину со стороны траншеи, там «топь», майор не среагировал, и итог его «маневра» был заранее предсказуем, танк этого ротного также закопался в грязь по башню, застряв прямо напротив танка командира взвода, под наклоном больше 50 градусов. Подполковников начал мной распоряжаться: «Мне в 12:00 с двумя танками надо идти в атаку. Пойдешь вместо меня». Я его послал подальше: «Ты, майор, меня за идиота держишь? Ты же специально свою машину в грязь засадил, а теперь я вместо тебя должен в бой ехать?! Я тебе вообще подчиняться не обязан!» Но Подполковников сразу по рации «накапал» на меня в штаб, и часов в десять утра к нашему «торфяному завалу» пришел капитан и передал мне приказ, написанный на обрывке бумаги и подписанный самим комбригом, генерал-майором Коноваловым, в котором моему экипажу предписывалось дозаправить танк горючим и снарядами и в двенадцать часов дня атаковать противника. Мы отъехали назад, к какому-то скотному двору, где нас уже поджидал заправщик. Тут же подошел тягач со снарядами. Ко мне присоединился командир другого танка лейтенант Львов и стал помогать грузить заряды. Я отошел за угол сарая, «отлить», и тут увидел, что в одну выгребную яму стащили много трупов немецких солдат. И у одного трупа торчит на мундире муаровая ленточка, именно та, которую я так до конца не оторвал. Спрашиваю у Львова: «Почему

вы пленных расстреляли?» Он отвечает: «Знаешь, Мушкет, с моря, в лесок, прямо туда, где стоял штаб нашего полка, прилетел большой снаряд, солидного калибра, видно корабельный, и с танка Черногубова аж сорвало башню, всего полтора десятка убитых и раненых. И тут эти два немца подходят. Кто-то крикнул: «Корректировщики!» А у одного из них под бушлатом тельняшка. Вот их и хлопнули по горячке»… Я только выматерился… Взяли на борт десять снарядов сверх боекомплекта, уложили их на днище боеукладки, закрыв выход механику-водителю, и я скомандовал Папкову: «Давай! Вперед, к домикам!» Проехали метров пятьсот, и тут по нам стали долбить. И снова: «короткая – выстрел – вперед – короткая – выстрел». Выпустили снарядов шесть, подъехали к разбитому кирпичному дому, а рядом с ним в траншее бойцы. К танку подскочил представительный мужик с усами «под Сталина», не то солдат, не то офицер, запомнилось, что он был еще в ветхой гимнастерке старого образца и на петлицах были следы «шпал» (говорят, что у некоторых было такое «пехотное суеверие»: в бой надевали старую гимнастерку, в которой начинали войну, считалось, что это приносит удачу).

Он сказал: «Я командир штрафной роты. Вы поступаете в мое распоряжение».

Я доложил: «Младший лейтенант Матусов». Здесь уже находились старший лейтенант Валинов и еще один лейтенант со своими экипажами. Командир штрафников сказал, что сейчас мы пойдем на рекогносцировку. Вдоль фундамента дома был выкопан длинный окоп, глубиной до уровня моих глаз. «Штрафник» начал давать указания: «Лейтенант, ваш сектор обстрела – лес с левой стороны». Мне: «Ваш сектор – опушка леса и станционное здание». – «Опушку вижу, а станционные постройки – нет!» – «Согните правую руку, пальцы в кулак, и справа от кулака все увидите». И действительно, сделав все по совету «штрафника», я заметил здание красноватого оттенка. Дальше выделили сектор Валинову – скопление вагонов на станции. И тут «штрафник» скомандовал: «Товарищи офицеры! Смирно! Наша пехота перерезала железную дорогу, и ваша задача поддержать стрелков огнем и броней. По машинам!» Я побежал к танку, почему-то думая, что этот командир, наверное, бывший «академик» (преподаватель Военной академии), посланный в «штрафную» за какой-нибудь грех самим Верховным. Забрался в танк и сказал Возовикову, чтобы он перелез на мое место, что я сам буду вести огонь, хорошо понимая, что у старшины боевого опыта мало, а я уже успел побывать в переделках. Пошли в атаку, три танка в линию. Перед нами выросла как бы огненная стена от разрывов немецких снарядов. Бьем по вспышкам орудий с

коротких остановок, от каждого нашего выстрела машина отходит на полкорпуса назад, я вижу отдачу по танку Валинова. Дошли до немецких окопов, вижу каски перед нами, и артиллерия прекратила по нам бить, чтобы не задеть своих. Стреляем из орудия и пулеметов, и тут по рации команда: «Отойти на исходные позиции!», и механик-водитель это тоже услышал.

Не медля ни секунды, Папков, не разворачивая танк, стал сдавать назад на скорости, благо задняя скорость у ИСа 27 км/ч.

Мы снова оказались за домиками из красного кирпича. Я вылез из танка, подошел к этому командиру штрафников, схватил его за грудки и стал на него орать: «Ты, сволочь, сказал, что пехота перерезала «железку»! Где твоя пехота?! Почему никто за нами не пошел?!» Он спокойно похлопал рукой меня по плечу: «Мы вас в БРД посылали, браток. Для смелости. Если Устав знаешь, так ты в курсе, что такое БРД». Устав я знал и, что такое БРД – разведка боем, – помнил еще по 1-му УФ.

Рядом остановился наш третий танк, и из него вытащили танкиста, раненного в плечо. Вылез лейтенант, командир этой машины, и сказал, что у него от касательного удара снаряда по башне отлетел привод – поворотный механизм. И тут меня этот «штрафник» спрашивает: «Ты стрелял в секторе опушка леса – станционное здание?» – «Так точно». – «Ну тогда пошли со мной в окоп». Спрыгнули в траншеи, прошли вперед, и он мне показывает: «Видишь, где черный дым? Это твоя работа, там «Тигр» горит. Точно, твоя работа. Можешь доложить своему ротному, что сжег немецкий танк». Я присмотрелся и увидел, что на земле лежит, по всей видимости, башня от «Тигра», все в черном дыму, слышны глухие взрывы… Вернулся к своему экипажу. Валинов поставил свой танк неподалеку, между разбитыми домами, высунулся из башни и стал наблюдать за полем боя. И тут ему немецкий снайпер всадил пулю прямо в голову. Тело Валинова экипаж принес за дома. На его переносице было маленькое черное пятнышко, а сзади было выходное отверстие с кулак величиной. Просто вырвало кусок головы. Вместе с его экипажем мы быстро вырыли с тыльной стороны здания могилу и похоронили нашего боевого товарища прямо на этом месте.

Коля Валинов, молодой москвич, умница и красавец с шевелюрой темных волос. Смелый танкист, одним из первых в бригаде вырвавшийся к магистрали во время нашего рейда по тылам противника на Карельском фронте. Замородованный и униженный нашим «старым буденновцем» комбригом Коноваловым, старший лейтенант Валинов нашел свою смерть под Данцигом. Пусть земля ему будет пухом…

После этой атаки Михайлов по рации передал распоряжение вытащить танки Уткина и майора Подполковникова из топи и придал мне в помощь еще одну машину. Пока мы это сделали, пока выкопали капонир для своего танка, потеряли последние силы и, будучи «вдребезги усталыми», в изнеможении забрались в танк и заснули на своих сиденьях в полускрюченном состоянии. Вечером нам передали очередной приказ: в шесть часов утра, по сигналу «две красные ракеты», атака… Ночью кто дремал, кто «травил байки», но в пять утра поднялась стрельба с двух сторон. И мы стали готовиться к бою.

Папков предложил: «Лейтенант, давай НЗ съедим? Вторые сутки ничего не ели». В крафт-мешке лежал наш НЗ: литровая банка немецких мясных консервов, черные сухари и четыре грудки сахара-рафинада. Открыли консервы финкой, по очереди передаем банку друг другу, и только Богданов отказывается есть, говорит: «Вы молодые дураки. Зачем жрете перед боем? Попадет пуля в живот, подохнете, как собаки». На что я ему ответил: «Дело твое, как хочешь» – и передал банку дальше, а Папков меня поддержал: «Зато сытыми помрем!» У меня от обильной еды стало распирать живот, и я ослабил поясной ремень, на котором у меня висели «через рычажок» две гранаты Ф-1. А свой револьвер я носил за пазухой комбинезона, чтобы он не цеплялся за откидное сиденье и не мешал быстро вылезать из башни. Я снял одну гранату с пояса и положил ее на казенник пушки, снова затянул ремень и продолжил есть из банки, заедая мясо сухарями. Вокруг нас все чаще стали раздаваться взрывы немецких снарядов. Возовиков глянул в прицел: «Командир, вижу цель – немецкая пушка. Давай шмальнем по ней!» Пушка была заряжена, и я кивнул заряжающему, мол, валяй, действуй. Выстрел, гильзу отбросило назад, часть копоти от порохового заряда ушла в башню. И тут я вспомнил, что положил «эфку» на казенник орудия. Включили тумблер освещения башни, и я увидел, что граната заскочила в просвет между казенником и тормозом отката и наполовину зажата между ними… Я хотел попробовать вытащить гранату рукой, и… у меня в ладони оказалась только часть ее чугуного корпуса. Говорю экипажу, чтобы лезли под лафет, и попросил у Возовикова отвертку. И в это время в воздух взлетают две красные ракеты… Я отверткой поддел за оставшиеся полкорпуса гранаты… и она выскочила обратно на казенник.

Запал был погнут дугой. Я все ее остатки выбросил через открытый люк… Вот так граната, к нашему общему счастью, не взорвалась. Что интересно, видимо, я был «туповат» и, доставая гранату, страха не испытывал, думал, что от силы мне оторвет несколько пальцев на руке. Мелькнула такая мысль. Но все

обошлось благополучно. Кричу: «Папков! Вперед!», сам сел на сиденье артиллериста, а Возовиков забрался на мое место. Мы не смогли сразу выехать: одна гусеница попала в широкую и глубокую обочину, и танк вело юзом. Я выскочил из башни, чтобы направить действия механика, забежал вперед и стал показывать Папкову, куда ехать. Сбоку, из-за деревьев, выбегает высокий немец в грязной шинели и, чуть не плача, поднимает руки и кричит: «Я поляк!» Я махнул ему рукой – назад, танк выбрался из колеи, и мы пошли в атаку.

Впереди отблески, вспышки орудий. Короткая – выстрел – вперед. Все как обычно.

Папков выжимает сцепление, я стреляю, и танк снова идет вперед. Слева от нас лесок, рядом с которым идет в атаку танк командира взвода. На большом подъеме наша машина глохнет, и Папков не может никак ее завести вновь. Решили попробовать завести танк инерционным стартером, на боеукладке лежала заводная ручка. Вставили ручку в гнездо на перегородке моторного отделения и втроем стали ее крутить. Я, раскручивая торец мотора – храповик, крикнул Папкову: «Давай газ!», а сам оттянул рычаг включения, и машина завелась… По местам и вперед! Преодолели подъем и стали спускаться в низину. Я увидел обрыв, дальше шла колея железной дороги, а за ней шел сплошной лес. И в этот момент из леса по нашему танку стали бить орудия. Снаряд попал прямо в танк, и внутри машины все осветила громадная белая вспышка света, как будто смотришь близко на сварку. На какую-то долю секунды я увидел, что голова Папкова откинулась назад и из его рта идет белая пена. Наверное, это шла кровь, но в белой вспышке она показалась мне пеной. Кричу ему «Папков!!!», а он… мертвый. Снова истошно кричу, уже своим старшинам: «Выскакивайте!» Мы выскочили из танка в разные стороны, они побежали в поле, а я к лесу. В руках у меня автомат ППС. Около леса стояли небольшие пушки, а между деревьями пулеметы на сошках. Кругом кучи стреляных гильз. Бегу в лес, пули свистят, и мне казалось, что это наши по мне по ошибке стреляют. Бегу инстинктивно, не понимая толком куда и зачем, стреляю из автомата по сторонам. Передо мной бугорок с разрушенным блиндажем, заскакиваю внутрь, а там куча окровавленных бинтов, валяется большой раскрытый чемодан с блестящими хирургическими инструментами…

Я назад к выходу, и тут надо мной летят щепки от торцов бревен блиндажа. Я понял, что по мне стреляют, и юркнул снова в блиндаж. У правой стойки входа я, полусидя, изготовился к стрельбе. И в это мгновение в блиндаж лезет «фриц» с автоматом, он сразу меня заметил и закричал. Я жму на спусковой крючок, а

выстрела нет! Видно, и немцу в этот день счастье, как и мне, перепало. Оказывается, я расстрелял весь рожок, еще когда бежал по лесу… Сначала в проеме показался ствол немецкой винтовки, и я оцепенел.

И тут в блиндаж летит граната на деревянной ручке. Я эти гранаты знал, мы их изучали, да в памяти крепко засел рассказ, как во время Гражданской войны в Испании республиканцы выбрасывали эти гранаты из окопов назад на противника, ведь они взрываются только через 6–7 секунд после броска.

И, видно, в критические моменты, когда все в человеке подчинено одному желанию – выжить, сознание «выбрасывает» подобную информацию для спасения. Я потянулся к гранате, и в это время залетела еще одна. Взрыв… Мне кажется, что я не терял сознания… Запахло горелым мясом, все внутри блиндажа заполнилось едким желтым дымом, и я стал задыхаться… Боли не чувствовал из-за возбуждения, но правый глаз ничего не видел. Я рукой за лицо, что-то мокрое, и я решил, что мне один глаз выбило осколками, закрыл правый глаз ладонью, левый видит, и я обрадовался. Дышать из-за дыма нечем, я дышал «как рыба». Чувствую, что-то мокрое в одном сапоге, провел рукой – кровь, но вроде кости целы. И в это время начался орудийный обстрел по участку, на котором находился этот злополучный блиндаж, сверху на меня стала осыпаться земля. Желтый дым от сгоревшего тола слабо выходил из моей западни, я задыхался, но рядом слышалась немецкая речь, кто-то из «фрицев» подавал команды. Я отбросил в сторону бесполезный автомат и достал из-за пазухи «наган». В голове одна мысль: что, если немцы забегут в блиндаж, я не смогу притвориться мертвым, поскольку не могу успокоиться и сильно дышу из-за нехватки воздуха. Следующий снаряд разорвался совсем рядом, снова посыпалась сверху земля, и я приставил револьвер к своему виску. Плен – не для меня!

В проеме, в двух метрах от меня, показалась спина в немецком мундире, руки раздвинуты, видно, смотрит в бинокль. Меня уже посчитали мертвым, и немец не чувствовал никакой опасности сзади. Решение пришло за доли секунды. Я, вместо того чтобы выстрелить в себя и покончить разом со всем, выстрелил в немецкую спину. Немец сник, стал падать, заваливаясь вперед. И в этот момент снова разрывы снарядов в траншее. Еще осыпáлась земля, как я выскочил из блиндажа, перепрыгнул через что-то и застыл на месте… Прямо по траншее передо мной кучно лежали человек пятнадцать немцев в зеленых шинелях, прижавшись к земле, спасаясь от осколков. Я пальнул в одного лежачего и побежал куда-то, вроде вниз к редкому лесу. По мне, видно, немцы стреляли вдогонку, ибо у меня из руки

выбило револьвер с такой силой, как будто палкой ударили. Я бежал, пока не оказался возле подбитого ИС-2, люки открыты, ствол сдвинут набок. Забежал сзади танка. Там воронка, я в нее. Осомотрелся, вижу, как недалеко отходит назад наш ИС-2 и в его сторону летит фаустпатрон, как желтая «свиная морда». Где-то недалеко взрыв, и тут я вылетел из воронки и побежал к этому отходящему танку и заскочил за левое крыло. На опушке леса танк остановился, и я скатился с него и пополз туда, где находились позиции наших штрафников. Сил идти уже не было. На душе такая радость – живой! Дополз до штрафников, стал им рассказывать, из какой кровавой каши я только что вылез. Кто-то из них разрезал мой сапог и перебинтовал раненую ногу. Сапог был полон крови. В эту минуты в двухстах метрах от нас в лесу раздались очереди из немецких автоматов. Я посмотрел в сторону и увидел, как стоят в ряд наши танки Т-34, но тут машины стали загораться одна за другой, и часть танков просто стала уходить за опушку, стрельбой из пулемета сдерживая немецких автоматчиков. Штрафники разбежались по сторонам… И я снова пополз по вдавленному следу к линии наших окопов, переполз через них, впереди меня небольшой холмик, там вырыт окоп, и из него какой-то сержант с медалями на гимнастерке кричит мне: «Давай сюда!» Я подполз, а у него тесный маленький окопчик, глубиной по пояс, но рядом была вроде еще пустая вырытая ячейка. Оттуда вылез солдат с сумкой, на которой был красный крест. Сержант кричит ему: «Перевяжи раненого!» Я заполз, санинструктор стал бинтовать мне голову, оставив открытым только один глаз. Я ему сказал: «Спасибо, браток, я свое отвоевал» – и пополз дальше в низину и снова вверх на бугор. Смотрю на поле боя и насчитал на нем 17 наших танков, некоторые из них сильно дымились. Сержант кричит мне с другого бугорка: «Ползи назад, ко мне, по тебе стреляют». И я увидел, как навстречу бегущим штрафникам появился на возвышенности человек в солдатском ватнике, с винтовкой с оптическим прицелом в руках, и орал на бегущих «Назад!», и бойцы стали поневоле возвращаться в брошенные окопы. Дополз до сержанта, и он мне говорит: «Видал, это наш капитан остановил драпальщиков», а я еще подумал, вроде заградотряды уже отменили, откуда тогда взялся этот офицер со «снайперкой»… Меня мутило, я не мог найти себе места, дикая жажда, и я снова выполз из неглубокого окопчика и пополз к дороге, в кювете которой был маленький ручеек. Все руки в грязи и в крови, и я лакал мутную воду, как собака. Рядом разрывы мин, слышна сильная перестрелка. Возвращаюсь к сержанту, а он… сидит в окопе, голова откинута назад, руки выставлены

вперед, уперты в край окопа, и с них как будто шкуру с пальцев срезали, все в крови. А на груди сержанта вогнута внутрь медаль «За отвагу» и впадина. Видно, мина попала ему в грудь и разорвалась. Мимо ползет девушка с санитарной сумкой, добралась до убитого сержанта, сняла с его руки часы, кинула в сумку и снова поползла вперед.

Боец из соседнего окопчика, тот, который бинтовал мне голову, крикнул: «Это наш санинструктор, Маруся. Не баба, а конь с яйцами. А тебе, танкист, повезло. Как тебя сержант в свой окоп звал… Счастье твое, что ты от него уполз, а то сейчас бы так же мертвым валялся!» Я снова стал испытывать жажду и опять пополз напиться к дороге. На ней появился тягач, Т-34 без башни, танкисты с него меня заметили, подняли на броню и привезли сразу в какой-то санбат или полевой госпиталь. Мне вкололи противостолбнячную сыворотку, раздели догола, положили на операционный стол, привязав к нему жгутами руки и ноги. Пришел врач-хирург, спросил: «Пьешь много?» – «Нет, я малопьющий». – «Это нормально». На лицо положили марлевую повязку, и медсестра начала капать раствор из бутылки.

Я задыхался, такое ощущение, будто тебя медленно душат и ты проваливаешься в бездну с великим грохотом в голове, словно тебя по ней кувалдой огрели. Очнулся я, как мне показалось, минут через тридцать, уже на носилках, и услышал, как хирург диктует кому-то из своих: «Запишите, сестра, сделано два продольных разреза голени: 18 и 12 сантиметров». Занесли меня в палату, а там уже лежит командир моей роты капитан Михайлов. Ему, когда он выскакивал из горящего танка, две пули попали пониже спины и прошли навылет. Михайлов ко мне всегда неплохо относился, хотя с другими танкистами был груб и заслужил от них прозвище «Волчара». Михайлов сказал, что Уткин погиб, ему оторвало голову. Мы пролежали в госпитале 18 суток, он уже ходил с палкой, а я на костылях, и, когда бригаду перебрасывали на Одер, нас, по распоряжению танкового начальства, забрали из госпиталя с собой. Мы почти выздоровели, и, когда вернулись в полк, Михайлов снова стал командиром роты, а меня опять взял к себе командиром экипажа танка ИС-2. И тут выясняется, что в том бою мои танкисты Возовиков и Богданов также спаслись, они снова попали со мной в один экипаж, а механика-водителя мне дали из бывших политруков, прошедших после упразднения института военных комиссаров переобучивание на строевые воинские специальности. Механиком оказался старший лейтенант, казах Джамбаев, которого я называл по отчеству «Джамбаевич». Было ему уже лет 40–45, невысокий, коренастый, с грубым смуглым лицом. Он рассказал, что в армии

служит уже седьмой год. С его слов, он участвовал в Финской кампании, а в Отечественную на фронт попал впервые, только сейчас, весной сорок пятого, и под Алма-Атой у него осталась семья и четверо детей. Джамбаев был тихим, выглядел каким-то подавленным, и я подумал, что ему, старшему лейтенанту, неприятно, что он должен подчиняться мне, офицеру в звании на две ступени ниже его. Как механик-водитель он был подготовлен слабо, и мне приходилось ему все время что-то показывать и подсказывать. Перед форсированием Одера весь офицерский состав полка собрали вместе и нас предупредили, что мы будем двигаться по дамбе к реке, и если какая-то машина заглохнет, то ее сразу будут сбрасывать под откос, чтобы не замедлять движения колонны полка вперед. Дамбу мы проехали без ЧП и добрались до тяжелых понтонов, которые дожны были перебросить танки на другой берег. Мой ИС должен был переправляться первым, но командир полка Ленков приказал «Отставить!» и добавил, что первым через Одер пойдет его танк. И тут случилось несчастье. Танк комполка заехал на понтон всего метра на полтора, как противоположная часть понтона поднялась и вздыбилась над водой. Механик, старшина, с улыбкой вылез из танка, и ему Ленков махнул рукой, мол, проезжай дальше вперед. Механик обратно в танк, проехал еще с метр, и тут понтон «вывернулся» из-под танка, «сыграл», и машина моментально ушла под воду. Там глубина была метров семь. Механик утонул… А он был еще раньше, в Карелии, водителем танка у погибшего лейтенанта Валинова, и тогда произошла с ним беда: танкисты пошли поохотиться, и этот механик случайным выстрелом ранил своего товарища. Получил за это от трибунала три месяца штрафной роты, и когда он по истечении срока вернулся в полк живым, то подполковник Ленков взял его в свой экипаж как классного механика-водителя. И вот он… так глупо погиб на наших глазах… Уже потом, когда танк подняли со дна реки, этого старшину похоронили со всеми почестями. Стали разбираться с понтонерами, и выяснилось, что их командиру, капитану, сказали, что переправляться будут Т-34, а не ИС-2, которые на 18 тонн тяжелее «тридцатьчетверок», вот и произошла трагедия – понтон не выдержал тяжести.

Мы ждали на берегу, пока не пригонят более мощные понтоны, нас перебросили через реку, а там еще один рукав разлился. Мы снова двигались по дамбам, потом скапливались для атаки в низине. К вечеру полк вышел на шоссе Берлин – Штеттин, и наши танки прорвали фронт противника. Впереди нас шли Т-34, а наша полковая колонна пошла по дороге за ними. Нас обогнали БТРы с пехотой, и в сумерках мы попали в засаду. Сбоку

из леса по колонне стали бить несколько немецких танков, загорелись наши колесные машины, но паники не было. Мы развернули башню, выпустили по танкам несколько снарядов. А потом немецкие танки ушли в глубь леса. И мы снова пошли вперед. Наша лавина проскочила городок, который, кажется, назывался Демин, и на развилке увидели указатель: «До Берлина – 80 километров». Доехали до какого-то большого города, все танки развернулись в линию и приготовились к атаке. Передо мной, чуть левее, метрах в трехстах каменный мост, и я сразу подумал, что немцы «застрелятся», но этот мост обязательно заминируют. И точно, как только на мост заехал первый Т-34, раздался взрыв и от моста полетели обломки. Экипаж погиб. Мы обошли переправу по каким-то канавам и оказались на окраине этого города. По нам не стреляют, стало не по себе. И тут мы видим, как навстречу нам с белыми флагами идет колонна немецких солдат, заезжаем в город… а там на всех окнах висят белые простыни или самодельные белые флаги. Германия сдается… Мы без боя дошли до центральной городской площади, и наша колонна остановилась. Это было 28 апреля 1945 года. Так для нас закончилась война…

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Демобилизовался я из армии 5/1/1947 года. На Донбасс возвращаться не было смысла, почти вся моя семья погибла от немецких рук в оккупацию. И я поехал к старшей сестре, оставшейся после эвакуации жить в Узбекистане. Приехал на рудник Койташ Джизакской области УзССР, и на этом руднике по добыче вольфрама я проработал 42 года, провел в шахте под землей с 1947 по 1989 год. Начинал простым подземным бурильщиком разведочных скважин, по седьмому разряду, через два года стал прорабом подземных буровых работ, потом закончил заочно Семипалатинский геологоразведочный техникум и на своем руднике трудился геологом капитальной разведки. Работал на совесть, вкалывал как каторжник. Женился на девушке из Белоруссии, медсестре, но вот уже прошло почти 16 лет, как я остался один: жена ушла из жизни.

А мой рудник Койташ, который я знал как свои пять пальцев, уже закрыт и все подземные шахты затоплены… Говорят, что якобы из-за истощения рудных запасов…

Приехал с детьми сюда на ПМЖ… Вот и вся моя жизнь… Фронтовая и послевоенная…